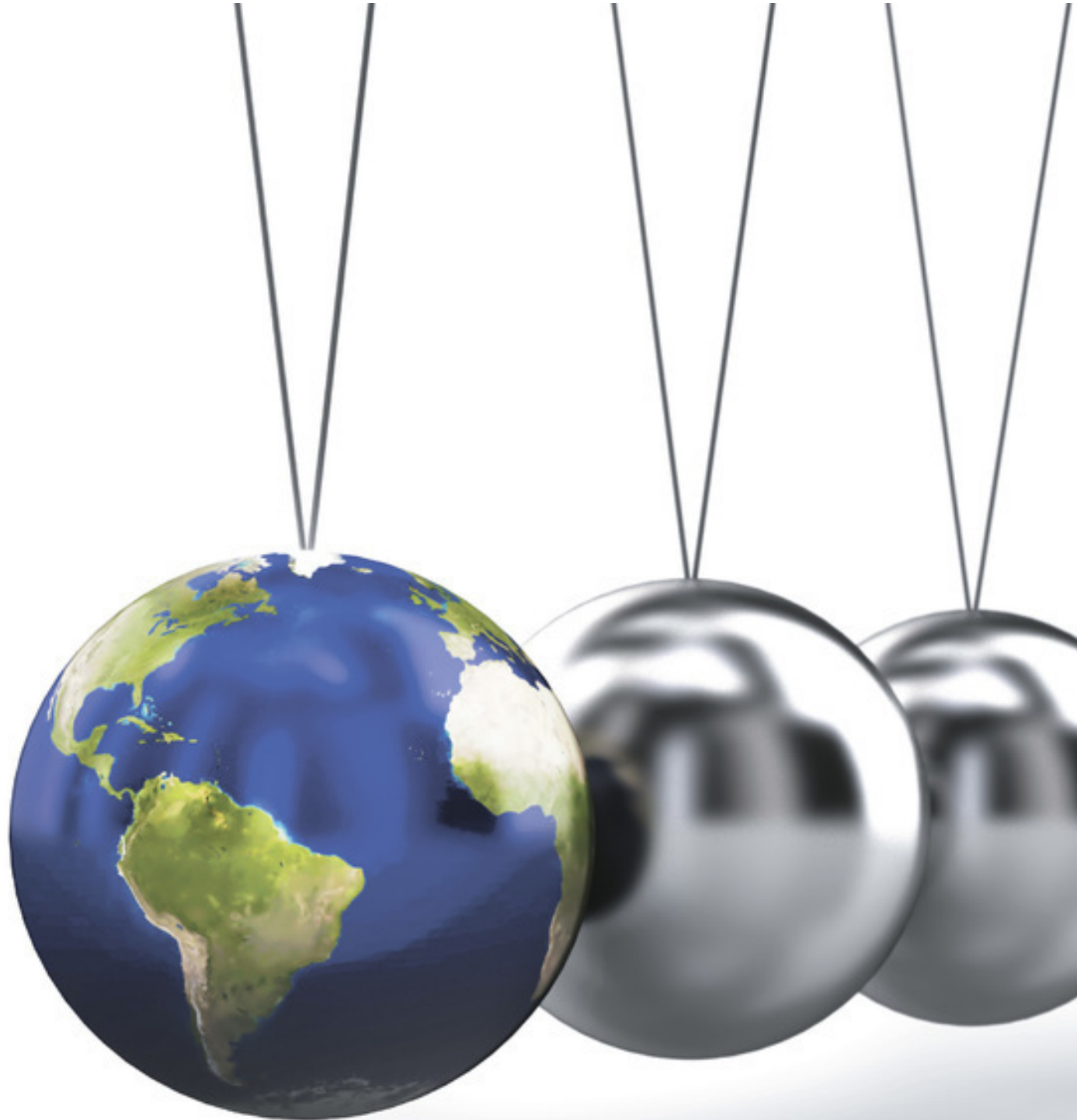

Самюэль ХАНТИНГТОН

Столкновение цивилизаций

NEOCLASSIC

Самюэль Хантингтон

Столкновение цивилизаций

«АСТ»

1996

Хантингтон С.

Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — «АСТ», 1996

ISBN 978-5-17-072374-4

Книга Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» – один из самых популярных геополитических трактатов 1990-х годов. Возникшая из статьи в журнале «Foreign Affairs», которая вызвала наибольший резонанс за всю вторую половину XX века, она по-новому описывает политическую реальность наших дней и дает прогноз глобального развития всей земной цивилизации.

ISBN 978-5-17-072374-4

© Хантингтон С., 1996

© АСТ, 1996

Содержание

Предисловие Збигнева Бжезинского	7
Предисловие	9
Часть 1	11
Глава 1	11
Введение: флаги и культурная идентичность	11
Многополюсный, полицивилизационный мир	12
Другие миры?	16
Карты и парадигмы	16
Один мир: эйфория и гармония	18
Два мира: мы и они	19
Почти 184 страны	20
Сущий хаос	21
Сравнение миров: реалии, теоретизирование и предсказания	22
Глава 2	26
Природа цивилизаций	26
Синская цивилизация	30
Японская цивилизация	30
Индуистская цивилизация	30
Исламская цивилизация	30
Православная цивилизация	30
Западная цивилизация	31
Латиноамериканская цивилизация	31
Африканская (возможно) цивилизация	32
Взаимоотношения между цивилизациями	33
Случайные встречи. цивилизации до 1500 года до н. э.	33
Коллизия: подъем запада	34
Взаимодействия: полицивилизационная система	37
Глава 3	40
Универсальная цивилизация, значение термина	40
Язык	42
Религия	47
Универсальная цивилизация: происхождение термина	48
Запад и модернизация	50
Античное (классическое) наследие	51
Католицизм и протестантство	51
Европейские языки	52
Разделение духовной и светской власти	52
Господство закона	52
Социальный плюрализм	52
Представительные органы	53
Индивидуализм	53
Ответы на влияние запада и модернизацию	54
Отторжение	54
Кемализм	54

Реформизм	55
Часть 2	61
Глава 4	61
Мощь запада: господство и закат	61
Территория и населения	63
Экономический продукт	66
Военный потенциал	67
Индигоенизация: возрождение не-западных культур	70
La revanche de dieu	73
Глава 5	80
Азиатское самоутверждение	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Самюэль Хантингтон

Столкновение цивилизаций

© Samuel P. Huntington, 1996

© Перевод. Т. Велимеев, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Samuel P. Huntington THE CLASH OF CIVILIZATIONS

Под общей редакцией К. Королева и Е. Кривцовой

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения Samuel P. Huntington QTIP Marital Trust и литературных агентств Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие Збигнева Бжезинского

Книга «Столкновение цивилизаций» чрезвычайно богата по своему замыслу и воплощению. Она дает новое понимание современного мирового хаоса и предлагает новый словарь для интерпретации стремительно растущих проблем нашего все более тесного мира. Предложенный Хантингтоном анализ тектонических сдвигов в таких базовых областях, как вера, культура и политика, поначалу ошеломляет, но с каждой страницей становится все более убедительным. Нет никаких сомнений, что эта книга займет свое место среди немногих поистине глубоких и серьезных работ, необходимых для ясного понимания современного состояния мира.

Широта кругозора и острая проницательность автора вызывают неподдельное восхищение и даже, как это ни парадоксально, некоторый скепсис (особенно в начале чтения): уж слишком, на первый взгляд, легко он преодолевает традиционные линии разграничения между социальными науками. Иной раз даже возникает желание оспорить некоторые личные оценки Хантингтона или развить его воззрения в манихейском духе. Эта книга обрела поистине глобальную читательскую аудиторию, что является ярким свидетельством того, что она гораздо лучше отвечает широко распространенному ныне стремлению глубже и точнее понять невероятно сложную историческую реальность наших дней, чем классические социальные дисциплины.

Однако прежде чем идти дальше, я должен сделать два откровенных признания.

Во-первых, хочу признаться, что мы с Сэмом были близкими друзьями на протяжении большей части нашей сознательной жизни. Мы вместе учились в аспирантуре в Гарварде, а затем преподавали. Подружились и наши жены. После того как Сэм переехал из Гарварда в Колумбийский университет, он уговорил меня последовать за ним. Наши пути разошлись, когда он возвратился в Гарвард, а я остался в Колумбийском университете, однако нам все-таки удалось совместно написать книгу. Позднее, когда я уже работал в Белом доме, он снова присоединился ко мне и занимался всесторонней стратегической экспертизой глобального соперничества между США и Советским Союзом. В администрации Картера и Рейгана самым серьезным образом прислушивались к его мнению.

Во-вторых, несмотря на дружеские отношения, мы порой расходились во взглядах. По правде говоря, я довольно скептически воспринял основную идею его книги, когда он впервые высказал ее в статье, опубликованной в 1993 г. в июльском выпуске «Foreign Affairs» («Международные отношения»). Как и многие другие, я был впечатлен широтой анализа автора, но меня несколько смутила попытка уложить в некоторую общую интеллектуальную схему невообразимо сложную динамику современных национальных, религиозных и социальных конфликтов, происходящих в мире. Однако выслушав аргументы Сэма, прозвучавшие в ответ на критику в различных дискуссиях, и прочитав книгу целиком, я полностью избавился от изначального скепсиса. Я убедился, что его подход важен не только для понимания современных мировых отношений, но и для рационального воздействия на них.

Нужно подчеркнуть еще один момент. Наряду с превосходной интерпретацией сложностей политической эволюции, книга Хантингтона представляет собой интеллектуальную стартовую площадку для политиков новой формации. Это люди, которые считают неприемлемой пассивную капитуляцию перед упрощенным историческим детерминизмом и не считают конфликт цивилизаций неизбежным моральным императивом нашего времени. Некоторые сторонники таких крайних воззрений после 11 сентября поддались искушению свести цивилизационные вызовы противостоящего Америке мира к простому лозунгу: «Мы любим свободу, они ее ненавидят». И нет ничего удивительного в том, что политические выводы, извлеченные из такого упрощенного и даже демагогического противопоставления, привели к обескураживающим результатам, когда их попытались применить в реальной жизни.

Книга «Столкновение цивилизаций» с точки зрения политологии представляет собой великое предупреждение. Почти за десять лет до 11 сентября Хантингтон предупреждал, что в современном, политически пробудившемся, мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас (так же, как атомное оружие, представляющее опасность для всего человечества) ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями. Вот почему работа Хантингтона является новаторской не только в интеллектуальном плане, но и претендует на настоящую политическую мудрость.

Предисловие

Летом 1993 года журнал «Foreign Affairs» опубликовал мою статью, которая была озаглавлена «Столкновение цивилизаций?». По словам редакторов «Foreign Affairs», эта статья за три года вызвала больший резонанс, чем любая другая, напечатанная ими с 1940-х годов. И конечно же, она вызвала больший ажиотаж, чем все что я написал ранее. Отклики и комментарии приходили из десятков стран, со всех континентов. Люди были в той или иной степени поражены, заинтригованы, возмущены, напуганы и сбиты с толку моим заявлением о том, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций. Видимо, ударило по нервам читателей всех континентов.

С учетом того, какой интерес вызвала статья, а также количества споров вокруг нее и искажения изложенных фактов, мне видится желательным развить поднятые в ней вопросы. Замечу, что одним из конструктивных путей постановки вопроса является выдвижение гипотезы. Статья, в заглавии которой содержался проигнорированный всеми вопросительный знак, была попыткой сделать это. Настоящая книга ставит своей целью дать более полный, более глубокий и подтвержденный документально ответ на вопрос, поставленный в статье. Здесь я предпринял попытку доработать, детализировать, дополнить и, по возможности, уточнить вопросы, сформулированные ранее, а также развить многие другие идеи и осветить темы, не рассмотренные прежде вовсе или затронутые мимоходом. В частности, речь идет о концепции цивилизаций; о вопросе универсальной цивилизации; о взаимоотношениях между властью и культурой; о сдвиге баланса власти среди цивилизаций; о культурных истоках не-западных обществ; о конфликтах, порожденных западным универсализмом, мусульманской воинственностью и притязаниями Китая; о балансировании и тактике «подстраивания» как реакции на усиление могущества Китая; о причинах и динамике войн по линиям разлома; о будущем Запада и мировых цивилизаций. Одним из важных вопросов, не рассмотренных в статье, является существенное влияние роста населения на нестабильность и баланс власти. Второй важный аспект, не упомянутый в статье, подытожен в названии книги и завершающей ее фразе: «...столкновения цивилизаций представляют наибольшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, учитывающий интересы разных цивилизаций, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны».

Я не стремился написать социологический труд. Напротив, книга задумывалась как трактовка глобальной политики после холодной войны. Я стремился представить в ней общую парадигму, систему обзора глобальной политики, которая будет ясной для исследователей и полезной для политиков. Проверка ее ясности и полезности заключается не в том, охватывает ли она все, что происходит в глобальной политике. Естественно, нет. Проверка заключается в том, предоставит ли она в ваше распоряжение полезную проясняющую линзу, сквозь которую можно рассматривать международные процессы. Кроме того, никакая парадигма не может существовать вечно. В то время как международный подход может оказаться полезным для понимания глобальной политики в конце двадцатого – начале двадцать первого века, это не означает, что он окажется в равной мере действенным для середины двадцатого или середины двадцать первого века.

Идеи, которые затем воплотились в статье и этой книге, были впервые публично выражены на лекции в Американском институте предпринимательства в Вашингтоне в октябре 1992 года, а затем изложены в сообщении, подготовленном для проекта Института стратегических исследований Джона М. Олина «Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы», который был воплощен благодаря фонду Смита – Ричардсона. После публикации статьи я участвовал в бесчисленных семинарах и дискуссиях с представи-

телями правительственных, академических, предпринимательских и иных кругов в Соединенных Штатах. Кроме того, мне посчастливилось принимать участие в обсуждениях статьи и ее тезисов во многих других странах, включая Аргентину, Бельгию, Великобританию, Германию, Испанию, Китай, Корею, Люксембург, Россию, Саудовскую Аравию, Сингапур, Тайвань, Францию, Швецию, Швейцарию, ЮАР и Японию. Эти встречи познакомили меня со всеми основными цивилизациями, кроме индуистской, и я вынес бесценный опыт из общения с участниками этих дискуссий. В 1994 и 1995 годах я проводил в Гарварде семинар о природе мира после холодной войны, и меня вдохновили его живая атмосфера и довольно критичные подчас замечания студентов. Неоценимый вклад в работу внесли также мои коллеги и единомышленники из Института стратегических исследований Джона М. Олина и Центра международных дел при Гарвардском университете.

Рукопись была полностью прочитана Майклом С. Дэшем, Робертом О. Кеохане, Фаридом Закария и Р. Скоттом Циммерманном, чьи замечания способствовали более полному и ясному изложению материала. В ходе написания Скотт Циммерманн оказал неоценимое содействие в исследовательских работах. Без его энергичной, квалифицированной и преданной помощи книга ни за что не была бы завершена в такие сроки. Наши ассистенты из студентов – Питер Джун и Кристиана Бриггс – также внесли свой конструктивный вклад. Грейс де Мажистри напечатала раннюю версию рукописи, а Кэрол Эдвардс с вдохновением и энтузиазмом переделывала рукопись так много раз, что она, должно быть, знает ее почти наизусть. Дениз Шеннон и Линн Кокс из издательства «Жорж Боршар» и Роберт Ашания, Роберт Бендер и Джоанна Ли из издательства «Саймон энд Шустер» энергично и профессионально подготовили рукопись к публикации. Я бесконечно благодарен всем, кто помогал мне с созданием этой книги. Она получилась намного лучше, чем была бы в ином случае, и оставшиеся недоработки лежат на моей совести.

Моя работа над этой книгой стала возможной благодаря финансовой поддержке фондов Джона М. Олина и Смита-Ричардсона. Без их содействия процесс написания растянулся бы на годы, и я премного благодарен им за их щедрую помощь в этом начинании. В то время как другие фонды фокусируют свою деятельность на внутренней проблематике, фонды Олина и Смита – Ричардсона заслуживают одобрения за то, что содействуют изучению вопросов войны и мира, национальной и международной безопасности.

С. П. Хантингтон

Часть 1

Мир цивилизаций

Глава 1

Новая эра мировой политики

Введение: флаги и культурная идентичность

Третьего января 1992 года в зале одного из правительственных зданий Москвы состоялась встреча российских и американских ученых. За две недели до этого Советский Союз прекратил свое существование, и Российская Федерация стала независимым государством. Вследствие этого памятник Ленину, красовавшийся прежде на сцене аудитории, исчез, зато на стене появился российский флаг. Единственной проблемой, как заметил один из американцев, было то, что флаг вывесили вверх ногами. После того как замечание было передано представителям принимающей стороны, во время первого же перерыва ошибка была быстро и спокойно исправлена.

За годы, прошедшие после окончания холодной войны, мы стали свидетелями начала огромных перемен в самоидентификации народов и символах их идентичности. Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных. Перевернутые флаги были знаком перехода, но все больше и больше флагов развеваются высоко и гордо, а русские и другие народы сплываются вокруг них и прочих символов своей новой культурной идентичности.

18 апреля 1994 года две тысячи человек собрались в Сараеве, размахивая флагами Саудовской Аравии и Турции. Подняв над собой эти стяги вместо флагов ООН, НАТО или США, эти жители Сараева отождествляли себя со своими братьями-мусульманами и показали миру, кто их настоящие и «не такие уж и настоящие» друзья.

16 октября 1994 года в Лос-Анджелесе 70 000 человек вышли на улицы с «морем мексиканских флагов», протестуя против вынесенной на референдум поправки 187, которая отменяла многие государственные льготы для незаконных эмигрантов и их детей. «Почему они вышли на улицы с мексиканским флагом и требуют, чтобы эта страна давала им бесплатное образование? – интересовались наблюдатели. – Им следовало бы размахивать американским флагом». И в самом деле, две недели спустя протестующие вышли на улицы с американским флагом – перевернутым. Эта выходка с флагом обеспечила победу поправки 187, которая была одобрена 59 % жителей Калифорнии, имеющих право голоса.

В мире после холодной войны флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентичности, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентичность – самая важная вещь. Люди открывают новые, а зачастую и старые символы идентичности и выходят на улицы под новыми, а порой и старыми флагами, что приводит к войнам с новыми, но нередко и старыми врагами.

В романе Майкла Дибдина «Мертвая лагуна» устами венецианского националиста-демагога выражен весьма мрачный, но характерный для нашего времени взгляд на мир: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся. Это старые истины, которые мы с болью заново открываем после более чем столетия сентиментального лицемерия. Те, кто отрицает эти истины, отрицает свою семью, свое наследие, свое право по рождению, самое себя! И таких

людей нельзя с легкостью простить». Прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни ученый, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль «линий разлома» между основными мировыми цивилизациями.

Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности (которая в самом широком понимании совпадает с идентичностью цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. В пяти частях книги выводятся следствия из этой главной предпосылки.

Часть I: Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделена от «вестернизации» – распространения западных идеалов и норм и не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ.

Часть II: Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; не-западные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур.

Часть III: Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: социумы, имеющие культурное сходство, сотрудничают друг с другом; попытки перемещения социума из условий одной цивилизации в другие и чуждые оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.

Часть IV: Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью – между мусульманами и не-мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны.

Часть V: Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентичность и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания.

Многополюсный, полицивилизационный мир

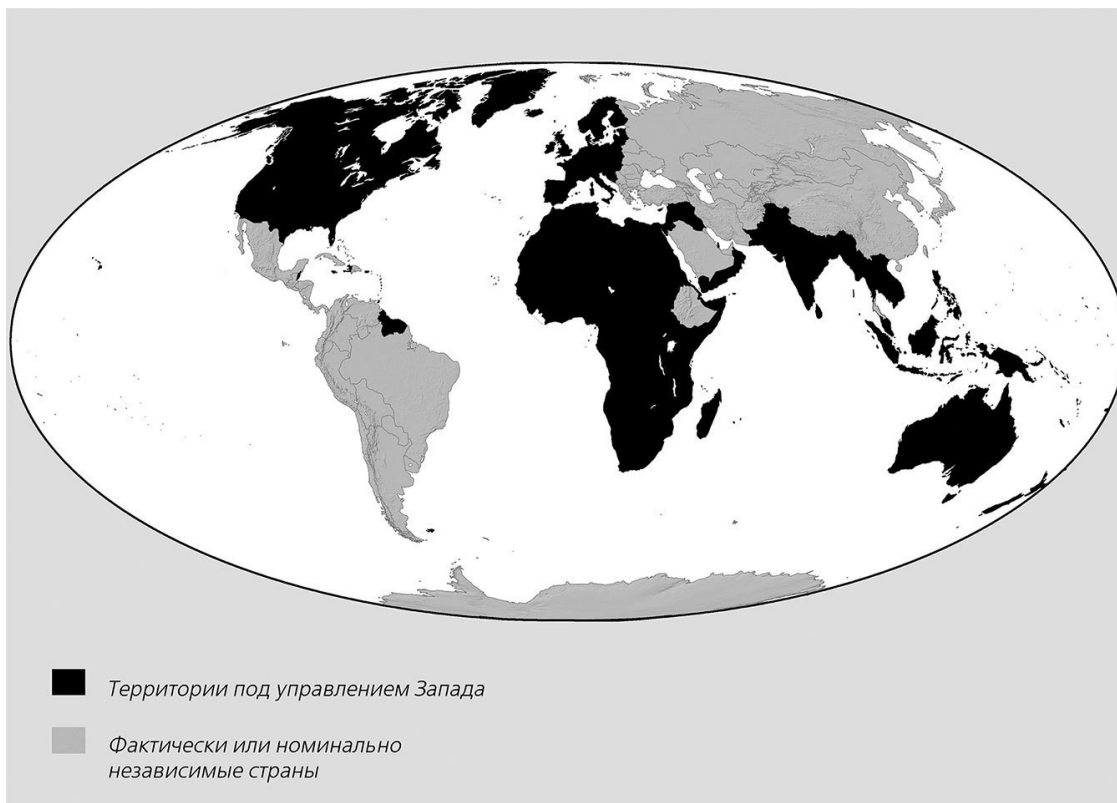
Политика в мире после холодной войны впервые в истории стала и многополюсной, и полицивилизационной. Большую часть существования человечества цивилизации контактировали друг с другом лишь время от времени или не имели контактов вовсе. Затем, с началом современной эры, около 1500 года н. э., глобальная политика получила два направления. На протяжении более четырехсот лет национальные государства Запада – Британия, Франция, Испания, Австрия, Пруссия, Германия, Соединенные Штаты и другие – представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны друг против друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации (см. карту 1.1). Во время холодной войны глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и временами военное противостояние группе небогатых коммунистических стран, сплоченных и ведомых Советским Союзом. Этот конфликт в значительной

степени проявлялся за пределами двух лагерей – в третьем мире, который состоял зачастую из бедных, политически нестабильных государств, которые лишь недавно обрели независимость и заявили о политике неприсоединения (карта 1.2).

В конце 1980-х коммунистический мир рухнул, и международная система времен холодной войны стала историей. В мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы.

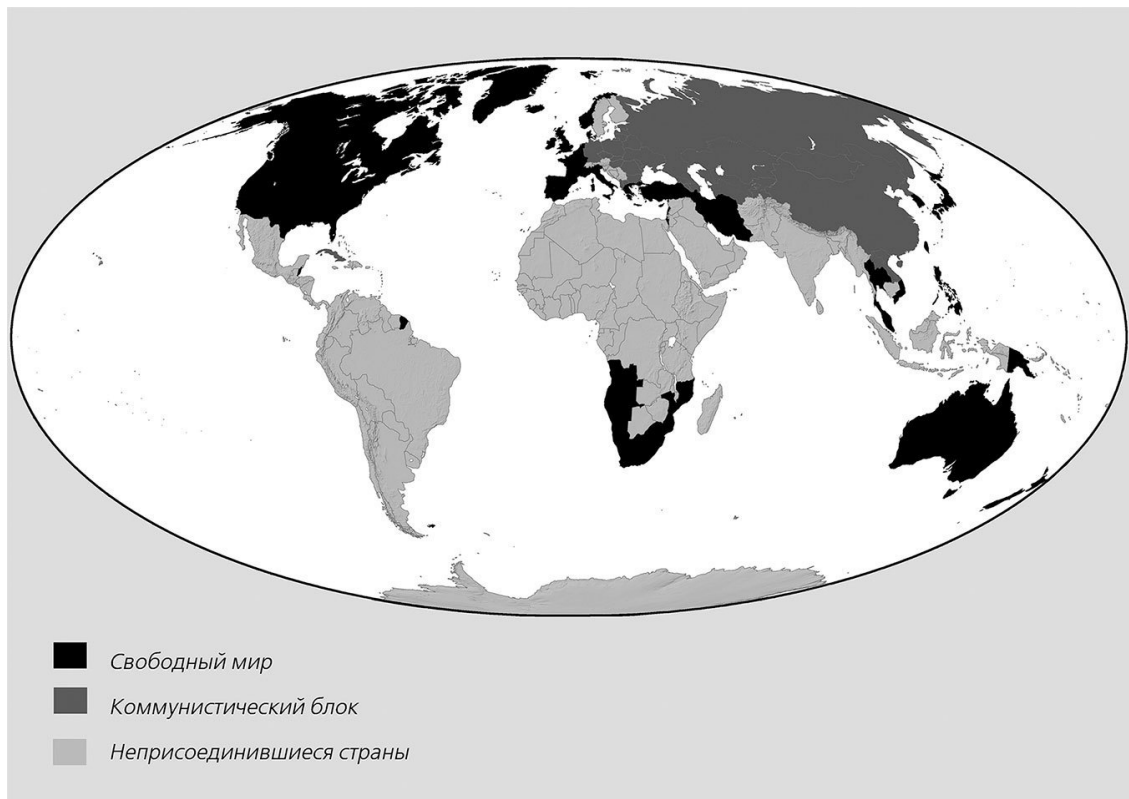
Карта 1.1

Запад и остальные: 1920

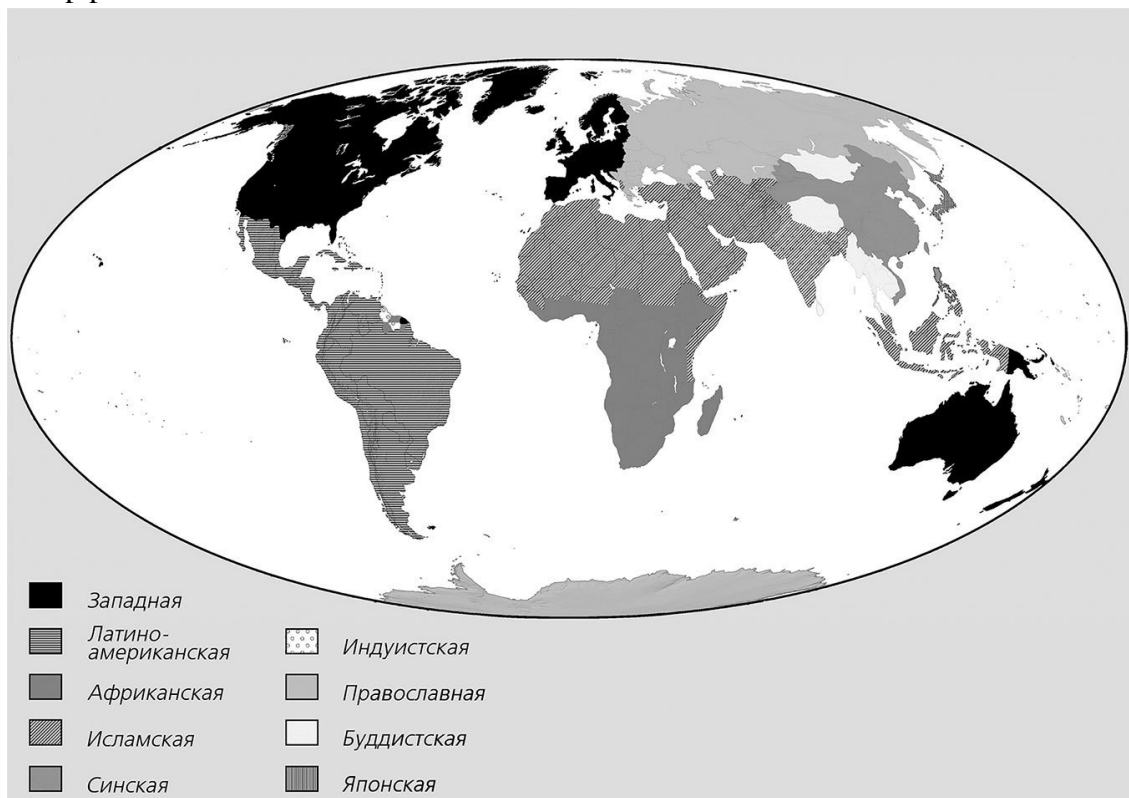

Карта 1.2

Мир холодной войны: 1960-е

Карта 1.3
Мир разных цивилизаций: после 1990-х годов

Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию, но

определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее, семь или восемь основных мировых цивилизаций (карта 1.3). Не-западные общества, особенно в Южной Азии, повышают свое экономическое благосостояние и создают основу для увеличения военной мощи и политического влияния. С повышением могущества и уверенности в себе не-западные страны все больше утверждают свои собственные ценности и отвергают те, которые «навязывает» им Запад. «Международная система двадцать первого века, – заметил Генри Киссинджер, – будет состоять по крайней мере из шести основных держав – Соединенных Штатов, Европы, Китая, Японии, России и, возможно, Индии, а также из множества средних и малых государств» [1]. Шесть держав Киссинджера принадлежат к пяти различным цивилизациям, и, кроме того, есть еще влиятельные исламские страны, чье стратегическое расположение, большое население и запасы нефти делают их весьма значимыми фигурами мировой политики. В этом новом мире локальная политика является политикой этнической, или расовой, принадлежности; глобальная политика – это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций.

В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности. Внутри цивилизаций будут случаться межплеменные войны и этнические конфликты. Столкновения и вспышки насилия между странами различной цивилизационной принадлежности несут с собой потенциал эскалации, так как чревататы втягиванием в конфликт «братских народов» [2]. Кровавое столкновение кланов в Сомали не несет угрозы расширения конфликта. Кровавое столкновение племен в Руанде имеет последствия для Уганды, Заира и Бурунди, но не более того. Кровавые столкновения цивилизаций в Боснии, на Кавказе, Центральной Азии или в Кашмире могут разрастись в большие войны. В югославском конфликте Россия предоставляла дипломатическую помощь сербам, а Саудовская Аравия, Турция, Иран и Ливия предоставляли финансовую помощь и оружие боснийцам не по причинам идеологии, политики с позиции силы или экономических интересов, но из-за культурного родства. «Культурные конфликты, – заметил Вацлав Гавел, – усиливаются, и сегодня стали опаснее, чем когда-либо в истории»; а Жак Делор согласился, что «грядущие конфликты будут загораться от искры скорее национального фактора, чем экономического или идеологического». И наиболее опасные культурные конфликты – те, которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями.

В мире после холодной войны культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей рознь. Люди, разделенные идеологией, но ощущающие культурное родство, объединяются, как это уже сделали две Германии, и еще начинают делать две Кореи и несколько Китаев. Общества, объединенные идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделенные культурно, распадаются, как это случилось с Советским Союзом, Югославией и Боснией, или входят в состояние напряженности, как в случае с Украиной, Нигерией, Суданом, Индией, Шри-Ланкой и многими другими странами. Страны, сходные в культурном плане, сотрудничают экономически и политически. Международные организации, основанные на государствах с культурной общностью, как, например, Европейский союз, намного более успешны, чем те, которые пытаются перешагнуть культурные барьеры. На протяжении сорока пяти лет железный занавес был центральной линией раздела в Европе. Сейчас эта линия переместилась на несколько сот миль на восток. Сейчас она отделяет народы западного христианства от мусульманских и православных.

Философские воззрения, основополагающие ценности, социальные отношения, обычаи и общие взгляды на жизнь значительно отличаются в разных цивилизациях. Возрождение религии в большей части мира усиливает эти культурные различия. Культуры могут изменяться, и природа их влияния на политику и экономическое развитие может различаться в разные исто-

рические периоды. И все же очевидно, что основные различия политического и экономического развития цивилизаций имеют корни в различии культур. Восточноазиатский экономический успех обусловлен восточноазиатской культурой, как и трудности, с которыми столкнулись восточноазиатские страны на пути построения стабильных демократических систем. Причины провала установления демократии в большей части мусульманского мира во многом кроются в исламской культуре. Развитие посткоммунистических обществ Восточной Европы и на пространстве бывшего Советского Союза определяется цивилизационной идентичностью. Страны с западно-христианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вовсе безрадостны.

Запад есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, не-западные общества стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие – конфуцианские и исламские – общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес. Центральной осью политики мира после холодной войны является, таким образом, силовое соотношение и политическое взаимодействие и западной и не-западных цивилизаций.

Всего в мире после холодной войны насчитывается семь или восемь главных цивилизаций. Характер связей между странами, общность интересов или антагонизм определяются общностью или различием культурных корней. Важнейшие страны мира принадлежат к совершенно различным цивилизациям. Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами и государствами из различных цивилизаций. Доминирующие модели политического и экономического развития не одинаковы в разных цивилизациях. Нарастание государственной мощи смещается от давно господствующего Запада к не-западным цивилизациям. Глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной.

Другие миры?

Карты и парадигмы

Конечно, это упрощение – считать, что картина мировой политики после холодной войны и в самом деле определяется только культурными факторами и касается взаимоотношений между странами и группами из различных цивилизаций, поскольку при этом не учитываются многие факторы, некоторые вещи искажаются, а другие становятся неясными. Но для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма. Без таких умозрительных построений останется, как выразился Уильямс Джемс, лишь «пестрое шумное смятение». Интеллектуальный и культурный прогресс, как показал Томас Кун в своем классическом труде «Структура научных революций», состоит из замены одной парадигмы, которая перестала находить объяснения новым или вновь открытым фактам, той, которая более удовлетворительно толкует эти факты. «Чтобы быть принятой как парадигма, – писал Кун, – теория должна казаться лучшей, чем ее конкуренты, но ей не нужно – и на самом деле она никогда этого не делает – объяснять все факты, с которыми она может столкнуться» [4]. «Чтобы пройти по незнакомой территории, – мудро заметил Джон Льюис Гэддис, – нам обычно требуется какая-нибудь карта. Картография, как и само познание, является необходимым упрощением, которое

позволяет нам увидеть, где мы находимся и куда мы можем пойти». Он также подчеркнул, что образ состязания супердержав времен холодной войны был подобной моделью, впервые охарактеризованной Гарри Трумэном как «метод геополитической картографии, который описывает международный ландшафт общедоступными терминами, подготавливая таким образом почву для сложной стратегии сдерживания, каковой суждено вскоре появиться». Мировоззрения и каузальные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики [5].

На протяжении сорока лет в области международных отношений было принято думать и действовать в рамках крайне упрощенной, но весьма полезной парадигмы мировых взаимоотношений времен холодной войны. Эта парадигма не могла принять во внимание все, что происходило в мировой политике. Было много аномалий, выражаясь языком Куна, и временами этот традиционный взгляд закрывал глаза ученых и государственных деятелей на важные события, как, например, китайско-советский конфликт. И все же, как простая модель глобальной политики, она позволяла рассматривать больше значительных явлений, чем все ее конкуренты, была важной отправной точкой для понимания международных дел, а вследствие этого была принята практически повсеместно и формировала видение мировой политики двух поколений.

Упрощенные парадигмы, схемы и карты необходимы для человеческого мышления и деятельности. С одной стороны, мы можем ясно формулировать теории или модели и сознательно применять их как ориентиры нашего поведения. С другой стороны, мы можем отрицать необходимость подобных ориентиров и делать вид, что мы действуем в рамках каких-то «объективных» факторов, разбираясь каждый раз «по существу». Однако если примем такую позицию, мы будем обманывать себя. Потому что где-то в глубине нашего сознания сидят скрытые допущения, предубеждения и предрассудки, которые определяют наше восприятие реальности, и наше видение фактов, и наше суждение об их важности и сущности. Нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы нам:

- систематизировать и обобщать реальность;
- понимать причинные связи между явлениями;
- предчувствовать и, если повезет, предсказывать будущие события;
- отделять важное от неважного;
- показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей.

Любая модель или карта является абстракцией и будет более полезной для одних целей, чем для других. Карта дорог показывает нам, как доехать из пункта А в пункт Б на машине, но она вряд ли поможет нам, если мы летим на самолете, – в таком случае понадобится карта с указанными аэродромами, радиомаяками, летными коридорами и топографией. Однако совсем без карты мы заблудимся. Чем более подробна карта, тем более подробно она отражает реальность. Но самая подробная карта далеко не всегда самая подходящая. Если мы хотим добраться из одного большого города в другой по главной автостраде, нам не нужна будет (и мы сочтем ее запутанной) карта, на которой приведено много информации, не относящейся к автомобильному транспорту, а главные шоссе потеряются в паутине второстепенных дорог. С другой стороны, карта, на которой указана только одна автострада, будет ограничивать нас в способности найти альтернативный маршрут в случае крупной автокатастрофы и возникшей после нее «пробки». Короче говоря, нам нужна карта, которая одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям. К концу холодной войны было разработано несколько карт, или парадигм, мировой политики.

Один мир: эйфория и гармония

Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец холодной войны означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира. Наиболее широко обсуждаемая формулировка этой модели – тезис о «конце истории», выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой¹. «Видимо, мы становимся свидетелями, – утверждал Фукуяма, – конца истории как таковой: это означает конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. Конечно же, кое-где в третьем мире могут иметь место конфликты, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. Именно в неевропейском мире произошли огромные изменения, в первую очередь в Китае и Советском Союзе. Война идей подошла к концу. Поборники марксизма-ленинизма могут по-прежнему встречаться в местах типа Манагуа, Пхеньяна и Кембриджа с Массачусетсом, но победу с триумфом одержала всемирная либеральная демократия. Будущее посвящено не великим битвам за идеи, но, скорее, решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет достаточно скучно» [6].

Это настроение эйфории было широко распространено. Политики и выдающиеся представители интеллигенции развивали подобные взгляды. Берлинская стена была разрушена, коммунистические режимы рухнули, роль ООН становилась более значимой, и бывшие соперники времен холодной войны стали вовлекаться в «партнерство» и «великую сделку», актуальными стали миролюбие и миротворчество. Президент ведущей державы мира заявил о «новом мировом порядке»; президент ведущего, пожалуй, университета в мире наложил вето на назначение профессора по курсу обеспечения безопасности, потому что нужда в этом отпала: «Аллилуйя! Мы больше не проходим войну, потому что войны больше нет».

Момент эйфории по окончании холодной войны породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия. Мир стал другим по сравнению с началом 1990-х годов, но не обязательно более мирным. Изменения были неизбежными; прогресс – нет. Подобные иллюзии гармонии ненадолго расцветали в конце каждого крупного конфликта в двадцатом веке. Первая мировая война была «войной, которая положит конец войнам» и устанавливает демократию в мире. Вторая мировая война должна была, как выразился Франклин Рузвельт, «покончить с системой односторонних действий, взаимоисключающих альянсов и других средств для достижения цели, которые применялись в течение столетий – и никогда не давали результатов». Вместо этого нам нужно создать «всеобщую организацию миролюбивых наций» и заложить базу «долговременной структуры мира» [7]. Первая мировая война, однако, породила коммунизм, фашизм и повернула вспять движение к демократии, унаследованное от предыдущего столетия. Вторая мировая война породила холодную войну, ставшую по-настоящему глобальной.

Иллюзия гармонии в связи с окончанием холодной войны быстро развеялась – этому способствовали многочисленные этнические конфликты и «этнические чистки», нарушения закона и порядка, возникновение новых оснований для альянсов и конфликтов между государствами, возрождение некоммунистических и нефашистских движений, интенсификация религиозного фундаментализма, окончание «дипломатии улыбок» и «политики “да”» в отношениях России с Западом, неспособность ООН и США подавить кровавые локальные конфликты и все возрастающая уверенность в себе Китая. В течение пяти лет после падения Берлинской стены слово «геноцид» слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет холодной

¹ Параллельная линия этого вопроса, которая концентрирует внимание не на окончании холодной войны, а на социальных тенденциях, приводящих к «универсальной цивилизации», рассматривается в главе 3.

войны. Парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы помогать ориентироваться в мире после холодной войны.

Два мира: мы и они

Ожидания возникновения единого мира возникают в конце крупных конфликтов, в то время как тенденция мыслить в рамках двух миров постоянно встречается в истории человечества. Люди всегда подвергались соблазну поделить мир на «своих» и «чужих», нашу цивилизацию и варваров. Ученые анализируют мир, оперируя парами Восток – Запад, Север – Юг, центр – периферия. У мусульман традиционно существует деление на *дар ал-ислам* и *дар ал-гарб*, обитель мира и обитель войны. Это разграничение было отражено и в каком-то смысле перевернуто после холодной войны американскими учеными, которые поделили мир на «зоны мира» и «зоны нестабильности». Первые включают в себя Запад и Японию – около 15 % мирового населения, последние – все остальное [8].

В зависимости от того, какое определение дается этим частям, состоящая из двух частей картина мира может в какой-то мере соответствовать реальности. Наиболее общее деление, которое проявляется под множеством названий, – противопоставление богатых (современных, развитых) стран бедным (традиционным, неразвитым или развивающимся). Историческим соответствием этому экономическому делению стало культурное разграничение на Восток и Запад, где акцент делается в меньшей степени на различия в экономическом благосостоянии и в большей – на различия в основополагающей философии, ценностях и укладе жизни [9]. Это обобщение хотя и отражает в некоторой степени реальность, но явно страдает излишней ограниченностью. Богатые современные государства имеют особенности, которые отличают их от бедных патриархальных стран, а у последних тоже есть свои особенности. Различия в благосостоянии могут приводить к конфликтам между обществами, но, как показывают факты, это происходит в основном тогда, когда богатые и более могущественные пытаются завоевать или колонизировать бедные и более патриархальные страны. Запад делал это на протяжении четырех столетий, затем некоторые колонии восстали и начали освободительные войны против колониальных держав, которые к тому моменту в значительной степени утратили стремление к сохранению империи. В сегодняшнем мире произошла деколонизация и на смену колониальным освободительным войнам пришли конфликты между освобожденными народами.

На более высоком уровне конфликты между бедными и богатыми маловероятны, потому что, за исключением особых обстоятельств, бедным странам не хватает политического единства, экономического потенциала и военной мощи для того, чтобы бросать вызов богатым государствам. Экономическое развитие Азии и Латинской Америки делает неясной простую дихотомию «имею – не имею». Богатые страны могут вести торговые войны друг с другом; бедные страны могут вести кровопролитные войны друг с другом; но международная классовая война между бедным Югом и процветающим Западом настолько же далека от реальности, как и гармоничный мир.

Разделение мира на две части по культурному признаку еще менее полезно. В какой-то степени Запад является единым. Но что объединяет не-западные социумы, кроме того факта, что они не-западные? Японская, китайская, индуистская, мусульманская и африканская цивилизации имеют мало общего в религии, социальной структуре, общественном устройстве и преобладающих ценностях. Единство не-Запада и дихотомия «Восток – Запад» – мифы, созданные Западом. Эти мифы страдают недочетами ориентализма, которые Эдвард Сэд справедливо критиковал за провозглашение «разницы между знакомым (Европой, Западом, «нами») и чужим (Востоком, «ими») и утверждение врожденного превосходства первого над последним» [10]. Во время холодной войны мир был в значительной степени поляризован в политическом отношении. Но культурного единства не существует. Существование всего двух

полюсов культуры, Востока и Запада, также предполагает принятие широко распространенного и ошибочного отождествления западной и европейской цивилизаций. Вместо выражения «Восток и Запад» более уместно употреблять «Запад и остальные», что, по крайней мере, подразумевает существование многих не-Западов. Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном – на Восток и Запад.

Почти 184 страны

Третья карта мира после холодной войны была порождена теорией международных отношений, которую часто называют «реальной политикой». Согласно этой теории, государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене, взаимоотношения между странами – полная анархия, поэтому, для того чтобы обеспечить выживание и безопасность, все без исключения государства пытаются усилить свою власть. Если одно государство видит, как соседняя страна наращивает свою мощь и становится таким образом потенциальной угрозой, оно пытается защитить свою безопасность, наращивая силы и/или вступая в альянс с другими государствами. Интересы и действия почти 184 стран мира в период после холодной войны можно предугадать, исходя только из этих предпосылок [11]. Эта «реалистичная» картина мира является чрезвычайно полезной отправной точкой для анализа международных дел и объяснения поведения большинства правительств. Страны есть и останутся доминирующими фигурами мировых событий. Они содержат вооруженные силы, ведут дипломатические переговоры, заключают соглашения, ведут войны, участвуют в международных организациях, оказывают влияние на производство и торговлю и во многом формируют их. Правительства государств отдают наивысший приоритет обеспечению внешней безопасности своих стран (хотя зачастую они отдают наивысший приоритет обеспечению своей безопасности от внутренней угрозы). В целом эта парадигма носит статистический характер и представляет нам ориентиры в более реалистичной картине глобальной политики, чем одно- или двухполюсные концептуальные схемы.

Но и она, однако, страдает некоторыми ограничениями.

Она предполагает, что все государства отстаивают свои интересы и действуют одинаково. Подобная простая предпосылка о том, что сила – это все, дает нам отправную точку для понимания позиций отдельных стран, но она не продвигает нас дальше. В определении государственной политики и защиты интересов принимается во внимание не только соотношение сил, но и многое другое. Конечно же, государства часто пытаются удерживать равновесие силой против силы, но если бы они делали только это, западноевропейские страны вошли бы в коалицию с Советским Союзом против Соединенных Штатов в конце 1940-х годов. Реакция следует в первую очередь на осязаемую угрозу, а западноевропейские страны в то время видели, что политическая, идеологическая и военная угрозы исходят с Востока. Они рассматривали свои интересы так, как не предсказывала классическая реальная политика. Система ценностей, культура и законы оказывают всеобъемлющее влияние на то, как государства определяют свои интересы. Интересы стран обуславливаются не только их «домашними» системами ценностей и законами, но и международными нормами и законами. Помимо своих первоочередных забот по обеспечению безопасности, различные государства определяют приоритеты своих интересов по-разному. Страны со сходными культурами и общественными институтами будут иметь сходные интересы. Демократические государства имеют много общего с другими демократическими странами, поэтому они не сражаются друг с другом. Канаде вовсе не нужно заключать союз с другой страной, чтобы предотвратить вторжение США.

Выводы, сделанные на основе допущений статистической теории «реальной политики», не раз подтверждались историей. Но эта многоцентричная модель не поможет нам понять,

насколько глобальная политика после холодной войны будет отличаться от глобальной политики во время и до холодной войны. И все же очевидно, что отличия существуют и страны по-разному преследуют свои интересы в различные исторические периоды. В мире после холодной войны государства все больше определяют свои интересы с учетом цивилизаций. Они сотрудничают и заключают союзы с государствами, имеющими схожую или общую культуру, а конфликтуют намного чаще со странами с другой культурой. Страны определяют угрозу в зависимости от намерений других государств, и эти намерения – а также способы их реализации – в сильнейшей степени обуславливаются культурными соображениями. Общественные и политические деятели в меньшей мере склонны видеть угрозу в людях, которых, как им кажется, они понимают. Они склонны доверять им из-за родства языка, религии, системы ценностей, законов и культуры. И те же политики куда более предрасположены видеть угрозу в странах с чуждой культурой, и, таким образом, они не доверяют им и не понимают их. Сегодня, когда марксистско-ленинский Советский Союз уже не угрожает свободному миру, а Соединенные Штаты больше не представляют ответной угрозы для коммунистического мира, государства все чаще видят угрозу в обществах с другой культурой.

Но и оставаясь ключевыми игроками на поле международной политики, отдельные страны все же утрачивают суверенитет, государственные функции и власть. Сейчас международные институты отстаивают право судить о том, что государства могут делать на своей территории, и ограничивать их в этом. В определенных случаях (наиболее это заметно в Европе) международные институты обрели важные функции, ранее принадлежавшие государству. Были созданы мощные международные бюрократические образования, которые могут влиять напрямую на жизнь отдельных граждан. В мировом масштабе сейчас имеет место тенденция утраты власти центрального аппарата государственного управления из-за передачи оной субгосударственным, региональным, провинциальным и местным политическим образованиям. Во многих странах, включая государства развитого мира, имеются региональные движения, требующие значительной автономии или отделения. Государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать входящий и исходящий финансовый поток и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства-«бильярдного шара», общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 года [12], и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый.

Сущий хаос

Ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысли о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма, повсеместная резня и этнические чистки. Эта картина всемирного хаоса была убедительно описана и отражена в названиях двух нашумевших трудов, опубликованных в 1993 году: «Вне контроля» Збигнева Бжезинского и «Пандемониум» Дэниэла Патрика Мойнигана [13].

Как и статистическая многоцентровая модель, это представление о надвигающемся всеобщем хаосе близко к реальности. Оно достаточно наглядно объясняет многие явления, происходящие в мире, но при этом делает акцент на значительных изменениях в мировой политике. Например, на начало 1993 года по всему миру велось около 48 этнических войн, а на

территории бывшего Советского Союза имели место 164 «территориально-этнических притязания, связанных с границами», из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов [14]. И все же эта парадигма еще в большей степени, чем парадигма государств, страдает от излишней приближенности к реальности. Картина всеобщей и недифференцированной анархии дает нам мало ключей к пониманию мира и не помогает упорядочивать события и оценивать их важность, предвидеть тенденции в этой анархии, находить различия между типами хаоса и их возможными причинами и последствиями, а также разрабатывать руководящие принципы для государственных политиков.

Сравнение миров: реалии, теоретизирование и предсказания

Каждая из рассмотренных четырех парадигм предполагает различные пропорции учета реалий и теоретических построений. У каждой есть свои отличительные черты и ограничения. Вероятно, от недостатков можно избавиться, комбинируя парадигмы и постулируя, что в мире идут одновременные процессы дробления и интеграции [15]. На самом деле сосуществуют обе тенденции, и больше соответствовать действительности будет более сложная модель. Но она заставляет жертвовать теоретическими конструкциями ради большего приближения к реальности, что в конце концов приводит к отрицанию всех парадигм и теорий. Кроме того, объединив две взаимно противоположные тенденции, теория дробления-интеграции не может объяснить, при каких обстоятельствах будет превалировать одна тенденция и при каких – другая. Вопрос состоит в том, что необходимо разработать парадигму, которая будет рассматривать более значимые события и давать лучшее понимание тенденций, чем другие парадигмы, оставаясь на том же уровне абстракции.

Кроме того, эти четыре парадигмы несовместимы друг с другом. Мир не может быть одновременно единым и фундаментально разделенным на Восток и Запад или Север и Юг. Не может и национальное государство быть краеугольным камнем международных отношений, если оно дробится или разрывается разрастающейся гражданской войной. Либо мир един, либо их два, либо это 184 государства, либо это бесконечное количество племен, этнических групп и национальностей.

Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, мы избегаем множества подобных сложностей. Эта модель не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно- и двухполюсного мира; в то же время она не жертвует абстрагированием в пользу реальности, как статистическая и хаотическая парадигмы. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определить узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего, а также дает ориентиры политикам. Эта схема также включает в себя элементы других парадигм и частично построена на их основе и даже позволяет их согласовать. Полицивилизационный подход, например, утверждает, что:

- силы интеграции в мире реальны и именно они порождают противодействие сил культурного утверждения и цивилизационного сознания.
- мир в каком-то смысле делится на два, но принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом как доминирующей до сих пор цивилизацией и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще). Короче говоря, мир разделен на западную и не-западную совокупности.
- национальные государства есть и останутся наиболее важными игроками на международной сцене, но их интересы, союзы и конфликты между ними в значительной степени определяются культурным и цивилизационным факторами.
- в мире на самом деле царит анархия, он изобилует межплеменными и национальными конфликтами, но конфликты, которые представляют наиболее серьезную угрозу для стабиль-

ности, – это конфликты между государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям.

Полицивилизационная парадигма, таким образом, представляет собой четвертую – упрощенную, но не слишком – схему для понимания того, что происходит в мире в конце двадцатого века. Ни одна парадигма тем не менее не может работать вечно. Модель мировой политики, принятая во времена холодной войны, была полезной и важной на протяжении сорока лет, но в конце 1980-х она устарела, и в какой-то момент полицивилизационную парадигму постигнет та же судьба. Тем не менее на сегодняшний день она предоставляет удобный инструмент для того, чтобы отличить знаковые события от рядовых. Чуть менее половины из сорока восьми этнических конфликтов, имевших место в мире на начало 1993 года, например, велись между силами, принадлежащими разным цивилизациям. Полицивилизационный подход заставил бы Генерального секретаря ООН и госсекретаря США сконцентрировать свои миротворческие усилия на этих конфликтах, имеющих намного больший, чем остальные, потенциал перерастания в крупномасштабные войны.

Различные парадигмы также позволяют сделать прогнозы, точность которых и является ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории. Статистический подход, например, позволил Джону Миршеймеру предположить, что «отношения между Россией и Украиной сложились таким образом, что обе страны готовы развязать соперничество по вопросам безопасности. Великие державы, которые имеют одну общую протяженную и незащищенную границу, часто втягиваются в противостояние из-за вопросов безопасности. Россия и Украина могут преодолеть эту динамику и сосуществовать в гармонии, но это будет весьма необычным развитием ситуации» [16]. Полицивилизационный подход, напротив, делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах. Этот давно известный ключевой исторический факт Миршеймер полностью игнорирует в полном соответствии с теорией «реальной политики», исходящей из концепции государств как цельных и самоопределяющихся объектов, цивилизационный подход при этом фокусируется на «линии разлома», которая проходит по Украине, деля ее на православную восточную и униатскую западную части. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. А учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии. Эти различные прогнозы, в свою очередь, приводят к различным политическим решениям. Статистический прогноз Миршеймера о возможности войны между Украиной и Россией позволил ему сделать вывод о том, что Украине лучше иметь ядерное оружие. Цивилизационный подход предполагает сотрудничество между Украиной и Россией и побуждает Украину отказаться от ядерного оружия. Кроме того, вполне убедительными выглядят рекомендации оказывать Украине значительную экономическую помощь и предпринимать другие меры для сохранения ее единства и независимости, а также выделять средства на планирование непредвиденных затрат при возможном распаде Украины.

Многие важные события, имевшие место после холодной войны, согласуются с полицивилизационной парадигмой и могли быть предсказаны ею. В число таких событий входит: разрыв между Советским Союзом и Югославией; войны, вспыхнувшие на территории этих стран; подъем религиозного фундаментализма по всему миру; борьба за культурную идентичность, идущая в России, Турции и Мексике; усиление торговых конфликтов между Соединенными Штатами и Японией; сопротивление исламских государств в ответ на давление Запада на Ирак и Ливию; стремление исламских и конфуцианских государств получить ядерное оружие и средства их доставки; пребывание Китая в роли «аутсайдера» среди великих держав; консолида-

ция новых демократических режимов в одних странах и неконсолидация в других; ускорение гонки вооружений в Восточной Азии.

Обоснованность полицивилизационной парадигмы в зарождающемся мире можно подкрепить перечнем наблюдений за развитием международной ситуации в течение шести месяцев 1993 года:

- углубление конфликтов между хорватами, мусульманами и сербами в бывшей Югославии;
- неспособность Запада обеспечить значительную помощь боснийским мусульманам или осудить зверства хорватов так же, как были осуждены зверства сербов;
- нежелание России присоединиться к остальным членам Совета безопасности ООН в вопросах принудительного для сербов заключения мира с хорватским правительством; а также в отношении предложения Ирану и другим мусульманским странам выслать восемнадцатитысячный контингент для защиты боснийских мусульман;
- усиление войны между армянами и азербайджанцами, требования Турции и Ирана к Армении об отказе от территориальных претензий, развертывание турецких и иранских войск вдоль азербайджанской границы и российские предупреждения о том, что действия Ирана приводят к «эскалации конфликта» и «подталкивают его к опасной черте выхода на международный уровень»;
- продолжающаяся борьба российских войск с партизанскими движениями моджахедов;
- конфронтация на конференции по правам человека в Вене между Западом, во главе с госсекретарем США Уорреном Кристофером, осудившим «культурный релятивизм», и коалицией государств, ориентированных на традиции ислама или конфуцианства и отвергших «западный универсализм»;
- одновременное переключение внимания военных аналитиков в России и НАТО на «угрозу с Юга»;
- голосование Олимпийского комитета, наглядно проиллюстрировавшее разделение голосов по цивилизационному признаку при решении вопроса о месте проведения Олимпиады-2000 в пользу Сиднея, а не Пекина;
- продажа Китаем деталей ракет Пакистану и, как следствие, санкции США против Китая и конфронтация между Китаем и Соединенными Штатами из-за якобы имевшей место передачи ядерных технологий Ирану;
- нарушение Китаем моратория на испытания ядерного оружия, несмотря на решительные протесты США; отказ Северной Кореи участвовать в дальнейших переговорах относительно ее ядерной программы;
- разоблачение политики «двойного сдерживания», осуществляемой Государственным департаментом США по отношению к Ираку и Ирану;
- объявление Государственным департаментом США новых стратегических направлений по подготовке к двум «крупным региональным конфликтам», нацеленных против Северной Кореи и против Ирана или Ирака;
- призыв президента Ирана к альянсу с Китаем и Индией с целью отобрать себе и им «последнее слово в международных событиях»;
- новые законы Германии, которые резко сократили прием беженцев;
- соглашение между президентами России Борисом Ельциным и Украины Леонидом Кравчуком о разделе Черноморского флота и по другим вопросам;
- реакция на американские бомбардировки Багдада: фактически единогласная поддержка западных правительств и осуждение бомбардировки почти всеми мусульманскими странами как очередного примера «двойных стандартов» Запада;

- зачисление Соединенными Штатами в список террористических государств Судана и обвинение египетского шейха Омара Абдель Рахмана и его последователей в заговоре «с целью ведения войны городского терроризма против Соединенных Штатов»;
- реальные перспективы возможного вступления Польши, Венгрии, Чехии и Словакии в НАТО;
- парламентские выборы 1993 года, которые продемонстрировали, что Россия и в самом деле «разорванная страна» и ее народы и элита не определились, стоит им присоединиться в Западу или бросить ему вызов.

Такой список событий, который демонстрировал бы пригодность цивилизационной парадигмы, можно составить на основе любого шестимесячного периода начала 1990-х годов.

В первые годы холодной войны канадский государственный деятель Лестер Пирсон сделал пророческое заявление о возрождении и жизнеспособности не-западных обществ. «Было бы ошибочно, – предупреждал он, – полагать, что все эти новые политические общества, зарождающиеся на Востоке, будут копиями тех, к которым мы привыкли на Западе. Возрождаясь, эти древние цивилизации обретут новую форму». Подчеркнув, что «международные отношения на протяжении нескольких столетий были отношениями между странами Европы», он утверждал, что «проблемы, влекущие самые серьезные последствия, возникают уже не в пределах одной цивилизации, но между самими цивилизациями» [17]. Затянувшаяся bipolarность холодной войны отложила события, наступление которых предвидел Пирсон. Окончание холодной войны высвободило культурные и цивилизационные импульсы, которые он предугадал уже в начале 1950-х, и целый ряд ученых и наблюдателей уже приняли и выдвинули на первый план этот новый фактор глобальной политики [18]. «Как известно, любому, кто интересуется современным миром, – мудро предостерегал Фернан Бродель, – и любому, кто желает действовать в нем, весьма полезно уметь видеть на карте мира действующие ныне цивилизации, а также определять их границы, их центры и периферии, области их существования и атмосферу, общие и частные формы их проявления. Иначе можно сделать вопиющую ошибку!» [19].

Глава 2

История и сегодняшний день цивилизаций

Природа цивилизаций

Человеческая история – это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилизаций. История охватывает целые поколения цивилизаций – от древних (шумерской и египетской, классической и мезоамериканской) до христианской и исламской цивилизаций, а также проявления синской и индуистской цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентичности. В результате этого истоки, возникновение, подъем, взаимодействие, достижения, закат и падение цивилизаций обстоятельно изучались выдающимися историками, социологами и антропологами, среди которых были: Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Освальд Шпенглер, Питирим Сорокин, Арнольд Тойнби, Альфред Вебер, А. Л. Кребер, Филипп Бэгби, Кэрролл Куигли, Раштон Колборн, Кристофер Даусон, С. Н. Айзенштадт, Фернан Бродель, Уильям Г. Макнил, Адда Боземен, Иммануил Валлерстайн и Фелипе Фернан-дез-Арместо [1]. Из-под пера этих и других исследователей вышли увесистые научные труды, посвященные сравнительному анализу цивилизаций. Эта литература крайне различна по подходу, методологии, акцентам и концепциям. Но тем не менее все сходятся в основных понятиях, затрагивающих природу, отличительные черты и движущие силы цивилизаций.

Во-первых, существует различие в восприятии понятия «цивилизация» как единственная таковая и понятия «цивилизация» как одна из многих. Идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции «варварства». Цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным – плохо. Концепция цивилизации установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно «цивилизованных», чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа. Но в то же самое время люди все чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным, то есть «ограниченным», – по словам Броделя, – несколькими привилегированными народами или группами, “элитой” человечества». Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему. Короче говоря, понятие «цивилизация» «утратило свойства ярлыка» и одна из множества цивилизаций может на самом деле быть довольно нецивилизованной в прежнем смысле этого слова [2].

Цивилизации во всем их разнообразии и являются предметом рассмотрения данной книги. И все же различие между прежним и новым пониманием не утратило важности, и старая идея единственной цивилизации вновь проявляется в заявлениях о том, что якобы есть всеобщий цивилизованный мир. Эти доводы нельзя поддерживать, но полезно рассмотреть (что и будет сделано в последней главе этой книги), становятся ли цивилизации более цивилизованными.

Во-вторых, во всем мире, кроме Германии, принято понимать цивилизацию как культурную целостность. Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями «цивилизация», которое включало в себя технику, технологию и материальные

факторы, и «культура», которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде. Некоторые антропологи даже перевернули это взаимоотношение и заговорили о культурах как о характеристиках примитивных, застывших, неурбанизированных обществ, в то время как более сложные, городские и динамичные общества – это цивилизации. Эти попытки провести разграничение между культурой и цивилизацией, однако, не были подхвачены, и вне Германии бытует единодушное согласие насчет того, что «было бы заблуждением на немецкий манер пытаться отделить *культуру* от ее основы – *цивилизации*» [3].

И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация – это явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя «ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение» [4]. По Броделю, цивилизация – это «район, культурное пространство, собрание культурных характеристик и феноменов». Валлерстайн определяет ее как «уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и «высокой»), которое формирует ту или иную историческую целостность и которая сосуществует (коль скоро их вообще можно отделить друг от друга) с другими подобными феноменами». Даусон считает цивилизацию продуктом «особого оригинального процесса культурного творчества определенного народа», в то время как для Дюркгейма и Мосса – это «своего рода духовная среда, охватывающая некоторое число наций, где каждая национальная культура является лишь частной формой целого». По Шпенглеру, цивилизация – «неизбежная *судьба* культуры... Наиболее внешние и искусственные состояния, которые способны принимать разновидности развитого человечества. Она – завершение, она следует как ставшее за становлением» [5]. Культура – общая тема практически каждого определения цивилизации.

Ключевые культурные элементы, определяющие цивилизацию, были сформулированы еще в античности афинянами, когда те убеждали спартанцев, что они не предадут их персам:

Ибо есть причины, их множество и они сильны, которые запрещают нам делать это, даже если бы у нас были такие намерения. Первое и главное – это статуи и обители богов, сожженные и лежащие в руинах: за это мы должны отомстить, не щадя живота своего, а не входить в сговор с тем, кто совершил такие злые деяния. Во-вторых, у эллинского народа одна кровь и один язык; мы возводим храмы и приносим жертвы одним и тем же богам; и обычаи наши схожи. Посему негоже афинянам предавать все это [6].

Кровь, язык, религия, стиль жизни – вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других не-греков. Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия, и на это и делали акцент афиняне. Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане [7].

Существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы по физическим признакам. И все же нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация. В частности, самые распространённые миссионерские религии, христианство и ислам, охватывают людей многих рас. Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи.

В-третьих, цивилизации являются всеобъемлющими, то есть ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией. Цивилизации,

как заметил Тойнби, «охватывают, не будучи охвачены другими». По словам Мелко, цивилизации «имеют некоторую степень интеграции. Их части определяются отношениями между ними и к ним в целом. Если цивилизация состоит из стран, у этих стран будут более тесные взаимоотношения, чем у государств, не принадлежащих к этой цивилизации. Они могут часто сражаться и будут чаще вести дипломатические переговоры. Они будут иметь большую степень экономической взаимозависимости. Эстетические и философские течения будут в таком случае взаимопроникающими» [8].

Цивилизация является наивысшей культурной целостностью. Деревни, районы, этнические группы, национальности, религиозные группы – у них у всех сформирована культура на различных уровнях гетерогенности. Культура деревни на юге Италии может отличаться от культуры деревни на севере Италии, но они будут разделять общую итальянскую культуру, которая отличает их от немецких деревень. Европейские сообщества, в свою очередь, будут обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или индийских сообществ. Китайцы, индусы и жители Запада, однако, не являются частями культурной категории более высокого порядка. Они образуют разные цивилизации. Цивилизация, таким образом, – наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающей человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Есть несколько уровней осознания идентичности: житель Рима может ощущать себя в различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко идентифицировать себя. Цивилизации – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них». Цивилизации могут состоять из большого количества людей, как китайская цивилизация, или очень небольшого, как англоязычные жители островов Карибского моря. В течение всей истории существовало множество мелких групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, но не имели никакой культурной идентичности более высокого уровня. Принято также делать различия по размеру между главными и периферийными цивилизациями (Бэгби) и по значимости – между главными и запаздывающими или прерванными цивилизациями (Тойнби). Эта книга посвящена тому, что принято считать главными цивилизациями в истории человечества.

У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Люди могут идентифицировать себя по-разному и делают это. В результате состав и форма цивилизаций меняются со временем. Культуры народов взаимодействуют и накладываются друг на друга. Степень, с которой культуры цивилизаций разнятся или походят друг на друга, также сильно варьируется. Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, и все же реальны, несмотря на то что границы между ними редко бывают четкими. В-четвертых, цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций, «реальностями чрезвычайной *longue durée*»². Их «уникальная и особенная сущность» заключается в «длительной исторической непрерывности. На самом деле, жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех». Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят – цивилизации остаются и «переживают политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения» [9]. «Международная история, – приходит к выводу Боземен, – точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения цели на поверхности цивилизации и что судьба каждого сообщества, объединенного лингвистически и духовно, зависит в конечном счете от выживания определенных фунда-

² Продолжительности (*фр.*).

ментальных идей, вокруг которых спланивались многочисленные поколения и которые, таким образом, символизируют преемственность общества» [10]. Практически все основные цивилизации, существующие в мире в двадцатом веке, возникли по крайней мере тысячу лет назад или, как в случае с Латинской Америкой, являются непосредственными «отпрысками» другой, давно живущей цивилизации.

Пока цивилизации противостоят натиску времени, они эволюционируют. Они динамичны; они знают взлеты и падения, они сливаются и делятся; и как известно любому студенту, они также исчезают и их хоронят пески времени. Фазы их эволюции можно описать по-разному. Куигли видит семь стадий, сквозь которые проходят цивилизации: смешение, созревание, экспансия, период конфликтов, всеобщая империя, упадок и завоевание. Другую общую модель изменений выводит Мелко: от сложившейся феодальной системы – через феодальную систему переходного периода – к сформировавшейся государственной системе – через государственную систему переходного периода – к сформировавшейся имперской системе. Тойнби считает, что цивилизация возникает в ответ на брошенные ей вызовы и затем проходит сквозь период роста, включающий усиление контроля над средой, чем занимается творческая элита, далее следует время беспорядков, возникновение всеобщего государства, а затем – распад. Несмотря на то что между этими теориями есть различия, все они сходятся в том, что цивилизация в своей эволюции проходит времена беспорядков или конфликтов, затем создания единого государства и наконец упадка или распада [11].

В-пятых, поскольку цивилизации являются культурными единствами, а не политическими, они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства. Политическое устройство отличается у различных цивилизаций, а также в разное время в пределах какой-либо из них. Цивилизация, таким образом, может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления. По мере того как цивилизация эволюционирует, число и природа составляющих ее образований обычно меняются. В некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Как отметил Люциан Пай, Китай – это «цивилизация, претендующая на то, чтобы быть государством» [12]. Япония – это цивилизация, являющаяся государством. Однако в большинство цивилизаций входит более одного государства или других политических единиц. В современном мире большинство цивилизаций включают в себя по два или более государств.

И наконец, исследователи обычно согласны в определении идентичности важнейших цивилизаций в человеческой истории и тех, что существуют в современном мире. Их мнения тем не менее часто расходятся в том, что касается общего числа существовавших в истории цивилизаций. Куигли отстаивала шестнадцать явных исторических случаев и еще восемь очень вероятных. Тойнби сначала назвал число двадцать два, затем – двадцать три; Шпенглер выделил восемь основных культур. Макнил называл во всей истории девять цивилизаций; Бэгби тоже видел девять важнейших цивилизаций или двенадцать, если из китайской и западной выделить японскую и православную. Бродель называл девять, а Ростовани – семь важнейших современных цивилизаций [13]. Эти различия отчасти зависят от того, считать ли такие культурные группы, как китайцы и индусы, единой исторической цивилизацией или же двумя близкими друг другу цивилизациями, одна из которых отпочковалась от другой. Несмотря на эти различия, различия в идентичности цивилизаций не оспариваются. Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно двенадцати важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центрально-американская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная) [14]. К

этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

Синская цивилизация

Все ученые признают существование либо одной отдельной китайской цивилизации, которая возникла по крайней мере в 1500 году до н. э. (возможно, даже на тысячу лет раньше), или двух китайских цивилизаций, одна из которых сменила другую в первые столетия христианской эпохи. В своей статье в журнале «Foreign Affairs» я назвал эту цивилизацию конфуцианской. Более точным термином, однако, будет «синская цивилизация». Несмотря на то что конфуцианство является основной составляющей китайской цивилизации, китайская цивилизация – нечто большее, чем учение Конфуция, и не ограничивается также Китаем как политической целостностью. Термин «синский», который употребляли многие ученые, подходяще описывает общую культуру Китая и китайских сообществ в Юго-Восточной Азии и везде вне Китая, а также родственные культуры Вьетнама и Кореи.

Японская цивилизация

Некоторые ученые объединяют японскую и китайскую культуры под единой вывеской дальневосточной цивилизации. Большинство ученых, однако, не делают этого, выделяя Японию в отдельную цивилизацию, которая отпочковалась от китайской цивилизации в период между 100 и 400 годами н. э.

Индуистская цивилизация

В Индостане, по общему признанию, существовала с 1500 года до н. э. как минимум одна из ряда сменяющих друг друга цивилизаций. Все цивилизации этого ряда именуются индийскими, индусскими или индуистскими, причем последний термин предпочтительнее в отношении самой современной цивилизации. В той или иной форме индуизм пребывал в центре формирования культуры Индостана со второго тысячелетия нашей эры: «...это более чем религия или социальная система; это сама суть индийской цивилизации» [15]. Индуизм сохранил эту роль до наших дней, несмотря на то что в самой Индии имеется значительная мусульманская община, а также несколько менее многочисленных культурных меньшинств. Как и в случае синской цивилизации, определение «индуистская» отражает различие между названием цивилизации и названием стержневого государства, что крайне желательно в случаях, подобных тому когда цивилизация не ограничивается пределами одной страны.

Исламская цивилизация

Все ведущие ученые признают существование отдельной исламской цивилизации. Возникший на Аравийском полуострове в VII веке н. э., ислам стремительно распространился на Северную Африку и Пиренейский полуостров, а также на восток, в Среднюю Азию, Индостан и Юго-Восточную Азию. В результате этого внутри ислама существует множество отдельных культур и субцивилизаций, включая арабскую, тюркскую, персидскую и малайскую.

Православная цивилизация

Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе.

Западная цивилизация

Зарождение западной цивилизации обычно относят к 700–800 годам н. э. Ученые обычно подразделяют ее на три основных составляющих: Европа, Северная Америка и Латинская Америка.

Латиноамериканская цивилизация

Латинская Америка, однако, имеет одну характерную особенность, которая отличает ее от Запада. Хотя Латинская Америка и является отпрыском европейской цивилизации, ее путь исторического развития в корне отличается от европейского и североамериканского. Присущая ей клановая и авторитарная культура, для Европы значительно менее характерна, а для Северной Америки не характерна вовсе. И Европа, и Северная Америка почувствовали на себе влияние Реформации и объединили в себе католическую и протестантскую культуры. Латинская Америка исторически была только католической, хотя сейчас ситуация может меняться. Латиноамериканская цивилизация ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке. При этом их влияние на формирование культуры страны меняется от Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии, с одной стороны, до Аргентины и Чили – с другой. Политическая эволюция и экономическое развитие Латинской Америки резко отличаются от моделей, преобладающих в североамериканских странах. Сами жители Латинской Америки отличаются по субъективной самоидентификации. Некоторые говорят: «Да, мы – часть Запада». Другие заявляют: «Нет, у нас своя уникальная культура», а великие писатели Латинской и Северной Америки тщательно описывают свою культурную самобытность [16]. Латинскую Америку можно рассматривать либо как субцивилизацию внутри западной цивилизации, либо как отдельную цивилизацию, близко связанную с Западом и не определившуюся во мнении, принадлежит ли она к Западу или нет. Для анализа, который фокусирует внимание на международных политических аспектах цивилизаций, включая взаимоотношения между Латинской Америкой, с одной стороны, и Северной Америкой и Европой – с другой, последняя точка зрения более приемлема.

Таким образом, Запад включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию. Взаимоотношения между двумя основными составляющими Запада, однако, менялись со временем. В течение длительного периода своей истории американцы определяли себя как общество, противостоящее Европе. Америка была страной свободы, равенства возможностей, будущего; Европа олицетворяла угнетение, классовый конфликт, иерархию, отсталость. Заявлялось даже, что Америка – отдельная цивилизация. Это противопоставление Америки и Европы было в значительной мере следствием того, что, по крайней мере до конца девятнадцатого столетия, контакты Америки с не-западными цивилизациями были ограничены. Однако как только Соединенные Штаты вышли на мировую арену, у них появилось стремление к большему отождествлению своей идентичности с европейской [17]. Если Америка девятнадцатого века ощущала себя отличной от Европы и противостоящей ей, то Америка двадцатого столетия определяет себя как часть и, несомненно, как лидера более общей идентичности – всего Запада, который включает в себя Европу.

Сейчас термин «Запад» повсеместно используется для обозначения того, что раньше именовалось западным христианством. Таким образом, Запад является единственной цивилизацией, которая определяет себя при помощи направления компаса, а не по названию какого-либо народа, религии или географического региона³.

³ Использование терминов «Восток» и «Запад» для обозначения географических районов является сбивающим с толку

Такое самоопределение вырывает эту цивилизацию из ее исторического, географического и культурного контекста. Исторически западная цивилизация является европейской цивилизацией. В современную эру западная цивилизация стала евроамериканской, или североамериканской, цивилизацией. Европу, Америку и Северную Атлантику можно найти на карте, а Запад – нельзя. Название «Запад» также дало повод для возникновения концепции «вестернизации» и способствовало обманчивому объединению понятий «вестернизация» и «модернизация»: легче представить себе «вестернизацию» Японии, чем ее «евроамериканизацию». Европейско-американская цивилизация, однако, повсеместно называется западной цивилизацией, и этот термин, несмотря на его серьезное несоответствие, будет использоваться и в этой книге.

Африканская (возможно) цивилизация

Большинство ведущих ученых, изучающих цивилизации, кроме Броделя, не признают отдельной африканской цивилизации. Север Африканского континента и его восточное побережье относятся к исламской цивилизации. Эфиопия исторически сама по себе составляла цивилизацию. Во все другие страны европейский империализм и поселенцы привнесли элементы западной цивилизации. В Южной Африке поселенцы из Голландии, Франции, затем из Англии насадили мозаичную европейскую культуру [18]. Что самое главное, европейский империализм принес христианство на большую часть континента к югу от Сахары. По всей Африке еще сильно самоопределение в соответствии с племенной идентичностью, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентичности, и, по-видимому, Африка «ниже» Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией, вероятно, с ЮАР в роли стержневого государства.

Религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций, и, как сказал Кристофер Даусон «великие религии – это основания, на которых покоятся великие цивилизации» [19]. Из пяти «мировых религий» Вебера, четыре – христианство, ислам, индуизм и конфуцианство – связаны с основными цивилизациями. Пятая, буддизм – нет. Почему так случилось? Как ислам и христианство, буддизм рано разделился на два течения и, как христианство, не выжил на земле, где зародился. Начиная с первого столетия нашей эры одно из направлений буддизма – махаяна – было экспортировано в Китай, затем в Корею, Вьетнам и Японию. В этих обществах буддизм был в различной степени адаптирован, ассимилирован местными культурами (в Китае, например, в форму конфуцианства и даосизма) или запрещен.

Таким образом, в то время как буддизм остается важной составляющей культуры в этих обществах, они не являются частью буддийской цивилизации и не идентифицируют себя подобным образом. Однако в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Лаосе и Камбодже существует то, что можно по праву назвать буддийской цивилизацией теравады. Кроме того, население Тибета, Монголии и Бутана исторически приняло ламаистский вариант махаяны, и эти общества образуют второй район буддистской цивилизации. Однако наиболее важен тот факт, что существует явное отличие буддизма, принятого в Индии, от его адаптации в существующую культуру в Китае и Японии. Это означает, что буддизм, являясь одной из главных религий, не стал базой ни для одной из основных цивилизаций⁴ [20].

и этноцентрическим. «Север» и «Юг» имеют повсеместно принятые исходные точки – на полюсах. У понятий «Восток» и «Запад» такие базисные точки отсутствуют. Вопрос заключается в следующем: восток и запад *чего?* Все зависит от того, где вы стоите. По-видимому, «Запад» и «Восток» изначально относились к западной и восточной частям Евразии. С точки зрения американца, однако, Дальний Восток следует называть Дальним Западом. Большую часть китайской истории Запад означал Индию, в то время как «в Японии “Запад” обычно обозначает Китай» (William E. Naff. «Reflections on the Question of ‘East and West’ from the Point of View of Japan». *Comparative Civilizations Review*. 1986).

⁴ Но что можно сказать насчет иудейской цивилизации? Большинство исследователей цивилизаций едва упоминают о ней. Если судить по количеству людей, то иудаизм – это явно не основная цивилизация. Тойнби описывает ее как остановившуюся

Взаимоотношения между цивилизациями

Случайные встречи. цивилизации до 1500 года до н. э.

Взаимоотношения между цивилизациями уже эволюционировали сквозь две фазы и сейчас находятся на третьей. На протяжении более чем трех тысяч лет после того, как впервые появились цивилизации, контакты между ними, за некоторыми исключениями, либо не существовали вовсе и были ограничены, либо были периодическими и интенсивными. Природа этих контактов хорошо выражена термином, который используется историками для их описания: «случайные встречи» [21]. Цивилизации были разделены временем и пространством. Одновременно существовало лишь небольшое их количество, и, как утверждают Бенджамин Шварц и Шмуэль Айзенштадт, есть существенные различия между аксиальными и доаксиальными цивилизациями в плане того, могли ли они познать разницу между «трансцендентным и мирским». Среди цивилизаций аксиальных, в отличие от предшествующих им, мифы распространял отдельный интеллектуальный слой «еврейские пророки и проповедники, греческие философы и софисты, китайские поэты, индуистские брамины, буддийские сангха и исламские улемы» [22]. Некоторые религии пережили два или три поколения родственных цивилизаций, когда умирала одна цивилизация, затем следовало «междоцарствие» и рождение другого поколения-наследника. На рис. 2.1 показана упрощенная схема (взятая у Кэрролл Куигли) того, как менялись взаимоотношения основных евразийских цивилизаций в разное время.

Цивилизации также были разделены географически. До 1500 года андская и мезоамериканская цивилизации не имели контактов с другими цивилизациями и друг с другом. Ранние цивилизации в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Желтой реки (Хуанхэ) также не взаимодействовали друг с другом. Со временем контакты между цивилизациями стали множиться в Восточном Средиземноморье, Юго-Западной Азии и Северной Индии. Однако связь и коммерческие взаимоотношения затруднялись расстояниями, которые разделяли цивилизации, и ограниченным количеством транспортных средств, способных преодолеть эти расстояния. В то время как в Средиземном море и Индийском океане еще велась какая-то торговля, «пересекающие степь лошади, караваны и речной флот были единственным средством передвижения, с помощью которого цивилизации в мире, каким он был до 1500 года н. э., были связаны вместе – в той небольшой мере, в которой они поддерживали контакты друг с другом» [23].

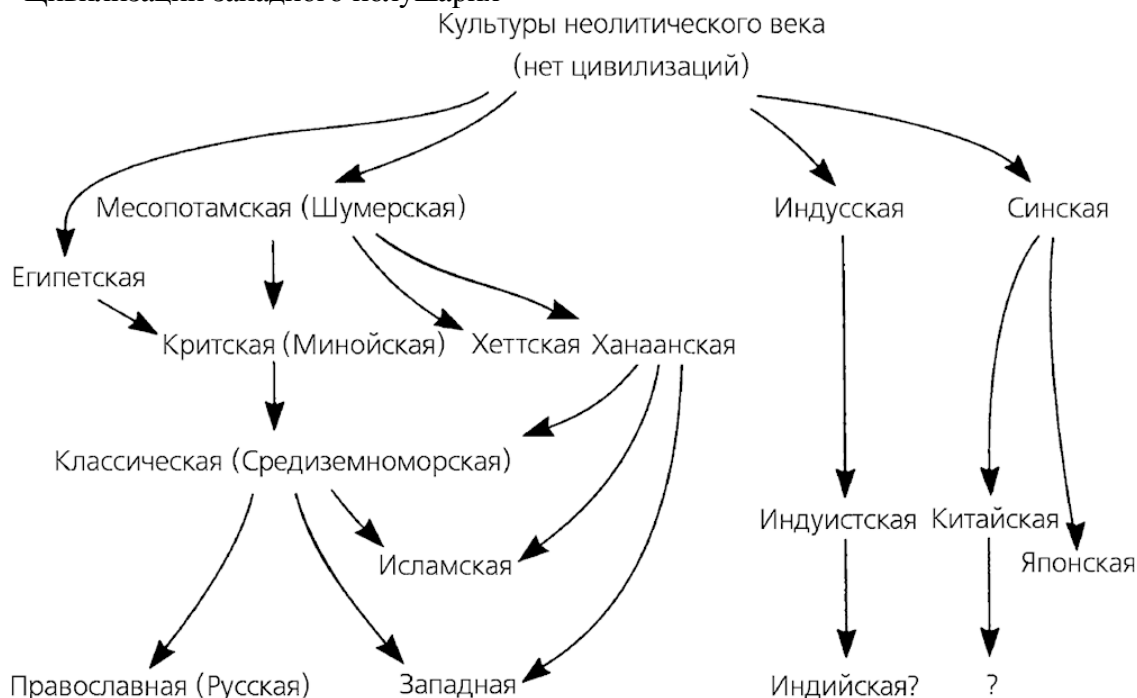
Идеи и технологии передавались из одной цивилизации в другую, но зачастую для этого требовались столетия. Пожалуй, наиболее значимой культурной диффузией, не являвшейся результатом завоевания, было распространение буддизма в Китае, что произошло через шесть веков после его возникновения в Северной Индии. Книгопечатание было изобретено в Китае в восьмом веке нашей эры, печатные машины с подвижными литерами – в одиннадцатом, но эта технология достигла Европы только в пятнадцатом веке. Бумага появилась в Китае во втором веке нашей эры, пришла в Японию в седьмом столетии, затем распространилась на запад, в Центральную Азию, в восьмом, достигла Северной Африки в десятом, Испании – в двенадцатом, а Северной Европы – в тринадцатом. Порох, открытый китайцами еще в девятом веке,

цивилизацию, которая эволюционировала из раннесирийской. Исторически она связана и с христианством, и с исламом. На протяжении нескольких веков евреи сохраняли свою культурную идентичность, живя в западной, православной и исламской цивилизациях. С созданием Израиля евреи получили все объективные атрибуты цивилизации: религию, язык, обычаи, общественные институты, политический и территориальный «дом». Но как насчет субъективного осознания идентичности? Евреи, живущие в иных культурах, по-разному соотносят себя со средой, начиная от абсолютной идентификации себя с иудаизмом и Израилем до номинального иудаизма и полной идентичности с той цивилизацией, внутри которой они пребывают. Последнее, однако, имело место главным образом среди евреев, живущих на Западе. См.: Mordecai M. Kaplan. *Judaism as a Civilization*. 1981.

стал известен арабам лишь несколько сот лет спустя, в Европе о нем узнали только в четырнадцатом веке [24].

Рис. 2.1

Цивилизации западного полушария

Источник: Кэрролл Куигли. *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis*. 1979.

Наиболее драматические и значительные контакты между цивилизациями имели место, когда люди из одной цивилизации покоряли, уничтожали или порабощали народы другой. Как правило, эти контакты были кровопролитными, но короткими и носили эпизодический характер. Начиная с седьмого века нашей эры стали возникать относительно длительные и временами сильные междоцивилизационные контакты между миром ислама и Западом, а также исламом и Индией. В основном коммерческие, культурные и военные взаимоотношения развивались внутри цивилизаций. И если Индия и Китай, например, иногда подвергались набегам и завоевывались другими народами (моголы, монголы), но тем не менее эти цивилизации знали продолжительные периоды войн в пределах своей цивилизации. То же справедливо и в отношении эллинов – они торговали и воевали друг с другом куда чаще, чем с персами и другими не-греками.

Коллизия: подъем запада

Европейское христианство стало возникать как отдельная цивилизация в VIII–IX столетиях. На протяжении нескольких веков, однако, она по своему уровню развития плелась позади многих других цивилизаций. Китай при династиях Тан, Сун и Мин, исламский мир с восьмого по двенадцатый век и Византия с восьмого века по одиннадцатый далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территории и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям [25]. Однако между одиннадцатым и тринадцатым столетиями европейская культура начала бурно развиваться, чему способствовало «горячее стремление и систематическое усвоение подходящих достижений более развитых цивилизаций – ислама и Византии, а также адаптация этого наследия в особые условия и интересы Запада».

В тот же самый период были обращены в западное христианство Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье, также распространились римское право и другие составляющие западной цивилизации, и восточная граница западной цивилизации стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений еще надолго. В течение двенадцатого и тринадцатого веков жители Запада боролись за расширение своей зоны влияния на Испанию и добились устойчивого господства над Средиземноморьем. Тем не менее впоследствии подъем турецкого могущества привел к падению «первой морской империи Западной Европы» [26]. И все же к 1500 году возрождение европейской культуры уже шло полным ходом, а социальный плюрализм, расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для новой эры глобальной политики.

Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему однонаправленному воздействию Запада на все остальные цивилизации. Конец пятнадцатого века ознаменовался окончанием реконкисты на Пиренейском полуострове – изгнанием оттуда мавров, а также проникновением португальцев в Азию, а испанцев – в обе Америки. Во время последующих двухсот пятидесяти лет все Западное полушарие и значительные территории в Азии находились под управлением или господством европейцев. К концу восемнадцатого столетия мы видим сокращение прямого европейского контроля – сначала Соединенные Штаты, потом Гаити, а затем и большая часть Латинской Америки восстают против европейского владычества и добиваются независимости.

Однако в последние годы девятнадцатого века обновленный западный империализм распространил влияние Запада почти на всю Африку, усилил контроль над Индостаном и по всей Азии, и к началу двадцатого века практически весь Ближний Восток, кроме Турции, оказался под прямым или косвенным контролем Европы. Европейцы или бывшие европейские колонии (в обеих Америках) контролировали 35 % поверхности суши в 1800 году, 67 % в 1878 году, 84 % к 1914 году. К 1920 году, после раздела Оттоманской империи между Британией, Францией и Италией, этот процент стал еще выше. В 1800 году Британская империя имела площадь 1,5 миллиона квадратных миль с населением в 20 миллионов человек. К 1900 году викторианская империя, над которой никогда не садилось солнце, простиралась на 11 миллионов квадратных миль и насчитывала 390 миллионов человек [27]. Во время европейской экспансии андская и мезоамериканская цивилизации были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самостоятельное независимое существование. На протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации.

Причины такого уникального и драматического развития крылись в социальной структуре и межклассовых отношениях на Западе, расцвете городов и торговли, относительной расконцентрации власти между вассалами и монархами, а также светскими и религиозными властями, в зарождающемся чувстве национального самосознания у западных народов и развитии государственных бюрократий. Непосредственной причиной экспансии Запада была технология: изобретение средств океанской навигации для достижения далеких стран и развитие военного потенциала для покорения их народов. «В значительной степени, – заметил Джоффри Паркер, – подъем Запада обуславливался применением силы, тем фактом, что баланс между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу завоевателей... ключом к успеху жителей Запада в создании первых по-настоящему глобальных империй послужили именно их способность вести войну, которую позже назвали термином “военная революция”». Экспансия Запада облегчалась также преимуществами в организации, формировании дисциплины и обучении войск, а также последующим превосходством в транспорте, логистике и медицинской службе, что явилось результатом ведущей роли Запада в промыш-

ленной революции [28]. Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но, скорее, превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут.

К 1910 году мир был более един политически и экономически, чем в любой другой период в истории человечества. Доля международной торговли от валового мирового продукта была выше, чем когда бы то ни было до этого, и вновь смогла достичь этого показателя лишь к 70–90-м годам двадцатого века. Доля международных инвестиций от общего их количества была выше, чем в любое другое время [29]. Цивилизация как термин означала как правило западную цивилизацию. Международный закон был западным международным законом, основанным на традициях Древней Греции. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий.

Возникновение такой международной системы с доминированием Запада было вторым важным этапом развития глобальной политики за весь период после 1500 года. Помимо взаимодействия с не-западными обществами в режиме «господство – зависимость», западные сообщества также взаимодействовали друг с другом на более равноправной основе. Эти взаимодействия между политическими общностями в пределах одной цивилизации весьма напоминали то, что происходило внутри китайской, индийской и греческой цивилизаций. Они основывались на культурной гомогенности, которая включала в себя «язык, закон, административную практику, сельское хозяйство, землевладение и, возможно, родство». Европейские народы «разделяли общую культуру и поддерживали обширные контакты посредством активной торговли, постоянного перемещения людей и потрясающего родства правящих семей». Кроме того, они практически постоянно вели войны друг с другом; среди европейских государств мир был исключением, а не правилом [30]. И хотя значительную часть этого периода Османская империя контролировала порой до четверти того, что считалось Европой, но эта империя не воспринималась как член европейской международной системы.

На протяжении 150 лет во внутрицивилизационной политике Запада доминировали глубокий религиозный раскол, а также религиозные и династические войны. Еще в течение полутора столетий после Вестфальского мира вооруженные конфликты в западном мире происходили в основном между правителями – императорами, монархами абсолютными и монархами конституционными, которые пытались расширить свои бюрократии, свои армии, свое экономическое влияние и, что самое главное, территории, которыми они правили. В процессе этого они создали национальные государства, и, начиная с Французской революции, основные линии конфликтов пролегали скорее между нациями, чем их правителями. В 1793 году, по выражению Р. Р. Палмера, «войны между королями завершились; начались войны между народами» [31]. Эта модель девятнадцатого столетия была в силе до Первой мировой войны.

В 1917 году, в результате русской революции, к конфликтам между национальными государствами прибавился конфликт идеологий, сначала между фашизмом, коммунизмом и либеральной демократией, затем между последними двумя. Во время холодной войны эти идеологии были воплощены двумя сверхдержавами, каждая из которых определяла свою идентичность своей идеологией, и ни одна из них не являлась национальным государством в традиционном европейском смысле. Приход к власти марксизма сначала в России, затем в Китае и Вьетнаме стал переходной фазой от европейской международной системы к постевропейской многоцивилизационной системе. Марксизм был продуктом европейской цивилизации, но он в ней не укоренился и не имел успеха. Вместо внедрения этой идеологии на Западе, модернизаторская и революционная элита импортировала ее в не-западные общества; Ленин, Мао и Хо Ши Мин подогнали ее под свои цели и использовали, чтобы бросить вызов западному могуществу, а также чтобы мобилизовать свои народы и утвердить их национальную идентичность и

автономность в противовес Западу. Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означает, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и своеобразием незападных культур.

Взаимодействия: полицивилизационная система

Таким образом, в двадцатом веке взаимоотношения между цивилизациями перешли от фазы, характеризующейся однонаправленным влиянием одной цивилизации на все остальные, к этапу интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями. Обе характерные черты предыдущей эры межцивилизационных отношений начали исчезать.

Во-первых, как любят говорить историки, завершилась «экспансия Запада» и началось «восстание против Запада». Неравномерно, с паузами и «отыгрышами», снижалось могущество Запада по сравнению с влиянием других цивилизаций. Карта мира образца 1990 года мало чем похожа на карту мира в 1920 году. Баланс военного и экономического могущества, а также политического влияния изменился (что более подробно рассматривается в следующей главе). Запад продолжал оказывать значительное влияние на другие общества, но взаимоотношения между Западом и другими цивилизациями все больше обуславливались реакцией Запада на развитие этих цивилизаций.

Уже не являясь просто объектами создаваемой Западом истории, не-западные общества быстро становились движущими силами и создателями как своей собственной, так и западной истории.

Во-вторых, в результате этих изменений, международная система вышла за рамки Запада и стала полицивилизационной. Одновременно с этим конфликт между западными странами, которые доминировали в системе на протяжении столетий, угас. К концу двадцатого века Запад перешел от фазы воюющего государства как этапа развития цивилизации к фазе универсального государства. К концу нашего века эта фаза все еще не завершена, поскольку страны Запада состоят из двух полууниверсальных государств Европы и Северной Америки. Эти две целостности и их составляющие объединены тем не менее невероятно сложной сетью формальных и неформальных институтов. Универсальные государства предыдущих цивилизаций – империи. Однако поскольку демократия является политической формой правления в западной цивилизации, зарождающееся универсальное государство является не империей, а, скорее, целостностью федераций, конфедераций, международных уставов и организаций.

Основные политические идеологии двадцатого века включают либерализм, социализм, анархизм, корпоративизм, марксизм, коммунизм, социал-демократию, консерватизм, национализм, фашизм и христианскую демократию. Объединяет их одно: они все – порождения западной цивилизации. Ни одна другая цивилизация не породила достаточно значимую политическую идеологию. Запад, в свою очередь, никогда не порождал основной религии. Все главные мировые религии родились в не-западных цивилизациях и в большинстве случаев раньше, чем западная цивилизация. По мере того как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие формы культурной идентичности. Вестфальское разделение религии и международной политики, идиосинкратический продукт западной цивилизации, подходит к концу, а религия, по словам Эдварда Мортимера, «все чаще вмешивается в международные дела» [32]. Внутрицивилизационное столкновение политических идей, порожденное Западом, сейчас вытесняется межцивилизационным столкновением культур и религий.

Глобальная политическая география, таким образом, изменилась: вместо одного мира в 1920 году на карте появилось три мира в 1960-м и с полдюжины миров в 1990-х годах. Глобальные западные империи соответственно сжались до более ограниченного «свободного мира» в 1960-х годах (понятие, которое включало множество не-западных государств, противостоящих коммунизму), затем до еще более узкого «Запада» в 1990-х. Это изменение было отражено семантически между 1988 и 1993 годами снижением употребления идеологического термина «свободный мир» и все более частым появлением цивилизационного понятия «Запад» (см. таблицу 2.1). Это подтверждается также более частым употреблением слов «ислам» (как культурно-политический феномен), «Большой Китай», Россия и ее «ближнее зарубежье», а также «Европейский союз» в качестве терминов с цивилизационным значением. Межцивилизационные отношения в этой третьей фазе намного более часты и интенсивны, чем они были во время первой фазы, и более равноправны, чем во время второй. Кроме того, в отличие от времен холодной войны, уже нельзя сказать, что международную ситуацию определяет одна линия разлома между Западом и не-Западом, сейчас в равной степени влияние оказывают несколько линий межцивилизационных разломов.

Как заметил Хедли Булл, «если два или более государства поддерживают контакты между собой и оказывают значительное влияние на решения друг друга, то чтобы заставить их действовать – по крайней мере, в какой-то степени – как части единого целого, существует международная система. Международное сообщество тем не менее существует только тогда, когда страны, входящие в международную систему, имеют “общие интересы и общие ценности”, считают себя связанными единым сводом правил», «принимают совместное участие в работе общих институтов» и имеют «общую культуру или цивилизацию» [33]. Как и ее шумерская, греческая, эллинистическая, китайская, индийская и исламская предшественницы, европейская международная система с семнадцатого по девятнадцатый век также была международным сообществом. В девятнадцатом и двадцатом столетии европейская международная система расширилась до такой степени, что включила в себя практически все общества в других цивилизациях. Некоторые европейские институты и традиции также были экспортированы в эти страны. И все же этим обществам пока недостает общей культуры, лежащей в основе европейской международной системы. Таким образом, выражаясь терминами британской теории международных отношений, мир является хорошо развитой международной системой, но в лучшем случае лишь весьма примитивным международным сообществом.

Таблица 2.1

Использование терминов «свободный мир» и «запад»

	Количество упоминаний		Изменение количества упоминаний, %
	1988	1993	
<i>New York Times</i>			
Свободный мир	71	44	−38
Запад	46	144	+213
<i>Washington Post</i>			
Свободный мир	112	67	−40
Запад	36	87	+142
<i>Congressional Record</i>			
Свободный мир	356	114	−68
Запад	7	10	43

Источник: *Lexis/News*. Количество упоминаний означает количество статей о «свободном мире» и «Западе» или содержащих такие термины. Упоминания термина «Запад» проверялись на контекстное значение, чтобы убедиться, что данный термин был использован в качестве названия цивилизации или политической целостности.

Каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный сюжет истории человечества. Это, пожалуй, даже более справедливо по отношению к Западу, чем к другим культурам. Такие моноцивилизационные точки зрения, однако, утратили значимость и пригодность в полицивилизационном мире. Исследователям цивилизаций уже давно знаком этот трюизм. В 1918 году Шпенглер развеял превалирующий на Западе близорукий взгляд на историю с ее четким делением на античный, средневековый и современный периоды. Он говорил о необходимости заменить «птолемеев подход к истории коперниковым» и установить вместо «пустого вымысла об одной *линейной* истории – драму *нескольких* могущественных держав» [34]. Несколькими десятилетиями спустя Тойнби подверг критике «ограниченность и наглость» Запада, выражавшиеся в «эгоцентрических иллюзиях» о том, что мир вращается вокруг него, что существует «неизменный Восток» и что «прогресс» неизбежен. Как и Шпенглер, он на дух не выносил допущения о единстве истории, допущения, что существует «только одна река цивилизации – наша собственная и что все остальные являются либо ее притоками, либо затеряны в песках пустыни» [35]. Бродель спустя пятьдесят лет после Тойнби также признал необходимость более широких взглядов и понимания «великих культурных конфликтов в мире и множественности его цивилизаций» [36]. Иллюзии и предрассудки, о которых предупреждали нас эти ученые, все еще живы и в конце двадцатого века расцвели и превратились в широко распространенную и ограниченную по сути концепцию о том, что европейская цивилизация Запада есть универсальная цивилизация мира.

Глава 3

Универсальная цивилизация? Модернизация и вестернизация

Универсальная цивилизация, значение термина

Некоторые считают, что в сегодняшнем мире происходит становление того, что В. С. Найпаул назвал «универсальной цивилизацией» [1]. Что означает этот термин? Термин в общем подразумевает культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов. В более узком смысле эта идея различает и признает некоторые вещи, которые глубоки, но не существенны, а также другие, которые существенны, но не глубоки, и третьи, которые несущественны и поверхностны.

Во-первых, люди практически во всех обществах принимают определенные основные ценности, полагая, например, что убийство – это зло, и некоторые базовые социальные институты, такие как семья, в той или иной форме. Как правило, люди в большинстве обществ имеют общее «чувство морали», «узкие» моральные рамки для основных понятий правильного и дурного [2]. Если под универсальной цивилизацией имеется в виду это, то это глубоко и чрезвычайно важно, но отнюдь не ново и не существенно. Если люди в течение истории разделяли некоторые фундаментальные ценности и институты, это может определить определенные константы в человеческом поведении, но не может осветить или объяснить историю, которая состоит из перемен в человеческом поведении. Кроме того, если универсальная цивилизация, общая для всего человечества, существует, то какими терминами нам тогда пользоваться для описания главных культурных общностей человечества, кроме как «человеческая раса»? Человечество разделено на подгруппы – племена, национальности и более широкие культурные идентичности, обычно именуемые цивилизациями. Если термин «цивилизация» поднять и распространить на все, что есть общего у человечества в целом, то нам придется либо изобретать новый термин для обозначения самых крупных общностей людей, за исключением человечества в целом, либо предположить, что эти большие, но не охватывающие все человечество группы испарились. Вацлав Гавел, например, утверждал, что «мы сейчас живем в одной глобальной цивилизации» и что это не более чем «легкий налет», который «покрывает или укрывает огромное множество культур, народов, религиозных миров, исторических традиций и исторически сложившихся отношений, всего того, что, в каком-то смысле, лежит «под» ним» [3]. Однако мы добьемся лишь семантической путаницы, если ограничим термин «цивилизация» глобальным уровнем и назовем «культурами» или «субцивилизациями» те самые большие культурные целостности, которые исторически всегда называли цивилизациями⁵.

Во-вторых, термином «универсальная цивилизация» можно было бы обозначать то общее, что есть у цивилизованных обществ, например города и грамотность, то, что отличает их от примитивных обществ и варваров. Это, конечно же, узкое понимание термина в духе восемнадцатого века, и в этом смысле универсальная цивилизация действительно зарождается,

⁵ Хейворд Олкер справедливо обратил внимание, что в своей статье в «Foreign Affairs» я «преднамеренно отверг» идею о мировой цивилизации, определив цивилизацию как «наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, помимо того, что отличает человека от других биологических видов». Конечно же, именно так этот термин использовался большинством исследователей цивилизации. В этой главе, однако, я применил не столь строгую формулировку, чтобы допустить возможность существования в мире людей, которые идентифицируют себя с отдельной глобальной культурой, дополняющей или замещающей цивилизации в западном, исламском или синском смысле.

к огромному ужасу антропологов и всех остальных, кто наблюдает за исчезновением примитивных народов. Цивилизация в этом смысле постоянно, в течение всей истории человечества, расширялась, и рост цивилизованности был вполне совместим с существованием множества цивилизаций.

В-третьих, термин «универсальная цивилизация» может относиться к предположениям, ценностям и доктринам, которые сейчас разделяют многие на Западе и некоторые в других цивилизациях. Это то, что можно назвать «давосской культурой». Каждый год около тысячи бизнесменов, банкиров, правительственных чиновников, интеллектуалов и журналистов из десятков стран встречаются в Швейцарии на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Почти у всех этих людей есть университетские степени по точным наукам, общественным наукам, бизнесу, праву; они работают со словами и/или числами, довольно бегло говорят по-английски; работают на правительства, корпорации и академические учреждения, у которых сильны международные связи, и часто выезжают за пределы своей родной страны. Они, как правило, разделяют веру в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию, что также широко распространено среди людей западной цивилизации. Люди из Давоса контролируют практически все международные институты, многие правительства мира, а также значительную долю мировой экономики и военного потенциала. Таким образом, давосская культура крайне важна. Однако сколько человек по всему миру разделяют эту культуру? Вне Запада ее разделяют, пожалуй, менее 50 миллионов, или 1 % мирового населения, а может быть, что и всего одна десятая мирового населения. Это далеко не универсальная цивилизация, и те лидеры, которые привержены давосской культуре, не всегда контролируют власть у себя дома. Эта «общая интеллектуальная культура существует, – как заметил Хедли Булл, – только на уровне элиты: корни ее во многих обществах неглубоки... и вызывает большое сомнение, что даже на дипломатическом уровне она охватывает то, что было названо культурой общей морали или сводом общих правил, в отличие от общей интеллектуальной культуры» [4].

В-четвертых, была выдвинута идея о том, что рост западных моделей потребления и популярной культуры по всему миру создает универсальную цивилизацию. Этот аргумент не глубок и не существен. Культурные увлечения всегда передавались от одной цивилизации к другой. Нововведения в одной цивилизации часто перенимаются другими. Но это, как правило, либо технологии, никак не отражающиеся в общей культуре сообщества, либо мимолетные причуды, которые приходят и уходят, не изменяя базовой культуры заимствующей их цивилизации. Эти импортные штучки «распространяются» в цивилизации-реципиенте либо потому, что это – экзотика, либо они навязаны. За столетия, предшествующие нашему, западный мир не раз охватывало увлечение теми или иными атрибутами китайской или индийской культуры. В восемнадцатом веке предметы культурного импорта с Запада приобрели популярность в Китае и Индии, потому что они казались воплощением западного могущества. Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации, – это опошление западной культуры. Суть западной цивилизации – это *Magna Carta*⁶, а не *Magna MacDonald's*. Тот факт, что жители не-Запада могут съесть гамбургер, вовсе не подразумевает, что они примут и Хартию.

Не связано это и с их отношением к Западу. Где-нибудь на Ближнем Востоке пять-шесть молодых парней вполне могут носить джинсы, пить колу, слушать рэп, а между поклонами в сторону Мекки мастерить бомбу, чтобы взорвать американский авиалайнер. В 1970-е и 1980-е годы американцы потребляли миллионы японских машин, телевизоров, фотоаппаратов и электронных «примочек», при этом не «ояпонившись» и даже испытывая нарастающее раздражение в адрес Японии. Только наивная заносчивость могла заставить жителей Запада предположить, что представители не-Запада «озападняются», потребляя западные товары. И о чем, в

⁶ Великая хартия вольностей (1215 г.). – Примеч. перев.

самом деле, говорит миру о Западе то обстоятельство, что его жители идентифицируют свою цивилизацию с газированными напитками, потертыми штанами и жирной пищей?

Немного более усложненная версия универсальной массовой культуры фокусирует внимание не на товарах общего потребления, а на СМИ и, скорее, на Голливуде, чем на кока-коле. Американский контроль глобальной кино-, теле-и видеоиндустрии даже превосходит ее господство в авиационной промышленности. Восемьдесят восемь из ста наиболее посещаемых в мире фильмов в 1995 году были американскими, а две американские и две европейские организации доминировали в области сбора и распространения новостей на глобальном уровне [5]. Эта ситуация отражает два феномена. Первый – это универсальность человеческого интереса к любви, сексу, тайне, героизму и богатству, а также способность ориентированных на получение прибыли компаний, в основном американских, эксплуатировать эти интересы к своей собственной выгоде. Однако существует мало свидетельств (или их не существует вовсе) того, что появление всеобъемлющей глобальной связи приводит к значительному сближению точек зрения и убеждений. «Индустрия развлечений, – как заметил Майкл Влаханос, – не равнозначна культурному преобразению». Во-вторых, люди интерпретируют обмен информацией в терминах существовавших ранее ценностей и взглядов. «Одинаковые образы, транслируемые одновременно в гостиницах самых разных точек земного шара, – полагает Кишор Мабубани, – вызывают совершенно различную реакцию. Во многих западных гостиницах раздались аплодисменты, когда крылатые ракеты ударили по Багдаду. А большая часть не-западных зрителей увидели, что немедленное возмездие Запада было направлено против не-белых иракцев или сомалийцев, но не против белых сербов. И это тревожный сигнал по любым меркам» [6].

Глобальная связь – одно из наиболее значимых проявлений западного могущества. Эта западная гегемония, однако, подталкивает политиков-популистов в не-западных обществах осуждать западный культурный империализм и призывать свои народы к возрождению и сохранению родной культуры. Мера, в которой проявляется доминирование Запада в глобальной связи, является, таким образом, главным источником негодования не-западных жителей и их враждебного отношения к Западу. Кроме того, к началу 1990-х модернизация и экономическое развитие в не-западных обществах стали приводить к возникновению локальных и региональных медиаиндустрий, удовлетворяющих определенным вкусам этих сообществ [7]. В 1994 году, например, компания «Си-эн-эн интернешнл» оценила свою аудиторию в 55 миллионов потенциальных зрителей, или около 1 % мирового населения (поразительно совпадает по цифрам с количеством людей, идентифицирующихся с давосской культурой), а ее президент утверждал, что английские передачи могут со временем охватить от 2 до 4 % рынка. Так появились региональные (то есть цивилизационные) сети, которые вели трансляцию на испанском, японском, арабском, французском (для Западной Африки) и других языках. «Глобальная редакция новостей, – пришли к выводу трое ученых, – все еще сталкивается с вавилонским столпотворением» [8]. Рональд Дор являет собой яркий пример представителя интеллектуальной культуры глобализма давосского образца среди дипломатов и государственных служащих. Но даже он тем не менее приходит к достаточно сложному выводу о влиянии быстрорастущей коммуникации: «*при прочих равных условиях* [курсив Дора], рост более тесных связей призван обеспечить более прочную базу для взаимопонимания между народами, или, по крайней мере, дипломатами мира», и далее он добавляет, что «важными могут оказаться некоторые вещи, которые не являются неизменными во всем мире» [9].

Язык

Центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия. Если сейчас зарождается универсальная цивилизация, значит, должны иметь место тенденции к возникновению универсального языка и универсальной религии. Такие заявления часто

делаются по отношению к языку. «Мировой язык – английский», – как выразился редактор «Wall Street Journal» [10]. Это может означать две вещи, но лишь одна из них может служить подтверждением в случае с универсальной цивилизацией. Так, из сказанного следует, что все увеличивающаяся доля мирового населения говорит по-английски. Доказательств такой точки зрения не существует, и наиболее надежные из существующих источников, которые, вероятно, могут быть не очень точными, показывают обратное. Доступные данные за более чем три десятилетия (1958–1992) показывают, что общее соотношение использования языков в мире кардинально не изменилось, а также что произошло значительное снижение доли людей, говорящих на английском, французском, немецком, русском и японском языках, чуть меньше снизилась доля носителей мандаринского диалекта, а вот доля использования хинди, малайско-индонезийского, арабского, бенгали, испанского, португальского, наоборот, увеличилась. Доля носителей английского языка в мире упала с 9,8 % в 1958 году до 7,6 % в 1992-м (см. табл. 3.1). Процентное соотношение населения мира, говорящего на пяти главных европейских языках (английский, французский, немецкий, португальский, испанский), снизилось с 24,1 % в 1958 году до 20,8 % в 1992-м. В 1992 году примерно вдвое больше людей говорили на мандаринском (15,2 % мирового населения), чем на английском, и еще 3,6 % говорили на других диалектах китайского (см. табл. 3.2).

Таблица 3.1
Носители наиболее распространенных языков
(в процентном отношении от мирового населения⁷)

Язык	1958	1970	1980	1992
Арабский	2.7	2.9	3.3	3.5
Бенгальский	2.7	2.9	3.2	3.2
Английский	9.8	9.1	8.7	7.6
Хинди	5.2	5.3	5.3	6.4
Мандаринский	15.6	16.6	15.8	15.2
Русский	5.5	5.6	6.0	4.9
Испанский	5.0	5.2	5.5	6.1

Таблица 3.2
Носители основных китайских и западных языков

⁷ Учтено общее количество людей, говорящих на языках с более чем 1 миллионом носителей. *Источник*: процентное соотношение рассчитано на основании данных, скомпилированных профессором Сидни Калбертом из Вашингтонского университета, факультет психологии, и учитывает количество людей, говорящих на языках, на которых говорит более 1 миллиона человек. Эти данные ежегодно приводятся в *World Almanac and Book of Facts*. Расчеты профессора Калберта включают как носителей языка, так и тех, для кого этот язык не является родным, и основаны на данных переписей населения, выборочных опросов, опросов по радио и телевидению, данных по росту населения, вторичных исследованиях и других источниках.

Язык (диалект)	1958		1992	
	Кол-во носителей (в миллионах)	Процентная доля от населения мира	Кол-во носителей (в миллионах)	Процентная доля от населения мира
Мандаринский	444	15,6	907	15,2
Кантонский	43	1,5	65	1,1
Ву	39	1,4	64	1,1
Мин	36	1,3	50	0,8
Хакка	19	0,7	33	0,6
Китайские языки	581	20,5	1119	18,8
Английский	278	9,8	456	7,6
Испанский	142	5,0	362	6,1
Португальский	74	2,6	177	3,0
Немецкий	120	4,2	119	2,0
Французский	70	2,5	123	2,1
Западные языки	684	24,1	1237	20,8
Итого в мире	2845	44,5	5979	39,4

Источник: процентное соотношение рассчитано на основании данных, скомпилированных профессором Сидни Калбертом из Вашингтонского университета, факультет психологии, и приведенных в *World Almanac and Book of Facts* за 1959 и 1993 годы.

С одной стороны, язык, не являющийся родным для 92 % мирового населения, не может быть мировым языком. С другой стороны, однако, его модно назвать именно так, поскольку это язык, который используется людьми различных языковых групп и культур для общения друг с другом, если это мировая *lingua franca*, или, выражаясь лингвистическими терминами, универсальный язык широкого общения (УЯШО) [11]. Люди, которым необходимо общаться друг с другом, вынуждены искать способ сделать это. На одном уровне они полагаются на специально обученных профессионалов, которые свободно владеют двумя или более языками и работают устными или письменными переводчиками. Это, однако, неудобно, долго и дорого. Поэтому в течение всей истории возникали *lingua franca*: латынь во времена античности и Средневековья, французский на протяжении нескольких веков на Западе, суахили во многих частях Африки и английский во многих частях света во второй половине двадцатого столетия. Дипломаты, бизнесмены, ученые, туристы и обслуживающие их службы, пилоты авиалиний и авиадиспетчеры – все они нуждаются в каком-нибудь средстве эффективного общения друг с другом, и сейчас они делают это преимущественно по-английски. В этом смысле английский является средством межкультурного общения, точно как христианский календарь стал всемирным инструментом измерения времени, арабские цифры – всемирным средством счета, а метрическая система СИ, большей частью, всемирной системой измерения. Использование английского языка тем не менее является *межкультурным* средством общения; здесь подразумевается существование различных культур. Это средство общения, а не признак идентичности или общности. Если японский банкир и индонезийский банкир говорят друг с другом по-английски, то это не означает, что кто-то из них англаизирован или вестернизирован. То же самое можно сказать о немецкоговорящих и франкоговорящих швейцарцах, которые могут говорить друг с другом по-английски с таким успехом, как и на любом из их родных языков. Аналогичным образом, сохранение роли английского как общего национального языка в

Индии, хоть и противоречит идее Неру, но тем не менее свидетельствует о горячем желании народов Индии, не говорящих на хинди, сохранить свой родной язык и культуру, а также о том, что Индии необходимо оставаться многоязычным обществом.

Как заметил ведущий исследователь-лингвист Джошуа Фишман, язык, скорее всего, будет принят в качестве *lingua franca* или УЯШО, если он не идентифицируется с конкретной этнической группой, религией и идеологией. В прошлом английский обладал четко выраженными связями с идентичностью подобного рода. В последнее время английский стал «деэтнизированным (или минимально этнизированным)», как это случалось в прошлом с аккадским, арамейским, греческим или латынью. «Просто счастьем для судьбы английского как второго языка стало то, что ни британские, ни американские источники не рассматривались сколько-нибудь широко или глубоко в этническом или идеологическом контексте *примерно на протяжении последней четверти века* (курсив Фишмана) [12]. Использование английского в качестве средства межкультурного общения помогает, таким образом, сохранять различия в культурной идентичности народов. Именно потому, что люди хотят сберечь свою собственную культуру, они пользуются английским для общения с представителями других культур.

Люди, которые говорят на английском в разных частях света, все больше говорят на разных английских. Английский приобретает местный колорит, который отличает его от британского или американского варианта английского, и различия доходят до того, что люди, говорящие на этих английских, почти не понимают друг друга, точно как в случае с многочисленными диалектами китайского. Нигерийский пиджин-инглиш, индийский английский и другие формы английского внедряются в соответствующие принимающие культуры, и они, по-видимому, будут продолжать различаться, пока не станут схожи внутри отдельных культур, точно как романские языки эволюционировали из латыни. Однако в отличие от итальянского, французского и испанского эти выросшие из английского языки будут либо употребляться небольшой группой людей внутри одного общества, либо они будут использоваться в первую очередь для общения между определенными лингвистическими группами.

Все эти процессы можно наблюдать в Индии. В 1983 году, например, там насчитывалось 18 миллионов людей, говорящих по-английски, из населения в 733 миллиона, а в 1990 году 20 миллионов из 867 миллионов. Таким образом, доля говорящих по-английски людей среди индийского населения остается относительно стабильной – от 2 до 4 % [13]. За пределами узкой элиты, использующей англоязычную документацию, английский даже не играет роль *lingua franca*. «Повседневная практика, – утверждают два профессора английского языка из университета в Нью-Дели, – показывает, что если вы отправитесь в путешествие из самой южной конечности Кашмира в Каньякумари, то вам будет намного проще общаться на хинди, а не на английском». Кроме того, индийский английский приобретает все больше индивидуальных характеристик: он индизнизируется, или, скорее, локализуется, поскольку возникают различия между английскими языками носителей разных локальных языков [14]. Английский впитывается в индийскую культуру, точно как же, как санскрит и персидский были впитаны до этого. В течение всей истории распределение языков отражало распределение влияния в мире. Наиболее широко употребляемые языки – английский, мандаринский, испанский, французский, арабский, русский – являются или были языками империалистических государств, которые активно поощряли использование своего языка другими народами. Сдвиги в распределении влияния привели к сдвигам в распределении языков. «... Два столетия британского и американского колониального, коммерческого, индустриального, научного и финансового могущества оставили значительное наследство в высшем образовании, управлении, торговле и технологии во всем мире» [15]. Британцы и французы настаивали на том, чтобы в их колониях пользовались их языком. После обретения независимости, однако, большинство бывших колоний попыталось в разной степени и с разным успехом заменить имперские языки своими местными. В пору когда влияние Советского Союза было в зените, русский был *lingua*

franca от Праги до Ханоя. Спад советского могущества сопровождался параллельным снижением использования русского в качестве второго языка. Как и в случае с другими формами культуры, усиление могущества порождает как лингвистическую гордость носителей языка, так и стимул для других учить этот язык. В безумные дни сразу же после падения Берлинской стены, когда казалось, что объединенная Германия стала новым колоссом, возникла примечательная тенденция: немцы, бегло говорящие по-английски, на международных встречах старались пользоваться немецким. Японский экономический взлет стимулировал изучение японского не-японцами, а экономическое развитие Китая порождает аналогичный бум в отношении китайского. В Гонконге китайский стремительно вытесняет английский с позиции доминирующего языка [16], и с учетом роли китайцев, живущих в других странах Юго-Восточной Азии, китайский стал языком, на котором ведется большая часть международной торговли в данном регионе.

По мере того как могущество Запада по отношению к влиянию других цивилизаций постепенно снижается, использование английского и других европейских языков в них или для общения между странами также медленно сходит на нет. Если в какой-то момент в отдаленном будущем Китай займет место Запада как доминирующей цивилизации, английский уступит место мандаринскому в качестве *lingua franca*.

Когда бывшие колонии шли к независимости и только добивались ее, поощрение развития и использования местных языков, как и борьба с языками империи, были одним из способов, при помощи которых национальные элиты отличали себя от западных колониалистов и определяли свою идентичность. После обретения независимости, однако, элитам этих стран потребовалось отличаться от простого люда своих социумов. Средство нашлось: свободное владение английским, французским и другими западными языками. В результате представителям не-западных элит зачастую намного проще общаться с жителями Запада и друг с другом, чем с народом своей страны (подобная ситуация имела место на Западе в семнадцатом – восемнадцатом веках, когда аристократы из различных дворов прекрасно общались друг с другом по-французски, но не знали своего национального языка). В не-западных обществах сейчас налицо две противоположные тенденции. С одной стороны, английский все больше используется на университетском уровне, чтобы дать выпускникам возможность вести эффективную игру в глобальной гонке за капиталами и покупателями. С другой стороны, социальное и политическое давление вынуждает все больше использовать местные языки. Арабский вытесняет французский в Северной Африке, урду занимает место английского как языка управления и образования в Пакистане, а в Индии СМИ, использующие местные языки, приходят на смену англоязычным. Такое развитие ситуации предвидела Индийская комиссия по образованию в 1948 году, когда было заявлено, что «использование английского... делит людей на две нации, тех немногих, кто правит, и многих, которыми правят, кто не может говорить на чужом языке, и эти две нации не понимают друг друга». Сорок лет спустя живучесть английского как языка элиты подкрепила это предсказание и создала «противоестественную ситуацию в рабочей демократии, основанной на праве голоса у взрослого населения... Англоговорящая Индия и политически сознательная Индия все больше отделяются друг от друга», стимулируя «напряжение... между меньшинством на самом верху, которое знает английский, и миллионами – имеющими право голоса, – которые не знают его» [17]. В той мере, в которой не-западные общества устанавливают демократические институты, а народ принимает активную роль в управлении этими обществами, использование английского снижается и все более употребительными становятся местные языки.

Конец советской империи и холодной войны дал импульс к распространению и возрождению языков, которые либо подвергались гонениям, либо были забыты. В большинстве бывших советских республик были приняты значительные усилия по возрождению традиционных языков. Эстонский, литовский, латышский, украинский, грузинский и армянский стали

теперь национальными языками независимых государств. В мусульманских странах произошло такое же лингвистическое самоутверждение, Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан сменили кириллицу своих бывших советских господ на латинский алфавит турецких братьев, а говорящий по-персидски Таджикистан позаимствовал арабскую письменность. Сербь, в свою очередь, теперь называют свой язык сербским, а не сербохорватским, и сменили западные буквы своих католических врагов на кириллицу российских друзей. Параллельно с этим хорваты переименовали свой язык в хорватский и стараются очистить его от турецких заимствований и других иностранных слов, в то время как «турецкие и арабские заимствования, лингвистический осадок, оставшийся после 450-летнего пребывания Османской империи на Балканах», вошли в моду в Боснии [18]. Язык преобразовывается и перестраивается, чтобы соответствовать новым идентичностям и контурам цивилизаций. По мере того как расширяется власть, распространяется тенденция нового Вавилона.

Религия

Шансы на появление универсальной религии ненамного выше, чем на возникновение универсального языка. Конец двадцатого века стал свидетелем повсеместного возрождения религий (*la Revanche de Dieu*). Это возрождение заключалось в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений. Таким образом, различия между религиями усилились. Статистика, касающаяся приверженцев различных религий, еще более ненадежна, чем информация по носителям языков. В таблице 3.3 приведены цифры, взятые из достаточно широко используемых источников. Эти и другие данные показывают, что позиционная расстановка мировых религий в этом столетии значительно не изменилась. Наибольшее изменение, зафиксированное этим источником, было увеличение доли людей, именующих себя «неверующими» или «атеистами», – от 0,2 % в 1900 году до 20,9 % в 1980 году. Можно было бы это интерпретировать как некий значительный отход от религии, и лишь слабое религиозное возрождение в 1980 году. И все же увеличение числа неверующих на 20,7 % почти совпадает со снижением на 19 % адептов «китайских народных религий» с 23,5 % в 1900-м до 4,5 % в 1980 году. Эти практически равные снижение и увеличение означают, что с приходом коммунистической власти внушительная часть населения Китая была просто переименована из приверженцев народных религий в неверующих.

Таблица 3.3

Процентное соотношение мирового населения, следующего основным религиозным традициям

Религия	1900	1970	1980	1985 (прогноз)	2000 (прогноз)
Западное христианство	26,9	30,6	30,0	29,7	29,9
Православное христианство	7,5	3,1	2,8	2,7	2,4
Мусульманство	12,4	15,3	16,5	17,1	19,2
Неверующие	0,2	15,0	16,4	16,9	17,1
Индуизм	12,5	12,8	13,3	13,5	13,7
Буддизм	7,8	6,4	6,3	6,2	5,7
Китайские народные религии	23,5	5,9	4,5	3,9	2,5
Племенные верования	6,6	2,4	2,1	1,9	1,6
Атеисты	0,0	4,6	4,5	4,4	4,2

Источник: David Barron (ed.). World Christianity Encyclopedia: Comparative Study of Modern Churches and Religions. 1900–2000. Oxford, 1982.

О чем эти данные свидетельствуют, так это об увеличении доли приверженцев двух основных религий, стремящихся обратить других в свою веру – ислам и христианство – более чем за 80 лет. Западное христианство охватывало 26,9 % мирового населения в 1900-м и 30 % в 1980 году. Мусульмане увеличили свой удельный вес более заметно – с 12,4 % в 1900 году до 16,5 % (по некоторым оценкам – 18 %) в 1980 году. За последние несколько десятилетий двадцатого века ислам и христианство значительно увеличили число своих сторонников в Африке, а основной сдвиг в сторону христианства произошел в Южной Корее. Если традиционная религия в обществах со стремительной модернизацией не способна адаптироваться к требованиям модернизации, создаются потенциальные возможности для распространения западного христианства и ислама. В таких обществах наиболее удачливые сторонники западной культуры – это не неоклассические экономисты, не демократы-крестоносцы и не руководители транснациональных корпораций. Скорее всего, это есть и будут христианские миссионеры. Ни Адам Смит, ни Томас Джефферсон не могут отвечать психологическим, эмоциональным, моральным и социальным запросам выпускников средней школы в первом поколении. Иисус Христос тоже может не отвечать им, но у Него шансов побольше.

По большому счету, однако, побеждает Магомет. Христианство распространяется в первую очередь путем обращения приверженцев других религий, а ислам – за счет как обращения, так и воспроизводства. Процентное соотношение христиан в мире, которое достигло своего пика в 30 % в восьмидесятые, выравнилось и сейчас снижается, и, скорее всего, будет равняться 25 % от населения мира к 2025 году. В результате чрезвычайно высоких темпов прироста населения (см. главу 5), относительная доля мусульман в мире будет продолжать стремительно расти, достигнув на рубеже столетий 20 % мирового населения, превзойдя количество христиан в течение нескольких последующих лет, и, вероятно, может равняться 30 % к 2025 году [19].

Универсальная цивилизация: происхождение термина

Концепция универсальной цивилизации является характерным продуктом западной цивилизации. В девятнадцатом веке идея «бремени белого человека» помогла оправдать распространение западного политического и экономического господства над не-западными обществами. В конце двадцатого столетия концепция универсальной цивилизации помогает оправдывать западное культурное господство над другими обществами и необходимость для этих обществ копировать западные традиции и институты. Универсализм – идеология, принятая Западом для противостояния не-западным культурам. Как это часто случается среди маргиналов и прозелитов, среди наиболее восторженных адептов идеи единой цивилизации есть интеллектуальные мигранты на Запад, такие как Найпаул и Фуад Аджамы, которым эта концепция дает в наивысшей мере удовлетворительный ответ на центральный вопрос: «Кто я?». Однако один из арабских интеллектуалов применил в отношении этих мигрантов термин «ниггер белого человека» [20], а идея универсальной цивилизации находит мало поддержки в других цивилизациях. Не-Запады видят западным то, что Запад видит универсальным. То, что жители Запада объявляют мирной глобальной интеграцией, например распространение всемирных средств массовой информации, представители остального мира осуждают как гнусный западный империализм. В той же мере, какой жители не-Запада видят его единым, они видят в нем угрозу.

Аргументы в пользу того, что сейчас зарождается некая универсальная цивилизация, основываются, как минимум, на одной из следующих трех предпосылок. Во-первых, есть допу-

щение, рассмотренное в главе 1, что падение советского коммунизма означает конец исторической борьбы и всеобщую победу либеральной демократии во всем мире. Этот довод страдает от ошибки выбора, которая имеет корни в убеждении времен холодной войны, что единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия и что смерть первого приводит к универсальности второй. Однако очевидно, что существуют многочисленные формы авторитаризма, национализма, корпоративизма или рыночного коммунизма (как в Китае), которые благополучно живут в современном мире. И, что более важно, есть все религиозные альтернативы, которые лежат вне мира светских идеологий. Религия в сегодняшнем мире – одна из центральных, пожалуй, самая главная сила, которая мотивирует и мобилизует людей. Наивной глупостью является мысль о том, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, победу, в результате которой мусульмане, китайцы, индийцы и другие народы ринутся в объятия западного либерализма как единственной альтернативы. Деление человечества времен холодной войны позади. Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов.

Второе предположение основано на том, что усиливающееся взаимодействие между народами – торговля, инвестиции, туризм, СМИ, электронные средства связи вообще – порождает общую мировую культуру. Улучшения в транспорте и коммуникационных технологиях и в самом деле облегчают перемещение денег, товаров, людей, знаний, идей и представлений о жизни по всему миру. В том, что информационный поток между народами увеличивается, сомнений нет. Однако существует немало сомнений насчет влияния этого растущего потока. Увеличивает или снижает торговля вероятность конфликта? Предположение о том, что она снижает вероятность войны между нациями, по меньшей мере, не доказано, а вот свидетельств противоположного существует множество. Международная торговля значительно возросла в шестидесятые – семидесятые годы двадцатого века, а в следующее десятилетие завершилась холодная война. В 1913 году, однако, международная торговля была на рекордной высоте, а следующие пять лет народы уничтожали друг друга в беспрецедентных количествах [21]. Если уж международная торговля на том уровне не могла предотвратить войны, то когда же она сможет это сделать? Факты не подтверждают либеральное, интернационалистическое допущение о том, что коммерция несет с собой мир. Аналитические работы, опубликованные в 1990-е годы, в еще большей степени ставят под сомнение это предположение: одно исследование приходит к выводу, что «возрастающий уровень торговли может быть силой, сеющей серьезные распри... в международной политике» и что «расширение торговли в международной системе само по себе вряд ли снимет международное напряжение или принесет с собой большую международную стабильность» [22]. В другом труде говорится, что высокий уровень международной взаимозависимости «может вызывать как мир, так и войну, в зависимости от ожидаемых от будущей торговли результатов». Экономическая взаимная зависимость благоприятствует миру только «когда государства ожидают, что высокий уровень торговли сохранится и в обозримом будущем. Если страны не ожидают, что уровень взаимозависимости и дальше будет оставаться высоким, это вполне вероятно может привести к войне» [23].

Неспособность торговли и коммуникаций породить мир и чувство единства созвучно с результатами последних изысканий в социологии. В социальной психологии есть теория отличительности, которая утверждает, что люди определяют себя при помощи того, что отличает их от других в данных обстоятельствах: «...каждый осознает себя в терминах тех характеристик, которые отличают его от других людей, особенно от людей его обычной социальной среды... женщина-психолог в компании из дюжины женщин других профессий будет думать о себе как о психологе; оказавшись рядом с дюжиной мужчин-психологов, она будет ощущать себя женщиной» [24]. Люди определяют свою идентичность при помощи того, чем они не являются. В то время как возросшие общение, торговля и путешествия mnoжат взаимо-

действия между цивилизациями, люди все чаще придают наибольшую важность своей цивилизационной идентичности. Два европейца – один немец и один француз, – взаимодействуя друг с другом, будут идентифицировать себя как немца и француза. Два европейца – один немец и один француз, – взаимодействуя с двумя арабами, одним жителем Саудовской Аравии и одним египтянином, будут идентифицировать себя как европейцев и арабов. Иммиграция выходцев из Северной Африки во Францию встретила враждебное отношение французов и в то же время укрепила доброжелательность к европейцам и католикам – полякам. Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Аналогичную мысль высказал Дональд Горовиц: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри, либо же ибо-ониша. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке – африканцем» [25]. Созданная в рамках социологии теория глобализации приходит к такому же выводу: «Во все больше глобализующемся мире, который характеризуется не знающей аналогий в истории степенью цивилизационной, общественной и другими видами взаимозависимости, а также широко распространенным осознанием этого, имеет место *обострение* цивилизационного, общественного и этнического самосознания». Глобальное религиозное возрождение, «возвращение к святыням», является ответом на тенденцию восприятия мира как «единого целого» [26].

Запад и модернизация

Третий и наиболее распространенный аргумент в пользу возникновения универсальной цивилизации рассматривает ее как результат широких процессов модернизации, которая идет с восемнадцатого века. Модернизация включает в себя индустриализацию, урбанизацию, растущий уровень грамотности, образованности, благосостояния и социальной заботы, а также более сложные и многосторонние профессиональные структуры. Это – продукт потрясающей экспансии научных и инженерных знаний, которая началась в восемнадцатом веке и позволила людям управлять средой и формировать свою среду в небывалых масштабах. Модернизация – революционный процесс, который можно сравнить только с переходом от примитивного к цивилизованному обществу, то есть с возникновением и ростом цивилизованности, которое началось в долинах Тигра и Евфрата, Нила и Инда около 5000 лет до нашей эры [27]. Положение, ценности, знание и культура людей в современном обществе значительно отличаются от того, что имело место в традиционном обществе. Как первая подвергшаяся модернизации цивилизация, Запад занимает ведущую роль в обретении культуры современности. Вместе с тем, когда и другие цивилизации приобретут схожие модели образования, работы, благосостояния и классовой структуры, гласит данный аргумент, современная культура Запада станет универсальной культурой мира. Очевидно, что мир, в котором одни общества ультрасовременны, а другие – по-прежнему традиционны, будет менее однороден, чем мир, в котором все общества достаточно современны. Но как насчет мира, где все общества были традиционными? Такой мир существовал несколько сот лет назад. Был ли он менее однороден, чем возможный мир универсальной модернизации? Вероятно, нет. «Китай династии Мин... был несомненно ближе к Франции времен Валуа, – писал Бродель, – чем Китай Мао Цзэдуна к Франции времен Пятой республики» [28].

И все же современные общества могут быть более схожими, чем традиционные, по двум причинам. Во-первых, возросшее взаимодействие между современными обществами может не порождать общую культуру, но оно облегчает передачу технологий, изобретений и структур из одного общества в другое со скоростью и в степени, которые были невозможны в традиционном мире. Во-вторых, традиционное общество было основано на сельском хозяйстве; современное общество базируется на промышленности, которая может эволюционировать от ремесел

до классической тяжелой промышленности и затем до наукоемких технологий и производств. Модели сельского хозяйства и связанной с ним социальной структуры намного больше зависят от естественной окружающей среды, чем индустриальные модели. Они формируются в зависимости от почвы и климата и могут, таким образом, породить различные формы владения землей, социальной структуры и правления. Каковы бы ни были общие заслуги выводов Виттфогеля о гидравлической цивилизации, сельское хозяйство, которое зависит от сооружения и эксплуатации массивных ирригационных систем, приводит к возникновению централизованной бюрократической власти. Вряд ли может быть иначе. Плодородная почва и хороший климат, скорее всего, будут стимулом развития сельского хозяйства, основанного на крупных плантациях, и, как логическое следствие, сложится немногочисленный класс зажиточных землевладельцев и крупный класс крестьян, рабов или крепостных, которые работают на плантациях. Неблагоприятные для крупномасштабного сельского хозяйства условия могут стимулировать зарождение общества независимых фермеров. Короче говоря, в сельскохозяйственных обществах социальная структура обусловлена географией. Промышленность, в отличие от этого, намного меньше зависит от местных природных условий. Различия в организации промышленности будут вытекать, скорее, из различий в культуре и социальной структуре, а не в географии, причем различия в первой, вероятно, могут сгладиться, а во второй – нет.

Таким образом, у современных обществ есть много общего. Но обязательно ли они должны слиться и стать однородными? Аргумент в пользу этого основывается на том предположении, что современное общество должно соответствовать единому типу – западному, что современная цивилизация – это западная цивилизация и что западная цивилизация есть современная цивилизация. Это тем не менее совершенно ошибочная идентификация. Западная цивилизация зародилась в восьмом – девятом веках и приобрела отличительные черты в последующие столетия. Запад был Западом задолго до того, как он стал современным. Центральные характеристики Запада, которые отличают его от других цивилизаций, возникли раньше его модернизации.

Каковы же были эти отличительные черты западного общества, которыми оно обладало в течение сотен лет до его модернизации? Ответы на этот вопрос, которые предоставили нам различные исследователи, расходятся в деталях, но сходятся в определении ключевых институтов, обычаев и убеждений, которые можно по праву назвать стержневыми для западной цивилизации. Их список приводится ниже [29].

Античное (классическое) наследие

Запад как цивилизация третьего поколения многое унаследовал от предыдущих цивилизаций. Особенно это касается античной цивилизации. Запад унаследовал от античной цивилизации многое, включая греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство. Исламская и православная цивилизации также получили наследство от античной цивилизации, но в значительно меньшей мере, чем Запад.

Католицизм и протестантство

Западное христианство, сначала католицизм, а затем католицизм и протестантство, – это, несомненно, самая важная историческая особенность западной цивилизации. В течение большей части первого тысячелетия то, что сейчас известно как западная цивилизация, называлось западным христианством. Среди народов западного христианства существовало хорошо развитое чувство единства; люди осознавали свои отличия от турок, мавров, византийцев и других народов, и жители Запада шли завоевывать мир в шестнадцатом веке не только во имя золота, но и во имя Бога. Реформация и Контрреформация, а также разделение западного христианства на протестантство на севере и католицизм на юге также оказали влияние на запад-

ную историю, которая абсолютно отличается от восточного православия и весьма далека от латиноамериканского опыта.

Европейские языки

Язык как фактор определения людей одной культуры уступает только религии. Запад отличается от большинства остальных цивилизаций своим многообразием языков. Японский, мандаринский, русский и даже арабский признаны стержневыми языками своих цивилизаций. Запад унаследовал латынь, но появилось множество народов, а с ними и национальных языков, которые объединены в широкие категории романских и германских. К шестнадцатому веку эти языки, как правило, уже приобрели свою современную форму.

Разделение духовной и светской власти

В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства. Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти – таков был преобладающий дуализм в западной культуре. Только в индусской цивилизации было столь же четкое деление на религию и политику. В исламе бог – это кесарь; в Китае и Японии кесарь – это бог, в православии кесарь – младший партнер бога. Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе.

Господство закона

Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (шестнадцатый – семнадцатый века) торжество права наблюдалось скорее в *нарушении* закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege*⁸. Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение.

Социальный плюрализм

Исторически западное общество было в высшей степени плюралистичным. Как пишет Дойч, Запад отличается тем, что там «возникли и продолжают существовать разнообразные автономные группы, не основанные на кровном родстве или узах брака» [30]. Начиная с седьмого – восьмого веков эти группы сначала включали в себя монастыри, монашеские ордена и гильдии, затем они расширились и к ним во многих регионах Европы присоединились множество союзов и сообществ [31]. Помимо этого союзного плюрализма, существовал плюрализм классовый. В большинстве европейских обществ были относительно сильная и автономная аристократия, крепкое крестьянство и небольшой, но значимый класс купцов и торговцев. Сила феодальной аристократии была особенно значима в сдерживании тех пределов, в которых смог прочно укорениться среди европейских народов абсолютизм. Этот европейский плю-

⁸ Не под человеком, но под Господом и законом (лат.). – Примеч. перев.

рализм резко контрастирует с бедностью гражданского общества, слабостью аристократии и силой централизованных бюрократизированных империй, которые одновременно существовали в России, Китае и на Османских землях, а также в других не-западных обществах.

Представительные органы

Социальный плюрализм рано дал начало сословиям, парламентам и другим институтам, призванным выражать интересы аристократов, духовенства, купцов и других групп. Эти органы обеспечили формы представительства, которые во время модернизации развились в институты современной демократии. В некоторых случаях во времена абсолютизма эти органы были запрещены или их власть существенно ограничились. Однако даже когда это происходило, они могли, как во Франции, возрождаться вновь, чтобы стать средством для возросшего политического участия народа. Ни одна другая современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов. На местном уровне начиная с девятого века также стали возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем они распространились на север, «заставляя епископов, местных баронов и других представителей знати делиться властью с гражданами и в конце концов уступать им» [32]. Таким образом, представительство на национальном уровне дополнялось значительной автономией на местном, чего не было в других регионах мира.

Индивидуализм

Многие из перечисленных выше отличительных черт западной цивилизации способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции индивидуальных прав и свобод, не имеющих равных среди цивилизованных обществ. Индивидуализм развивался в четырнадцатом – пятнадцатом веках, а принятие права на индивидуальный выбор – то, что Дойч назвал «революцией Ромео и Джульетты», – доминировало на Западе уже к семнадцатому веку. Даже призывы к *равным* правам для всех индивидуумов – «у самого последнего бедняка в Англии такая же жизнь, как у первого богача» – были слышны повсюду, если не повсеместно приняты. Индивидуализм остается отличительной чертой Запада среди цивилизаций двадцатого века. В одном анализе, который сравнивал одинаковые показатели в пятидесяти странах, двадцать государств с наибольшим показателем индивидуализма включали все западные страны, кроме Португалии и Израиля [33]. Автор другого межкультурного исследования индивидуализма и коллективизма также подчеркнул преобладание индивидуализма на Западе и превалирование коллективизма во всех других культурах и пришел к выводу, что «ценности, которые наиболее важны на Западе, менее важны во всем мире». Снова и снова жители Запада и не-Запада указывают на индивидуализм как на центральную отличительную черту Запада [34].

Приведенный выше список не ставит своей целью полное перечисление отличительных характеристик западной цивилизации. Не означает он также, что эти характеристики всегда и повсеместно присутствовали в западном обществе. Очевидно, что они порой отсутствовали: многие деспоты в западной истории регулярно игнорировали господство закона и распускали представительные органы. Не утверждается и того, что ни одна из этих характерных черт не проявлялась в других цивилизациях. Очевидно, они имеют место: Коран и *шариат* составляют основополагающий закон для исламских государств; в Японии и Индии существуют классовые системы, весьма схожие с сословиями Запада (возможно, в результате этого только эти две основные незападные цивилизации могут выдержать демократическое правительство в течение любого времени). По отдельности ни один из этих факторов не был уникален для Запада. Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности. Эти концепции, принятые практики и общественные институты просто были более широко рас-

пространены на Западе, чем в других цивилизациях. Они – то, что сделало Запад Западом, причем уже давно. И они же во многом стали факторами, которые позволили Западу занять ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира.

Ответы на влияние запада и модернизацию

Экспансия Запада повлекла за собой модернизацию и вестернизацию не-западных обществ. Ответную реакцию политических и интеллектуальных лидеров этих обществ на влияние Запада можно отнести к одному из трех вариантов: отторжение как модернизации, так и вестернизации; принятие и того и другого с распростертыми объятиями; принятие первого и отторжение второго [35].

Отторжение

Япония следовала ярко выраженному отторженческому курсу начиная с первых контактов с Западом в 1542 году и вплоть до середины XIX века. В этой стране были разрешены лишь ограниченные формы модернизации, такие как приобретение огнестрельного оружия, а импорт западной культуры – наиболее заметно это в отношении христианства – находился под строгим запретом. Отсюда в середине семнадцатого века были полностью изгнаны иностранцы. Конец позиции отторжения был положен с насильственным открытием Японии командором Перри в 1854 году и драматическими попытками перенять уроки у Запада после реставрации Мейдзи в 1868 году. На протяжении нескольких веков Китай также пытался отгородиться от любой значительной модернизации или вестернизации. Хотя христианские миссионеры были допущены в страну в 1601 году, они были полностью изгнаны из нее в 1722 году. В отличие от Японии, в Китае политика отторжения обуславливалась тем, что эта страна воспринимала себя как Срединное царство и твердо была уверена в превосходстве китайской культуры над культурами всех других народов. Китайской изоляции, как и японской, конец положило западное оружие, поставленное в Китай британцами во время опиумных войн 1839–1842 годов. Все эти случаи говорят о том, что в девятнадцатом столетии западное могущество чрезвычайно затруднило и сделало практически невозможным сохранение стратегии изоляции и исключительности для не-западных обществ.

В двадцатом веке усовершенствования в транспорте и коммуникациях, а также глобальная взаимозависимость сделали цену изоляции крайне высокой. За исключением небольших изолированных сельских обществ, желающих существовать на грани выживания, крайне маловероятными стали отторжение модернизации и вестернизации в мире, который стремительно становится современным и высоко взаимосвязанным. «Лишь самые экстремальные фундаменталисты, – пишет Дэниэл Пайпс об исламе, – отвергают модернизацию и вестернизацию. Они выбрасывают телевизоры в реки, запрещают наручные часы, отказываются от двигателя внутреннего сгорания. Однако непрактичность программ таких групп накладывает жесткие ограничения на их привлекательность; и в некоторых случаях – например, с убийцами Садата, террористами, напавшими на мечеть в Мекке, или с малазийскими группами *даква* – поражение в яростных стычках с властями заставило их исчезнуть практически бесследно» [37]. Практически бесследное исчезновение – такова общая судьба всех поборников чисто отторженческой политики к концу двадцатого века. Фанатизм, пользуясь терминологией Тойнби, это нежизнеспособный выбор.

Кемализм

Вторая вероятная реакция на влияние Запада – это «геродианизм» Тойнби, то есть встреча с распростертыми объятиями как модернизации, так и вестернизации. Такой ответ

основан на предположении о том, что модернизация является желанной и необходимой, и местная культура несовместима с модернизацией, поэтому она должна быть забыта или запрещена, и что обществу, для того чтобы модернизироваться, нужно полностью вестернизироваться. Модернизация и вестернизация взаимно поддерживают друг друга и должны идти бок о бок. Этот подход был воплощен в призывах некоторых представителей японской и китайской интеллигенции конца девятнадцатого века о том, что во имя модернизации надо забыть свои исторические языки и принять английский в качестве национального языка. Неудивительно, что эта точка зрения среди жителей Запада была даже более популярна, чем среди не-западных элит. Основная идея состоит в следующем: «Чтобы добиться успеха, вы должны быть как мы; наш путь – единственный путь». И приводится довод, что «религиозные ценности, этические нормы и социальные структуры этих [не-западных] обществ в лучшем случае чужды, а иногда враждебны по отношению к принципам и практике индустриального развития». Таким образом, экономическое развитие «потребует радикальной и деструктивной переделки жизни и общества и зачастую нового толкования сути самого бытия теми людьми, которые живут в этих цивилизациях» [37]. Пайпс говорит о том же применительно к исламу:

Для того чтобы избежать аномии, у мусульман остается единственный выбор, потому что модернизация требует вестернизации... Ислам не предлагает никакого альтернативного пути модернизации. Секуляризации не избежать. Современная наука и технология требуют впитывания сопровождающих их мыслительных процессов; то же самое касается и политических институтов. Ибо содержание нужно копировать не меньше, чем форму. Чтобы перенять уроки западной цивилизации, необходимо признать ее превосходство. Европейских языков и западных образовательных институтов нельзя избежать, даже если последние поощряют свободомыслие и вольный образ жизни. Только когда мусульмане окончательно примут западную модель во всех деталях, они смогут провести индустриализацию и затем развиваться [38].

За шестьдесят лет до того, как были написаны эти слова, Мустафа Кемаль Ататюрк пришел к аналогичным выводам и создал новую Турцию на руинах Османской империи и предпринял энергичные усилия как по модернизации, так и по вестернизации страны. Последовав этим курсом и отказавшись от исламского прошлого, Ататюрк сделал Турцию «оторванной страной» – обществом, которое было мусульманским по своей религии, наследию, обычаям и институтам, но которым правила элита, намеренная сделать его современным, западным и объединить его с Западом. В конце двадцатого века несколько стран следуют кемалистскому выбору и стараются заменить западную идентичность не-западной. Эти усилия анализируются в главе 6.

Реформизм

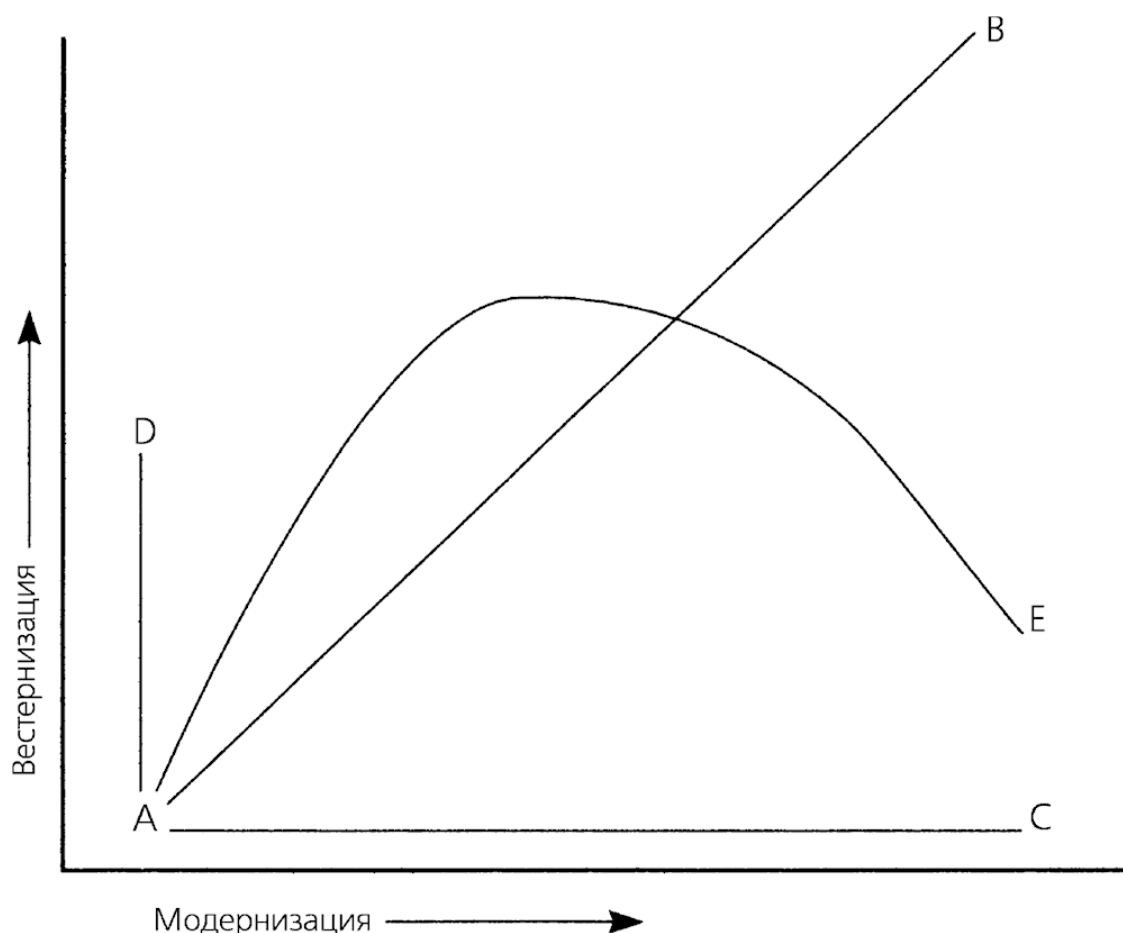
Отторжение связано с безнадежной задачей изолировать общество от охватывающего его современного мира. Кемализм связан с трудной и болезненной задачей уничтожения культуры, которая просуществовала на протяжении веков, и установления на ее месте совершенно новой культуры, импортированной из другой цивилизации. Третий выбор – попытка скомбинировать модернизацию с сохранением центральных ценностей, практик и институтов родной культуры общества. Этот выбор, по понятным причинам, был самым популярным среди не-западных элит. В Китае в последние годы правления династии Цинь девизом стал *Ti-Yong* – «китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость для практического использования». В Японии таким девизом стал *Wakon Yosei* – «японский дух» и западная техника». В Египте в 1830-х Мухаммед Али предпринял попытку «технической модернизации без чрезмерной культурной вестернизации». Однако эти попытки провалились, когда бри-

танцы вынудили его отказаться от большей части его реформ по модернизации. В результате, как пишет Али Мазруи, «Египту не суждено было разделить судьбу Японии – технической модернизации *без* культурной вестернизации, и не удалось повторить опыт Ататюрка – технической модернизации *через* культурную вестернизацию» [39]. Однако в конце девятнадцатого столетия Джамаль аль-Дин аль-Афгани, Мухаммед Абду и другие реформаторы снова попытались примирить ислам и современность, провозглашая «совместимость ислама с современной наукой и лучшими западными мыслями», а также давая «исламское логическое обоснование для принятия современных идей и институтов, будь то научных, технологических или политических (конституционность и парламентское правление)» [40]. Это был широкомасштабный реформизм, близкий к кемализму, который принимал не только современность, но и некоторые западные институты. Реформизм такого типа был преобладающей реакцией на влияние Запада со стороны мусульманских элит на протяжении сорока лет – с 1870-х до 1920-х, когда ему бросили вызов сначала кемализм, а затем более чистый реформизм в виде фундаментализма.

Отторжение, кемализм и реформизм основаны на различных предпосылках того, что возможно и что желательно. При отторжении и модернизация и вестернизация нежелательны, поэтому возможно отторгнуть их. Для кемализма и модернизация и вестернизация желательны, последняя – по той причине, что без нее нельзя достичь первой, следовательно, и то и другое возможно принять. Для реформизма модернизация желательна и возможна без значительной вестернизации, которая нежелательна. Таким образом, существует конфликт между отторжением и кемализмом по вопросу желательности модернизации и вестернизации и между кемализмом и реформизмом по поводу того, может ли модернизация проходить без вестернизации.

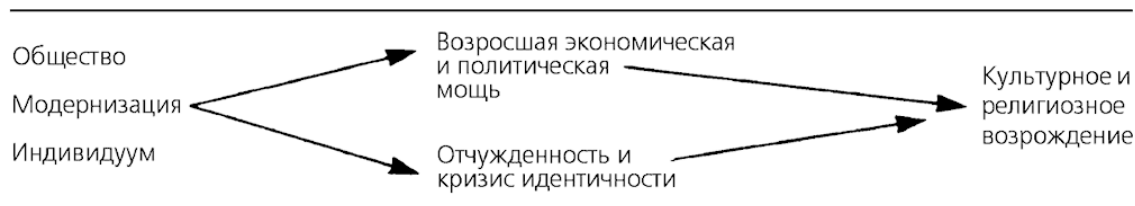
Рис. 3.1

Альтернативные ответы на влияние запада

На рис. 3.1 показана диаграмма, которая рисует все эти три курса. Отторжение останется в точке А; кемализм будет продвигаться по диагонали к точке В; реформатор будет двигаться горизонтально к точке С. Однако по какому пути на самом деле двигались эти общества? Конечно же, каждое не-западное общество следует своим собственным курсом, который может значительно отличаться от этих трех путей-прототипов. Мазруи даже утверждает, что Египет и Африка двигались к точке D сквозь «болезненный процесс культурной вестернизации без технической модернизации». В тех пределах, в которых любая обобщенная модель модернизации и вестернизации существует в качестве ответной реакции не-западных обществ на влияние Запада, она будет находиться в рамках кривой А – Е. Изначально модернизация и вестернизация тесно связаны, и не-западные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации. Однако с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур. Дальнейшая модернизация, таким образом, изменяет цивилизационный баланс власти между Западом и не-западным обществом и усиливает приверженность местной культуре. Таким образом, во время ранних этапов изменений вестернизация поддерживает модернизацию. На более поздних этапах модернизация стимулирует возрождение местной культуры. Это происходит на двух уровнях. На социальном уровне модернизация усиливает экономическую, военную и политическую мощь общества в целом и заставляет людей этого общества поверить в свою культуру и утвердиться в культурном плане. На индивидуальном уровне модернизация порождает ощущение отчужденности и распада, потому что разрываются традиционные связи и социальные отношения, что ведет к кризису идентичности, а решение этих проблем дает религия. Этот процесс упрощенно показан на рис. 3.2.

Рис. 3.2

Эта гипотетическая общая модель соответствует как социологической теории, так и историческому опыту. Подробно изучив имеющиеся факты в области «гипотезы инвариантности», Райнер Баум пришел к выводу, что «вечные человеческие размышления над мерой признания авторитетов и осознание личной независимости происходят исключительно по культурным сценариям. В этих вопросах нет тенденции к межкультурной гомогенизации мира. Напротив, создается впечатление, что есть некая инвариантность в этих моделях, которые развились в четкие формы во время исторического и раннего современного этапа развития» [41]. Теория заимствования, разработанная такими учеными, как Фробениус, Шпенглер и Боземен, помимо прочего, делает акцент на том, насколько избирательно цивилизация-реципиент совершает заимствования из других цивилизаций и адаптирует, трансформирует и ассимилирует их, чтобы усилить и обеспечить выживание базовых ценностей, или «*praideuma*», своей культуры [42]. Почти все не-западные цивилизации мира существовали не менее одного тысячелетия, а в некоторых случаях – и несколько тысяч лет. Они показали примеры заимствований из других цивилизаций для укрепления своей собственной. Исследователи сходятся во мнении, что заимствование Китаем буддизма из Индии не привело в «индианизации» Китая. Китайцы адаптировали буддизм под китайские цели и задачи. Китайская культура осталась китайской. Китайцам сейчас приходится сталкиваться с пока безуспешными, но все более настойчивыми попытками Запада обратить их в христианство. Если в какой-то момент они все-таки импортируют христианство, то следует ожидать, что оно будет адаптировано и переделано так, чтобы сочетаться с центральными элементами китайской культуры. Точно так же арабы мусульмане получили, оценили и использовали свое «эллинистическое наследие для чисто утилитарных целей. Будучи в основном заинтересованными в заимствовании определенных внешних форм или технических аспектов, они знали, как пренебречь всеми элементами в греческих мыслях, которые вступали в конфликт с установленными Кораном фундаментальными нормами и принципами» [43]. Япония выбрала ту же модель. В седьмом веке Япония импортировала китайскую культуру и провела «преобразования по своей собственной инициативе, без экономического или военного давления» на благо своей цивилизации. «В течение следующих столетий периоды относительной изоляции от континентального влияния, в течение которых предыдущие заимствования сортировались, а наиболее полезные из них принимались, сменялись периодами новых контактов и культурных заимствований [44]. Во всех этих фазах японская культура сохраняла свой самобытный характер.

Принятое в умеренной форме кемализма утверждение о том, что не-западные страны *могут быть* модернизированы посредством вестернизации, остается недоказанным. Крайне резкое заявление кемалистов о том, что не-западные общества *должны* быть вестернизированы для модернизации, не является общепринятым. Однако оно поднимает следующий вопрос: существуют ли не-западные общества, где препятствия, которые представляет для модернизации местная культура, серьезны настолько, что эту культуру необходимо решительно заменить западной культурой, если вы хотите провести в этой стране модернизацию? Согласно теории, это будет реально скорее для завершенных, консумматорных систем, чем для вспомогательных, инструментальных культур. Инструментальные культуры «характеризуются преобладанием промежуточных связей, отделенных и независимых от жестких привязок». Эти

системы «легко претворяют в жизнь перемены, укрываясь одеялом традиций перед тем как измениться... Такие системы могут обновляться, не меняя при этом фундаментально социальных институтов. Изменения скорее служат поддержке порядков, существующих с незапамятных времен». Консумматорные системы, напротив, «характеризуются тесными отношениями между структурообразующими сущностями – общество, государство, и власть и тому подобные институты являются составляющими досконально проработанной, крайне сплоченной системы, в которой роль религии как проводника к познанию является непрекращаемой. Такие системы враждебны к изменениям» [45]. Эптер использует эти категории для анализа перемен в африканских племенах. Айзенштадт провел подобный анализ великих азиатских цивилизаций и пришел к схожему выводу. Внутренняя трансформация «значительно облегчается автономией социальных, культурных и политических институтов» [46]. По этой причине более инструментальные японское и индуистские общества раньше и с меньшими усилиями провели модернизацию, чем конфуцианские и исламские. Они оказались лучше готовы к тому, чтобы импортировать современные технологии и использовать их для существующих культур. Означает ли это, что китайские и исламские общества должны либо воздержаться от модернизации и вестернизации, либо принять их? Выбор не кажется ограниченным. Помимо Японии, еще и Сингапур, Тайвань, Саудовская Аравия и, в меньшей мере, Иран стали современными государствами, не став западными. И в самом деле, попытки шаха избрать кемалистский курс и сделать и то и другое породили яростные антизападные настроения, но не вызвали протеста против модернизации. Китай также вступил на путь реформ.

Исламские общества сталкиваются при модернизации с трудностями, и Пайпс поддерживает свое заявление о том, что вестернизация является предпосылкой, указывая на конфликты между исламом и современностью в экономических вопросах, таких как права на собственность, соблюдение постов, наследственное право, а также женский труд. Но даже Пайпс одобряет цитирует слова Максима Родинсона о том, что «нет ничего доказывающего с абсолютной точностью, что мусульманская религия не дает мусульманскому миру развиваться по пути современного капитализма», и утверждает, что по большинству вопросов, кроме экономических, «ислам и модернизация не сталкиваются». Правоверные мусульмане могут развивать науку, эффективно работать на фабриках или использовать сложные виды вооружений. Модернизация не требует какой-либо одной политической идеологии или ряда институтов: выборы, национальные границы, гражданские организации и другие атрибуты западной жизни не являются необходимыми для экономического роста. Ислам как вероучение одинаково хорошо подходит и консультантам по менеджменту, и крестьянам. Шариат ничего не говорит об изменениях, сопровождающих модернизацию, таких как переход от сельскохозяйственного уклада к индустриальному, от села к городу, от социальной стабильности к социальному изменению; не вмешивается он и в такие области, как всеобщее образование, резкое развитие коммуникаций, новые формы транспорта или здравоохранение» [47].

Точно так же даже ярые поборники антивестернизма и возрождения местных культур не колеблясь используют современную технику – электронную почту, кассеты и телевидение, – чтобы распространять свои идеи.

Короче говоря, модернизация не обязательно означает вестернизацию. Не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт. При этом какие бы преграды на пути модернизации ни ставили не-западные общества, они бледнеют на фоне тех преград, которые воздвигаются перед вестернизацией. Как выразился Бродель, было бы «по-детски наивно» думать, что модернизация или «триумф цивилизации может привести к окончанию множественности исторических культур, воплотившихся за столетия в величайшие мировые цивилизации» [48]. Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает

относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным.

Часть 2

Смещающийся баланс цивилизаций

Глава 4

Упадок запада: могущество, культура и индигенизация

Мощь запада: господство и закат

Существуют две картины, которые описывают соотношение власти Запада и других цивилизаций. Первая – это подавляющее, триумфальное, практически абсолютное могущество Запада. С распадом Советского Союза исчез единственный серьезный конкурент Запада, и в результате этого облик мира определяется целями, приоритетами и интересами главных европейских наций, пожалуй, при эпизодическом участии Японии. Соединенные Штаты как единственная оставшаяся сверхдержава вместе с Британией и Францией принимают важнейшие решения по вопросам политики и безопасности; Соединенные Штаты совместно с Германией и Японией принимают важнейшие решения по экономическим вопросам. Запад – единственная цивилизация, которая имеет значительные интересы во всех других цивилизациях или регионах, а также имеет возможность влиять на политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций или регионов. Обществам из других цивилизаций обычно требуется помощь Запада для достижения своих целей или защиты своих интересов. Как резюмирует один автор, западные нации:

- владеют и управляют международной банковской системой;
- контролируют все твердые валюты; являются основными мировыми потребителями;
- поставляют большую часть готовых изделий; доминируют на международных рынках ценных бумаг; играют роль морального лидера для многих обществ;
- способны на крупную военную интервенцию; контролируют морские линии;
- занимаются наиболее современными техническими исследованиями и разработками;
- контролируют передовое техническое образование;
- доминируют в аэрокосмической индустрии; доминируют в области международных коммуникаций;
- доминируют в производстве высокотехнологичных вооружений [1].

Вторая картина Запада совершенно иная. Она рисует цивилизацию в упадке, чья доля мирового политического, экономического и военного могущества снижается по сравнению с другими цивилизациями. Победа Запада в холодной войне привела не к триумфу, а к истощению. Запад все больше поглощают его внутренние проблемы и нужды, и он сталкивается с замедлением экономического роста, спадом роста населения, безработицей, огромными бюджетными дефицитами, снижением рабочей этики, низкими процентами сбережений и во многих странах, включая США, – социальной дезинтеграцией, наркоманией и преступностью. Экономическое могущество стремительно перемещается в Восточную Азию, а за ними начинают следовать военная мощь и политическая власть. Индия находится на пороге экономического взлета, а исламский мир все враждебнее относится к Западу. Готовность других обществ принимать диктат Запада или повиноваться его поучениям быстро испаряется, как и самоуверенность Запада и его воля к господству. В конце восьмидесятих годов было много споров о спра-

ведливости тезиса об упадке применительно к Соединенным Штатам. К середине 1990-х в результате довольно взвешенного анализа был сделан соответствующий вывод:

...во многих важных аспектах их [Соединенных Штатов] могущество будет убывать все быстрее. С учетом базового экономического потенциала положение Соединенных Штатов по сравнению с Японией, а вскоре и с Китаем, будет продолжать ухудшаться. В военном плане баланс реальных потенциалов между Соединенными Штатами и рядом растущих региональных держав (включая, возможно, Иран, Индию и Китай) будет смещаться от центра к периферии. Некоторая часть структурного могущества Америки переместится к другим народам; другая (и часть ее «мягкой власти») окажется в руках негосударственных игроков вроде многонациональных корпораций [2].

Какая из этих двух противоположных картин, рисующих место Запада в мире, описывают реальность? Ответ, конечно же, следующий: они обе. Сейчас господство Запада неоспоримо, и он останется номером один в плане могущества и влияния также и в двадцать первом веке. Однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться. Когда превосходство Запада исчезнет, большая часть его могущества просто-напросто испарится, а остаток будет рассеян по региональному признаку между несколькими основными цивилизациями и их стержневыми государствами. Наиболее значительное усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций (и так будет продолжаться и далее), и Китай постепенно прорисовывается как общество, которое скорее всего бросит вызов Западу в борьбе за глобальное господство. Эти сдвиги в соотношении власти между цивилизациями ведут и будут вести к возрождению и росту культурной уверенности в себе не-западных обществ, а также к возрастающему отторжению западной культуры.

Упадок Запада характеризуется тремя основными аспектами.

Во-первых, это медленный процесс. Для подъема западного могущества понадобилось четыреста лет. Спад может занять столько же. В 1980-м выдающийся британский исследователь Хедли Булл утверждал, что «европейское или западное господство в универсальной международной системе, можно сказать, достигло своего апогея около 1900 года». Первая книга Шпенглера появилась в 1918 году, и «закат Запада» был центральной темой в течение всей истории двадцатого века. Сам этот процесс растянулся на все столетие. Тем не менее он может ускориться. Экономический рост и увеличение других возможностей страны часто происходит по S-образной кривой: медленный старт, затем резкое ускорение, за которым следуют снижение темпов экспансии и выравнивание. Упадок некоторых стран тоже может идти по кривой, напоминающей перевернутую букву S, как это произошло в случае с Советским Союзом: сначала процесс умеренный, но он быстро ускоряется перед самым дном. Упадок Запада все еще находится на первой, медленной фазе, но в какой-то момент он может резко прибавить скорости.

Во-вторых, упадок не идет по прямой. Он крайне неравномерен, с паузами, откатами назад и повторными утверждениями западного могущества, за которыми следуют проявления слабости Запада. Открытые демократические общества Запада скрывают в себе огромные возможности для восстановления. Кроме того, в отличие от многих цивилизаций Запад имеет два центра власти. Начавшийся в 1900 году закат, который видел Булл, был по существу закатом европейской составляющей западной цивилизации. С 1910 по 1945 год Европа была разделена на противостоящие стороны, поглощена внутренними экономическими, социальными и политическими проблемами. Однако в 1940 году началась американская фаза западного господства, и в 1945 году Соединенные Штаты в течение короткого времени доминировали в мире в степени, почти сравнимой с объединенными силами союзников в 1918 году. Послевоенная деколониза-

ция еще больше сократила влияние Европы, но не Соединенных Штатов, в результате чего на смену традиционной территориальной империи пришел новый транснациональный империализм. Во время холодной войны, однако, советская военная мощь равнялась американской, а американское экономическое могущество уступило некоторые свои позиции японской. И все же на Западе предпринимались периодические попытки военного и экономического обновления. И в самом деле, в 1991 году еще один выдающийся британский ученый, Барри Бьюзен, заметил, что «истинные реалии таковы, что сейчас господство центра и подчинение периферии сильнее, чем в любой другой период с момента начала деколонизации» [4]. Правильность этого суждения, однако, меркнет, как меркнет в истории породившая его военная победа.

В-третьих, власть – это способность одного человека и группы изменить поведение другого человека или группы. Поведение можно изменить стимулом, принуждением или убеждением, что требует от обладателя власти экономических, военных, институциональных, демографических, политических, технологических, социальных и иных ресурсов. Таким образом, власть страны или группы обычно оценивается при помощи сравнения имеющихся у нее в наличии ресурсов с теми ресурсами, которыми обладают другие государства или группы, на которые она пытается оказать влияние. Объем всех необходимых для поддержания могущества ресурсов, которыми обладал Запад, достиг своего пика в самом начале двадцатого века, а затем его доля начала снижаться по отношению к доле других цивилизаций.

Территория и населения

В 1490 году западные общества контролировали большую часть европейского полуострова, кроме Балкан, или что-то около 1,5 миллиона квадратных миль из общей поверхности суши (за исключением Антарктики) – 52,2 миллиона квадратных миль. Когда территориальная экспансия Запада достигла своего апогея в 1920 году, он напрямую управлял территорией около 25,5 миллиона квадратных миль – почти половиной земной суши. К 1993 году подконтрольные территории сократились наполовину, до 12,7 миллиона квадратных миль. Запад вернулся к своему изначальному европейскому «ядру», плюс он имеет обширные, освоенные поселенцами земли в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Территория независимых мусульманских государств, напротив, увеличилась с 1,8 миллиона квадратных миль в 1920 году до 11 с лишним миллионов квадратных миль в 1993-м. Схожие изменения произошли и в плане контроля людских ресурсов. В 1900 году жители Запада составляли около 30 % от общего населения мира, а западные правительства управляли почти 45 % населения (в 1920 году эта цифра увеличилась до 48 %). В 1993 году западные правительства правили, за исключением мелких остатков империи типа Гонконга, только жителями Запада. Население Запада составляло чуть больше 13 % человечества, и к началу следующего столетия его доля должна упасть до 11 %, а затем и до 10 % к 2025 году [5]. По общему числу населения Запад занимал в 1993 году четвертое место после синской, исламской и индусской цивилизаций.

Таблица 4.1

Территория, находящаяся под политическим контролем цивилизаций, 1990–1993⁹

⁹ * Общая мировая территория 52,5 миллиона квадратных миль не включает Антарктику.

Год	Запад- ная	Африкан- ская	Синская	Индус- ская	Ислам- ская	Японская	Латино- амери- канская	Право- славная	Другие
Совокупная территория цивилизаций в тысячах квадратных миль									
1900	20290	164	4317	54	3592	161	7721	8733	7468
1920	25447	400	3913	54	1811	261	8098	10258	2258
1971	12806	4636	3936	1316	9183	142	7833	10346	2302
1993	12711	5682	3923	1279	11054	145	7819	7169	2718
Территория в процентах от общемировой*									
1900	38,7	0,3	8,2	0,1	6,8	0,3	14,7	16,6	14,3
1920	48,5	0,8	7,5	0,1	3,5	0,5	15,4	19,5	4,3
1971	24,4	8,8	7,5	2,5	17,5	0,3	14,9	19,7	4,4
1993	24,2	10,8	7,5	2,4	21,1	0,3	14,9	13,7	5,2

Примечание: относительная доля занимаемой территории в процентах основывается на границах, которые превалировали в указанный год.

Источник: *Statesman's Year-Book* (New York: St. Martin's Press, 1901–1927; *World Book Atlas* (Chicago: Field Enterprises Educational Corp., 1970; *Britannica Book of the Year* (Chicago: Encyclopaedia Britannica. Inc., 1992–1994).

Таблица 4.2

Население стран, принадлежащих к крупнейшим мировым цивилизациям, 1993 (в тыс.)

Синская	1340900	Латиноамериканская	507500
Исламская	927600	Африканская	329100
Индуистская	915800	Православная	261300
Западная	805400	Японская	124700

Источник: Рассчитано на основе данных, приведенных в *Encyclopedia Britannica. 1994 Book of the Year* (Chicago: Encyclopedia Britannica, 1994. P. 764–69).

Таблица 4.3

Доля мирового населения в структуре цивилизации (в процентах)¹⁰

¹⁰ * Население планеты приведено в миллиардах. # Цифры не включают членов Содружества Независимых Государств или Боснии. + Цифры включают Содружество Независимых Государств, Грузию и бывшую Югославию.

Год	[Всего в мире]*	Запад- ная	Африкан- ская	Синская	Индуист- ская	Ислам- ская	Япон- ская	Латино- амери- канская	Право- слав- ная	Другие
1900	[1,6]	44,3	0,4	19,3	0,3	4,2	3,5	3,2	8,5	16,3
1920	[1,9]	48,1	0,7	17,3	0,3	2,4	4,1	4,6	13,9	8,6
1971	[3,7]	14,4	5,6	22,8	15,2	13,0	2,8	8,4	10,0	5,5
1990	[5,3]	14,7	8,2	24,3	16,3	13,4	2,3	9,2	6,5	5,1
1995	[5,8]	13,1	9,5	24,0	16,4	15,9 [#]	2,2	9,3	6,1 ⁺	3,5
2010	[7,2]	11,5	11,7	22,3	17,1	17,9 [#]	1,8	10,3	5,4 ⁺	2,0
2025	[8,5]	10,1	14,4	21,0	16,9	19,2 [#]	1,5	9,2	4,9 ⁺	2,8

Примечание: относительная доля мирового населения основывается на границах, которые превалировали в указанный год. Расчеты на 1995–2025 годы основаны на границах 1994 года.

Источники: United Nations, Population Division, Department for Economic and Social Information and Policy Analysis. *World Population Prospects. The 1992 Revision* New York: United Nations, 1993]; *Statesman's Year-Book* (New York: St. Martin's Press, 1901–1927), *World Almanac and Book of Facts* (New York: Press Pub Co., 1970–1993).

Таким образом, в количественном плане жители Запада составляют стабильно сокращающееся меньшинство мирового населения. В качественном отношении баланс между Западом и остальными цивилизациями также меняется. Незападные народы становятся более здоровыми, более урбанизированными, более грамотными и лучше образованными. К началу 1990-х показатели детской смертности в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии уменьшились в два-три раза по сравнению с теми, что были тридцатью годами ранее. Продолжительность жизни в этих регионах также значительно возросла – увеличение колеблется от одиннадцати лет в Африке до двадцати трех в Восточной Азии. В начале 1960-х в большинстве стран третьего мира грамотным было менее одной трети взрослого населения. В начале 1990-х лишь в нескольких странах (не считая Африку) было грамотным менее половины населения. Около 50 % индийцев и 75 % китайцев могли читать и писать. Уровень грамотности в развивающихся странах в 1970 году составлял 41 % от показателя развитых странах; в 1992 году он увеличился до 71 %. К началу 1990-х во всех регионах, за исключением Африки, практически вся возрастная группа была охвачена начальным образованием. И самый значительный факт: в начале 1960-х годов в Азии, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке менее одной трети соответствующей возрастной группы было охвачено средним образованием; к началу 1990-х оно распространялось уже на половину этой возрастной группы (за исключением Африки). В 1960 году городские жители составляли менее одной четверти населения развивающихся стран. Однако за период с 1960 по 1992 год доля горожан выросла с 49 % до 73 % в Латинской Америке, с 34 % до 55 % в арабских странах, с 14 % до 73 % в Африке, с 18 % до 27 % в Китае и с 19 % до 26 % в Индии [6]. В результате роста грамотности, образования и урбанизации возникли социально мобилизованные слои населения с возросшими возможностями и более высокими ожиданиями, которые можно активизировать для политических целей, используя способы, для неграмотных крестьян не подходящие. Социально мобилизованные общества – это более сильные общества. В 1953 году, когда менее 15 % иранцев были грамотными и менее 17 % жили в городах, Кермит Рузвельт и несколько агентов ЦРУ довольно легко подавили восстание и вернули шаху его трон. В 1979 году, когда 50 % иранцев были грамотными и 47 % жили в городах, никакое применение американской военной мощи уже не могло удержать трон под шахом. Значительный разрыв по-

прежнему отделяет китайцев, индийцев, арабов и африканцев от жителей Запада, японцев и русских. И все же этот разрыв быстро сокращается. В то же самое время возникает другой разрыв. Средний возраст жителей Запада, японцев и русских постоянно растет, и все большая доля неработающего населения тяжелой ношей ложится на плечи тех, кто еще продуктивно трудится. Другие цивилизации отягощены большим количеством детей, но дети – это будущие рабочие и солдаты.

Экономический продукт

Доля Запада в мировом экономическом продукте также, по-видимому, достигала своего пика к 1920 году, и после Второй мировой войны явно снижалась. В 1750 году на долю Китая в выпуске продукции обрабатывающей промышленности приходилось одна треть, Индии – одна четвертая, Запада – менее одной пятой. К 1830 году Запад немного обогнал Китай. За последующие десятилетия, как заметил Пауль Байрох, индустриализация Запада привела к деиндустриализации остального мира. К 1913 году выпуск продукции обрабатывающей промышленности не-западных стран равнялся примерно двум третям от того, каким он был в 1800-м. Начиная с середины девятнадцатого века доля Запада стала стремительно расти, достигнув своего пика в 1928 году – 84,2 % от мирового выпуска. После этого доля Запада снижалась, а темпы роста его производства оставались скромными, в то время как менее индустриализованные страны резко увеличили выпуск продукции после Второй мировой войны. К 1980 году доля Запада в выпуске продукции обрабатывающей промышленности равнялась 57,8 % от всемирного, примерно равняясь тому значению, которое было 120 лет назад, в 1860-е [7].

Таблица 4.4

Доля цивилизаций или стран в выпуске продукции обрабатывающей промышленности, 1750–1980, в процентах. (Весь мир = 100 %) ¹¹

Общество	1750	1800	1830	1860	1880	1900	1913	1928	1938	1953	1963	1973	1980
Запад	18,2	23,3	31,1	53,7	68,8	77,4	81,6	84,2	78,6	74,6	65,4	61,2	57,8
Китай	32,8	33,3	29,8	19,7	12,5	6,2	3,6	3,4	3,1	2,3	3,5	3,9	5,0
Япония	3,8	3,5	2,8	2,6	2,4	2,4	2,7	3,3	5,2	2,9	5,1	8,8	9,1
Индия/ Пакистан	24,5	19,7	17,6	8,6	2,8	1,7	1,4	1,9	2,4	1,7	1,8	2,1	2,3
Россия/ СССР*	5,0	5,6	5,6	7,0	7,6	8,8	8,2	5,3	9,0	16,0	20,9	20,1	21,1
Бразилия и Мексика	—	—	—	0,8	0,6	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9	1,2	1,6	2,2
Другие	15,7	14,6	13,1	7,6	5,3	2,8	1,7	1,1	0,9	1,6	2,1	2,3	2,5

Источник: Paul Bairoch. International Industrialization Levels from 1750 to 1980. Journal of European Economic History, 1982.

Достоверные данные по валовому экономическому продукту в период, предшествующий Второй мировой войне, отсутствуют. Однако в 1950 году доля Запада в мировом валовом продукте составляла 64 %; к 1980-м это соотношение упало до 49 % (см. табл. 4.5). К 2013 году, согласно одному из прогнозов, доля Запада в валовом мировом продукте будет равняться 30 %. Согласно другой оценке, четыре из семи крупнейших экономик мира принадлежали не-западным странам: Японии (второе место), Китаю (третье), России (шестое) и Индии (седьмое). В

¹¹ * Включая страны Варшавского договора во время холодной войны.

1992 году экономика Соединенных Штатов была самой мощной в мире, а в десятке крупнейших экономик было пять западных стран плюс ведущие страны из других цивилизаций: Китай, Япония, Индия, Россия и Бразилия. Правдоподобные прогнозы говорят, что в 2020 году пять сильнейших экономик будет у пяти различных цивилизаций и ведущие десять экономик будут включать три западные страны. Этот относительный упадок Запада обуславливается, конечно, в большей части стремительным подъемом Восточной Азии [8].

Таблица 4.5

Доля цивилизаций в валовом мировом продукте, 1950–1992 (в процентах)¹²

год	Запад- ная	Африкан- ская	Синская	Индуист- ская	Ислам- ская	Японская	Латино- амери- канская	Право- славная*	Другие [#]
1950	64,1	0,2	3,3	3,8	2,9	3,1	5,6	16,0	1,0
1970	53,4	1,7	4,8	3,0	4,6	7,8	6,2	17,4	1,1
1980	48,6	2,0	6,4	2,7	6,3	8,5	7,7	16,4	1,4
1992	48,9	2,1	10,0	3,5	11,0	8,0	8,3	6,2	2,0

Валовые цифры по экономическому объему производства отчасти затеняют качественное превосходство Запада. Запад и Япония почти полностью господствуют на рынке высоких технологий. Однако технологии начинают рассеиваться, и если Запад желает сохранить свое превосходство, ему следует сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить это рассеивание. Но из-за того, что благодаря Западу мир стал теперь взаимосвязанным, замедлить это распространение технологий среди других цивилизаций с каждым днем все труднее. И еще труднее это стало в условиях отсутствия единой, неодолимой и всем известной угрозы, подобно той, что существовала во время холодной войны, и это также снизило эффективность контроля за распространением технологий.

Кажется весьма вероятным, что на протяжении большего периода истории у Китая была самая крупная экономика в мире. Распространение технологий и экономическое развитие незападных обществ во второй половине двадцатого века приводят к возврату этой исторической схемы. Это будет медленный процесс, но к середине двадцать первого века, если не раньше, распределение экономического продукта и выпуска продукции обрабатывающей промышленности среди ведущих цивилизаций будет, скорее всего, напоминать ситуацию, имевшую место в 1800 году. Двухсотлетний «всплеск» Запада в мировой экономике подойдет к концу.

Военный потенциал

Военная мощь имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу. В 1920-е годы Запад был далеко впереди остальных по всем этим измерениям. В последующие годы военная мощь Запада снизилась по

¹² * Цифры по православной цивилизации на 1992 год включают бывший Советский Союз и бывшую Югославию. # Столбец «другие» включает другие цивилизации и ошибку при округлении. Источник: цифры за 1950, 1970 и 1980 год рассчитаны на основе данных по неизменному доллару Herbert Block, *The Planetary Product in 1980: A Creative Pause?* (Washington D.C.: Bureau of Public Affairs, U.S. Dept. of State, 1981. P. 30–45). Проценты за 1992 год рассчитаны на основе данных Всемирного банка реконструкции и развития по паритету покупательной силы, которые приведены в таблице 30 Отчета *World Development Report* (New York: Oxford University Press, 1994).

сравнению с потенциалом других цивилизаций. Это снижение выразилось в изменении баланса количества военнослужащих – одна из составляющих, пусть и не самая важная, военной мощи. Модернизация и экономическое развитие порождают необходимые ресурсы и желание стран развивать свой военный потенциал, и лишь считанные страны не делают этого. В 1930-х годах Япония и Советский Союз создали очень мощные вооруженные силы, что они продемонстрировали во время Второй мировой войны. В настоящий момент Запад монополизировал способность разворачивать значительные обычные вооруженные силы в любой точке мира. Нет уверенности, что Запад сможет поддерживать эту способность. Однако весьма вероятным кажется прогноз, что ни одно не-западное государство или группа государств не смогут создать сравнимый потенциал в ближайшие десятилетия.

Таблица 4.6

Личный состав вооруженных сил различных цивилизаций (в процентах)¹³

год	[Всего в мире]	Запад- ная	Африкан- ская	Синская	Индуист- ская	Ислам- ская	Япон- ская	Латино- амери- канская	Право- слав- ная	Дру- гие
1900	[10086]	43,7	1,6	10,0	0,4	16,7	1,8	9,4	16,6	0,1
1920	[8645]	48,5	3,8	17,4	0,4	3,6	2,9	10,2	12,8*	0,5
1970	[23991]	26,8	2,1	24,7	6,6	10,4	0,3	4,0	25,1	2,3
1991	[25797]	21,1	3,4	25,7	4,8	20,0	1,0	6,3	14,3	3,5

Примечание: данные основаны на границах, которые превалировали в указанный год.

Общие количество военнослужащих в мире (состоящих на действительной военной службе) указано в тысячах.

В общем и целом, в годы после холодной войны в глобальной эволюции военных потенциалов преобладали пять основных тенденций.

Во-первых, вооруженные силы Советского Союза перестали существовать вскоре после распада Советского Союза. Кроме России, только Украина унаследовала значительный военный потенциал. Российские войска были значительно сокращены и выведены из Центральной Европы и Прибалтики. Варшавского договора больше нет. Была забыта цель бросить вызов американскому ВМФ. Военная техника была либо ликвидирована, либо заброшена и в результате вышла из строя. Бюджетные средства, выделяемые на оборону, были радикально сокращены. Деморализация проникла в ряды офицеров и рядовых. В то же самое время российские военные определяли для себя новые миссии и доктрины и перестраивали себя для новых целей по защите русских и участию в региональных конфликтах в ближнем зарубежье.

Во-вторых, стремительное сокращение российского военного потенциала стимулировало более плавное, но значительное снижение западных военных расходов, сил и потенциала. По планам администраций Буша и Клинтона, американские расходы на оборону должны снизиться на 35 % – с 542.3 млрд (в долларах 1994 года) в 1990 году до 222.3 млрд в 1998-м. Силловые структуры к этому году будут составлять две трети от того, что было в конце холодной войны. Многие крупные программы поставки вооружения отменены или отменяются. Между 1985 и 1995 годом ежегодные закупки крупного вооружения сократились с 29 до 6 кораблей, с 943 до 127 самолетов, с 720 до 0 танков, с 48 до 18 стратегических ракет. Начиная с 1980-х

¹³ * Цифры по СССР являются данными за 1924 год и взяты из книги J. M. Macintosh. The Red Army 1918–1945; the Soviet Army – 1946 to Present. N.Y., 1956.

годов Британия, Германия и в меньшей степени Франция пошли на аналогичные сокращения оборонных расходов и военных потенциалов. В середине девяностых было принято решение о сокращении вооруженных сил Германии с 370 000 до 340 000 (вероятно – до 320 000); французская армия планирует сократить свои силы с 290 000 в 1990 году до 225 000 в 1997-м. Количество британских военнослужащих снизилось с 377 100 в 1985 году до 274 800 в 1993-м. Континентальные члены НАТО также сократили сроки военной службы по призыву и рассматривают возможность отказа от обязательной военной службы.

В-третьих, тенденции, имевшие место в Восточной Азии, значительно отличались от того, что происходило в России и на Западе. На повестке дня здесь стояли повышение оборонных расходов и наращивание сил; тон здесь задавал Китай. Подстегнутые ростом своего экономического благосостояния и ростом мощи Китая, другие восточноазиатские страны модернизируют и увеличивают свои военные силы. Япония продолжает совершенствовать свои и без того современные вооруженные силы. Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Сингапур и Индонезия тратят все больше на свои вооруженные силы и закупают самолеты, танки и корабли в России, Соединенных Штатах, Британии, Франции, Германии и других странах. В то время как оборонные расходы НАТО сократились между 1985 и 1993 годами примерно на 10 % (с 539.6 миллиардов до 485.0 миллиардов, в неизменных долларах 1993 года), расходы в Восточной Азии за тот же период возросли на 50 % с 89.8 млрд до 134.8 млрд долларов [9].

В-четвертых, военный потенциал, с учетом оружия массового поражения, возрастает во всем мире. По мере того как страны развиваются в экономическом плане, они наращивают мощности по производству вооружений. Между 1960 и 1980 годами, например, количество стран – членов третьего мира, производящих истребители, увеличилось с одной до восьми, танки – с одной до шести, вертолеты – с одной до шести и тактические ракеты – с нуля до семи. В 1990-е годы имела место заметная тенденция к глобализации оборонной промышленности, которая, скорее всего, и далее снизит военное преимущество Запада [10]. Многие незападные общества либо имеют ядерное оружие (Россия, Китай, Израиль, Индия, Пакистан и, вероятно, Северная Корея), либо предпринимают активные усилия по его созданию (Иран, Ирак, Ливия и, возможно, Алжир), или же ставят себя в такое положение, что могут быстро получить его в случае необходимости (Япония).

Наконец все эти процессы делают регионализацию центральной тенденцией в военной стратегии и мощи в мире после холодной войны. Регионализация является основной причиной сокращений вооружений в России и на Западе, а также увеличения вооруженных сил в других государствах. Россия больше не обладает глобальной военной мощью, но фокусирует свою стратегию и силы на ближнем зарубежье. Китай переориентировал свою стратегию и силы так, что теперь акцент делается на локальном применении силы и защите интересов Китая в Восточной Азии. Европейские страны также перенаправляют свои силы при помощи как НАТО, так и Евросоюза, чтобы ответить на нестабильность на границах Западной Европы. Соединенные Штаты явно изменили свое военное планирование и вместо сдерживания Советского Союза и войны с ним на глобальном уровне готовятся к действиям в Персидском заливе и Северо-Восточной Азии, включающим использование местных контингентов. Однако США вряд ли обладают военным потенциалом для достижения этих целей. Чтобы добиться победы над Ираком, Соединенным Штатам пришлось послать в Персидский залив 75 % действующих тактических самолетов, 42 % современных боевых танков, 46 % авианосцев, 37 % военнослужащих из армии и 46 % морской пехоты. При значительном сокращении вооруженных сил в будущем Соединенные Штаты с трудом смогут провести одну, от силы две интервенции против региональных держав за пределами Западного полушария. Военная безопасность по всему миру все больше зависит не столько от глобального распределения сил и шагов сверхдержав, сколько от распределения сил в каждом регионе и действий стержневых государств цивилизаций.

В общем и целом, Запад будет оставаться самой могущественной цивилизацией и в первые десятилетия двадцать первого века. И далее он будет занимать ведущие позиции в науке, исследованиях и разработках, а также по нововведениям в гражданской и военной области. Тем не менее контроль над другими важными ресурсами все больше рассеивается среди стержневых государств и ведущих стран не-западных цивилизаций. Пик западного контроля над ресурсами пришелся на 1920-е годы и с тех пор нерегулярно, но значительно снижается. В 2020-х годах, через сто лет после пика, Запад скорее всего будет контролировать около 24 % мировой территории (вместо 49 % во время пика), 10 % населения мира (вместо 48 %) и, пожалуй, около 15–20 % социально мобилизованного населения, порядка 30 % мирового экономического продукта (во время пика – около 70 %), возможно, 25 % выпуска продукции обрабатывающей промышленности (на пике – 84 %) и менее 10 % от всеобщего количества военнослужащих (было 45 %).

В 1919 году Вудро Вильсон, Ллойд Джордж и Жорж Клемансо фактически правили миром. Сидя в Париже, они определяли, какие страны останутся существовать, а какие – нет, какие новые страны будут созданы, какие у них будут границы и кто будет править ими, а также как Ближний Восток и другие части мира будут разделены между державами-победительницами. Они также принимали решения о военной интервенции в Россию и об отзыве экономической концессии из Китая. Сто лет спустя ни одна маленькая группа политиков не сможет обладать сопоставимой властью; и если какая-либо группа и может сравниться с ними, то она будет состоять уже не из трех представителей Запада, а из лидеров стержневых стран семи или восьми основных цивилизаций мира. Наследники Рейгана, Тэтчер, Миттерана и Коля встретят соперников в лице преемников Дэн Сяопина, Накасонэ, Индиры Ганди, Ельцина, Хомейни и Сухарто. Эра западного господства подойдет к концу. Между тем закат Запада и подъем других центров могущества способствует глобальным процессам индигенизации и возрождения не-западных культур.

Индигенизация: возрождение не-западных культур

Распределение культур в мире отражает распределение власти. Торговля может следовать за флагом, а может и не следовать, однако культура всегда следует за властью. В течение всей истории экспансия власти какой-либо цивилизации обычно происходила одновременно с расцветом ее культуры, и почти всегда эта цивилизация использовала свою власть для утверждения своих ценностей, обычаев и институтов в других обществах. Универсальной цивилизации требуется универсальная власть. Римская власть создала почти универсальную цивилизацию в ограниченных пределах античного мира. Западная власть в форме европейского колониализма в девятнадцатом веке и американская гегемония в двадцатом расширили западную культуру на большую часть современного мира. Европейский колониализм позади; американская гегемония сходит на нет. Далее следует свертывание западной культуры, по мере того как местные, исторически сложившиеся нравы, языки, верования и институты вновь заявляют о себе. Усиление могущества не-западных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению не-западных культур во всем мире¹⁴.

Как заметил Джозеф Най, существует различие между «жесткой властью», то есть властью, основанной на экономической и военной силе, и «мягкой властью» – способностью

¹⁴ Связь между властью и культурой почти повсеместно игнорируется теми, кто утверждает, что универсальная цивилизация существует или вот-вот должна возникнуть, а также теми, кто заявляет, что вестернизация является необходимой предпосылкой модернизации. Они отказываются признать, что логика их доводов требует от них поддержать экспансию и усиление западного господства в мире и что, если другим обществам предоставить свободу определять собственную судьбу, они вдохнут новые силы в старые мировоззрения, привычки и обычаи, которые, согласно универсалистам, враждебны прогрессу. Люди, которые превозносят достоинства универсальной цивилизации, тем не менее не склонны говорить о достоинствах универсальной империи.

страны делать так, чтобы «другие государства *хотели* того, что хочет она», за счет привлекательности ее культуры и идеологии. Как признает Най, в мире имеет место широкое рассеяние жесткой власти, и основные нации «намного меньше способны использовать традиционный ресурс власти для достижения своих целей, чем в прошлом». Далее Най развивает мысль и говорит, что если у какого-либо государства «культура и идеология привлекательны, то другие будут с большей готовностью следовать» за ней, посему мягкая власть «столь же важна, как и жесткая власть» [11]. Но что же делает культуру и идеологию привлекательными? Они становятся привлекательными, когда в них видят корень материального успеха и влияния. Мягкая власть становится властью, только когда в ее основании лежит жесткая власть. Усиление жесткой экономической и военной власти приводит к росту самоуверенности, высокомерия и веры в превосходство своей культуры или могущество по отношению к другим народам и привлекает к этой власти иные общества. Ослабление экономической и военной власти ведет к неуверенности в собственных силах, кризису идентичности и попыткам найти в других культурах ключи к экономическому, военному и политическому успеху. По мере того как не-западные общества наращивают свой экономический, военный и политический капитал, они все больше расхваливают достоинства своих ценностей, институтов и культуры.

Коммунистическая идеология привлекала людей по всему миру в 1950-е и 1960-е годы, когда она ассоциировалась с экономическим успехом и военной мощью Советского Союза. Эта привлекательность испарилась одновременно со стагнацией советской экономики, которая уже не была способна поддерживать военный потенциал Советского Союза. Западные ценности и институты привлекали людей из других культур, потому что они рассматриваются как источник западной мощи и благополучия. Этот процесс идет уже несколько столетий. Между 1000 и 1300 годами, пишет Уильям Макнил, христианство, римское право и другие составляющие западной культуры были приняты венграми, поляками и литовцами, и это «принятие западной цивилизации было обусловлено смесью страха и восхищения ратной доблестью западных правителей» [12]. Одновременно с упадком западного могущества снижается также и способность Запада навязывать западные представления о правах человека, либерализме и демократии другим цивилизациям, а также уменьшается и привлекательность этих ценностей для других цивилизаций.

Она уже уменьшилась. На протяжении нескольких столетий не-западные народы завидовали экономическому процветанию, технологическому совершенству, военной мощи и политическому единству западных обществ. Они искали секрет этого успеха в западных ценностях и институтах, и когда они выявили то, что сочли ключом, они попытались применить его в своих обществах. Чтобы стать богатыми и могущественными, им надо было стать как Запад. Однако сейчас эти кемалистские взгляды в Восточной Азии исчезли. Жители Восточной Азии приписывают свое стремительное экономическое развитие не импорту западной культуры, а, скорее, приверженности своей традиционной культуре. Они добиваются успехов, по их утверждению, потому, что они отличаются от Запада. Аналогичным образом, когда незападные общества чувствовали себя слабыми в отношениях с Западом, они обращались к западным ценностям – праву на самоопределение, либерализму, демократии и независимости, чтобы узаконить свое сопротивление западному господству. Теперь, когда они из слабых превратились в исключительно мощные страны, они не упускают случая напасть на те же ценности, которые до этого использовали для преследования своих интересов. Этот бунт против Запада изначально использовался для утверждения универсализма западных ценностей; теперь он провозглашается ради утверждения не-западных ценностей.

Возникновение подобных позиций является проявлением того, что Рональд Дор назвал термином «феномен индигенизации второго поколения». Как в бывших западных колониях, так и независимых странах вроде Китая и Японии «первое «модернизаторское», или «пост-независимое», поколение зачастую получало образование в зарубежных (западных) универси-

тетах на западном космополитичном языке. Частично из-за того, что они впервые попадали за рубеж, будучи впечатлительными подростками, принятие ими западных ценностей и стиля жизни могло быть весьма глубоким. Большинство из второго, намного большего поколения, напротив, получает образование дома, в университетах, основанных первым поколением, где для обучения все больше используется местный, а не колониальный язык. Эти университеты «дают куда менее тесный контакт с миром культуры метрополии», и «знания обрели местный колорит посредством перевода – обычно объем их ограничен, а качество оставляет желать лучшего». Выпускники этих университетов негодуют по поводу засилья предыдущего, обученного на Западе поколения и поэтому часто «поддаются призывам местных оппозиционных движений» [13]. По мере того как западное влияние сходит на нет, молодые честолюбивые лидеры уже не могут надеяться на то, что Запад даст им власть и богатство. Они вынуждены искать средства достижения успеха в своем обществе, и поэтому им приходится приспосабливаться к ценностям и культуре этого общества.

Процесс индигенизации не обязательно ждет появления второго поколения. Талантливые, проницательные и легко приспосабливающиеся лидеры первого поколения сами индигенизируются. Наиболее примечательны три случая – Мухаммед Али Джинна, Гарри Ли и Соломон Бандаранаике. Они с отличием закончили Оксфорд, Кембридж и Линкольнз-Инн, соответственно и были отличными адвокатами и полностью вестернизированными членами элит в своих обществах. Джинна был законченным атеистом. Ли, по словам одного из британских министров, являлся «лучшим чертовым англичанином к востоку от Суэца». Бандаранаике был воспитан как христианин. И все же для того, чтобы возглавить свои нации на пути к независимости и после ее обретения, им пришлось индигенизироваться. Они вернулись к культурам своих предков, и в процессе этого они временами меняли идентичность, имена, одежду и веру. Английский адвокат М. А. Джинна стал пакистанцем Квади-Азамом, Гарри Ли стал Ли Кван Ю. Атеист Джинна стал ярым поборником ислама как основы Пакистанского государства. Англофицированный Ли выучил китайский и стал ярким последователем конфуцианства. Христианин Бандаранаике перешел в буддизм и стал приверженцем сингальского национализма.

Индигенизация стояла на повестке дня во всем не-западном мире в восьмидесятые и девяностые годы двадцатого века. Возрождение ислама и «реисламизация» – вот центральные темы в мусульманских обществах. В Индии превалирует тенденция отказа от западных форм и ценностей и возвращения ценностей индуизма в политику и общественную жизнь. В Восточной Азии государства активно пропагандируют конфуцианство, а политические и интеллектуальные лидеры говорят об «азиации» своих стран. В середине 1980-х годов Японией овладела идея «*нихондзинрон*», или «теории о Японии и японцах». Позже известные японские интеллектуалы стали утверждать, что в своей истории Япония прошла сквозь «циклы заимствования внешних культур» и «индигенизации» этих культур путем их повторения и очищения; неизбежной путаницы, являющейся результатом того, что заимствованный и творческий импульс выдыхался, затем следовало повторное открытие для внешнего мира. В настоящий момент Япония вступает во вторую фазу этого цикла» [14]. По окончании холодной войны Россия снова превратилась в «разорванную страну», где вновь проявилась классическая борьба западников со славянофилами. На протяжении десятилетия, однако, имел место переход от первых к последним, когда вестернизированный Горбачев уступил место Ельцину, русскому по стилю, западному по высказанным убеждениям, которому, в свою очередь, угрожали националисты, призывающие к православной индигенизации России.

Индигенизации способствует демократический парадокс: принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям. В 1960-е и 1970-е годы вестернизированные и прозападные правительства в развивающихся странах находились под угрозой переворотов

и революций; в 1980-е и 1990-е они подвергаются все большей опасности проиграть выборы. Демократизация вступает в конфликт с вестернизацией, а демократия по своей сути является процессом, ведущим к защите местных интересов, а не к космополитизации. Политики в не-западных обществах не выигрывают на выборах, демонстрируя, насколько они западные. Предвыборная гонка, напротив, заставляет их апеллировать к тем вещам, которые они считают наиболее популярными, и эти темы обычно связаны с этническими, национальными и религиозными вопросами.

Результатом является объединение народа против элит, получивших образование на Западе и ориентированных на Запад. Группы исламских фундаменталистов добились впечатляющих результатов на нескольких выборах в мусульманских странах и пришли бы к власти в Алжире, если бы военные не отменили выборы в 1992 году. В Индии борьба за голоса избирателей привела к массовым митингам и массовому насилию [15]. Демократия в Шри-Ланке породила Партию свободы Шри-Ланки, которая разгромила на выборах 1956 года элитарную Объединенную национальную партию и обусловила возможность появления националистического движения Патики Чинтаная в 1980-е годы. До 1949 года элиты как в Южной Африке, так и на Западе рассматривали ЮАР как западную страну. После того как в стране установился режим апартеида, западная элита постепенно стала рассматривать ЮАР вне западного лагеря, в то время как южноафриканцы продолжали считать себя членами Запада. Однако, для того чтобы занять свое место в западном международном мире, им пришлось ввести западные демократические институты, вследствие чего у власти появилась высоко вестернизированная черная элита. Тем не менее, если сработает фактор индигенизации второго поколения, их последователи будут намного более хоса, зулусами и африканцами по мировоззрению и все больше будут воспринимать себя как африканское государство.

В различное время до девятнадцатого века византийцы, арабы, китайцы, турки, монголы и русские были глубоко уверены в своей силе и достижениях, сравнивая их с западными. В то же самое время они также с презрением относились к культурной неполноценности, отсталости институтов, коррупции и загниванию Запада. Когда успехи Запада перестали быть выдающимися, это отношение появляется вновь. Люди считают, что «с них хватит». Иран – исключительный случай, но, как заметил один обозреватель, «западные ценности отвергаются по-другому, но не менее твердо, в Малайзии, Индонезии, Сингапуре, Китае и Японии» [16]. Мы становимся свидетелями «конца прогрессивной эры», когда доминировала западная идеология, и вступаем в эру, в которой многочисленные и разнообразные цивилизации будут взаимодействовать, конкурировать, сосуществовать и приспосабливаться друг к другу [17]. Этот глобальный процесс индигенизации широко проявляется в возрождении религии, которое имеет место во многих частях земного шара и наиболее заметно выражается в культурном возрождении азиатских и исламских государств, вызванном во многом их экономическим и демографическим динамизмом.

La revanche de dieu

В первой половине двадцатого века представители интеллектуальной элиты, как правило, полагали, что экономическая и социальная модернизация ведет к ослаблению роли религии как существенной составляющей человеческого бытия. Это предположение разделялось как теми, кто его с радостью принимал, так и теми, кто сокрушался по поводу этой тенденции. Атеисты – адепты модернизации приветствовали ту степень, в которой наука, рационализм и прагматизм вытесняли суеверия, мифы, иррационализм и ритуалы, которые формировали основу существующих религий. Возникающее государство должно стать толерантным, рациональным, прагматичным, прогрессивным, гуманным и светским. Обеспокоенные консерваторы, с другой стороны, предупреждали об ужасных последствиях исчезновения религиозных верований,

религиозных институтов и того морального руководства религии, которое она предоставляет для индивидуального и коллективного человеческого поведения. Конечным результатом этого будет анархия, безнравственность, подрыв цивилизованной жизни. «Если вы не желаете почитать Бога (а Он – ревнивый Бог), – сказал Т. С. Элиот, – вам придется уважительно относиться к Гитлеру или Сталину» [18].

Вторая половина двадцатого столетия показала, что эти надежды и опасения беспочвенны. Экономическая и социальная модернизация приобрела глобальный размах, и в то же время произошло глобальное возрождение религии. Это возрождение, *la revanche de Dieu*, как назвал его Жиль Кепель, проникло на каждый континент, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну. В середине 1970-х, как заметил Кепель, курс на секуляризацию и замирение религии с атеизмом «развернулся в обратную сторону. Появился на свет новый религиозный подход, ставящий своей целью уже не принятие светских ценностей, а возвращение священных основ для организации общества, изменив для этого общество, если необходимо. Выраженный множеством способов, этот подход пропагандирует отказ от претерпевшей неудачу модернизации, объясняя ее провал и тупиковое положение отходом от Бога. Это уже не преувеличение *aggiornamento*, а «второе крещение Европы», другой целью соответственно является не модернизировать ислам, а «исламизировать современность» [19].

Это религиозное возрождение отчасти вызвано экспансией некоторых религий, которые получили новых приверженцев там, где их раньше не было. Однако куда в большей степени оно обусловлено людьми, которые возвращаются к традиционным религиям своих сообществ, вдыхают в них новые силы и придают им новые значения. Западное христианство, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм и православие – все они испытывают огромный подъем приверженности и внимания со стороны некогда обычных верующих. Во всех этих религиях возникли фундаменталистские движения, призывающие к решительному очищению религиозных доктрин и институтов, к изменению индивидуального, социального и общественного поведения в соответствии с религиозными догматами. Фундаменталистские движения весьма заметны и могут иметь значительный политический вес. Однако они являются лишь волнами на поверхности более широкого и более фундаментального религиозного прилива, который формирует человеческую жизнь в конце двадцатого столетия. Обновление религии по всему миру выходит далеко за пределы действий фундаменталистов-экстремистов. То в одном, то в другом обществе оно проявляется в ежедневной жизни и работе людей, а также делах и проектах правительств. Культурное возрождение в светской конфуцианской культуре принимает форму принятия азиатских ценностей, но в остальном мире оно проявляется как подтверждение религиозных ценностей. Эта «десекуляризация мира», как заметил Джордж Вайгел, «является одним из главных социальных фактов в конце двадцатого века» [20].

Вездесущность и важность религии особенно четко проявились в бывших коммунистических странах. Заполняя вакуум, образовавшийся после коллапса идеологии, религиозное возрождение пронеслось по этим странам от Албании до Вьетнама. В России произошло возрождение православия. В 1994 году 30 % россиян в возрасте 25 лет сказали, что оно переключились с атеизма на веру в Бога. Количество действующих церквей в Москве и Подмосковье выросло с 50 в 1988 году до 250 в 1993-м. Политические лидеры стали все как один уважать религию, а правительство – поддерживать ее. В российских городах, как заметил один проницательный наблюдатель в 1993 году, «звон церковных колоколов вновь наполнил воздух. Недавно позолоченные купола сверкают на солнце. Церкви, еще недавно лежавшие в руинах, снова запели свою величественную песнь. Церкви стали самыми людными местами в городе» [21]. Одновременно с возрождением православия в славянских республиках Исламское возрождение охватило Центральную Азию. В 1989 году в Центральной Азии насчитывалось 160 действующих мечетей и одно *медресе* (высшая духовная школа мусульман); к началу 1993 года там было около 10 000 мечетей и десять *медресе*. Несмотря на то что это возрожде-

ние включало в себя некоторые фундаменталистские политические движения и поощрялось из-за границы – из Саудовской Аравии, Ирана и Пакистана, – в целом это было широко распространенное культурное движение умеренного толка [22].

Чем можно объяснить это всеобщее религиозное возрождение? Естественно, в разных странах и цивилизациях оно обусловлено различными факторами. И все же было бы неверно полагать, что большое количество разнообразных причин привело к одновременным и схожим последствиям в большинстве частей света. Глобальный феномен требует глобального объяснения. Сколько бы событий в отдельных странах ни возникало под влиянием уникальных факторов, все равно должны существовать некоторые общие случаи. Каковы же они?

Наиболее очевидной, наиболее яркой и наиболее мощной причиной глобального религиозного возрождения стало то же самое, что считалось причиной ее смерти: процессы социальной, экономической и культурной модернизации, которые происходили по всему миру во второй половине двадцатого века. Древние источники идентичности и системы авторитетов поколеблены. Люди переезжают из сельской местности в города, отрываются от своих корней, идут на новую работу или не работают. Они взаимодействуют с огромным количеством незнакомцев и подвергаются новым моделям отношений. Им нужны новые источники идентичности, новые формы стабильного сообщества и новые моральные устои, которые дали бы им чувство смысла и цели. Религия, ее направления, фундаментальные течения отвечают этим требованиям. Как объяснял для случая Восточной Азии Ли Кван Ю:

Мы – аграрные общества, которые прошли индустриализацию за последние одно – два поколения. То, что на Западе происходило 200 лет и более, здесь длится примерно 50 лет и менее. Все это перемешано и втиснуто в очень тесные рамки, поэтому неизбежно случаются неувязки и сбои. Если вы посмотрите на быстро растущие страны – Корею, Таиланд, Гонконг и Сингапур, – везде присутствует один примечательный феномен: подъем религии... Старые традиции и религии – культ предков, шаманизм – уже больше не могут полностью удовлетворить людей. Начинается поиск нового объяснения предназначения человека, того, почему мы здесь. Это связано с периодами огромного напряжения в обществе [23].

Люди живут не только духовными интересами. Но они не могут рассчитывать и действовать рационально в погоне за своими корыстными интересами, пока не определят свое «я». Поэтому предметом интереса политики являются вопросы определения и утверждения идентичности. Во времена стремительных социальных перемен установившиеся идентичности разрушаются, должно быть переоценено «я» и созданы новые идентичности. Для людей, которые сталкиваются с необходимостью ответить на вопросы «кто я?» и «где мое место?», религия предоставляет убедительные ответы, а религиозные группы становятся небольшими социальными общностями, пришедшими на замену тех, что были утрачены из-за урбанизации. Все религии, по выражению Хассана аль-Тураби, дают «людям чувство идентичности и направление в жизни». Благодаря этому процессу люди вновь открывают исторические идентичности или создают новые. Какие бы универсалистские цели ни преследовали религии, они дают людям идентичность, проводя основное различие между верующими и неверующими, между своей, высшей группой и другой, низшей группой [24].

В мусульманском мире, как утверждает Бернард Льюис, существует «повторяющаяся тенденция – в тяжелые времена мусульмане находят свою базовую идентичность и преданность в религиозной общине, то есть в идентичности, определенной скорее исламом, чем этническими и территориальными критериями». Жиль Кепель также делает акцент на то, что поиск идентичности занимает центральное место: «реисламизация “снизу” является наипервейшим и главнейшим способом воссоздания идентичности в мире, который утратил свое значение

и стал аморфным и чуждым» [25]. В Индии «идет постройка новой индуистской идентичности» в качестве ответа на давление и отчуждение, порожденные модернизацией [26]. В России религиозное возрождение является результатом «страстного желания обрести идентичность, которую может дать лишь православная церковь, единственная неразорванная связь с российской 1000-летней историей», в то время как в мусульманских республиках возрождение аналогично является результатом «самого мощного стремления в Центральной Азии: утвердить те идентичности, которые в течение десятилетий подавляла Москва» [27]. Фундаменталистские движения, в частности, – это «способ справиться с хаосом и потерей идентичности, смысла и прочных социальных структур, вызванных стремительным насаждением современных социальных и политических моделей, атеизма, научной культуры и экономического прогресса». Фундаменталистские «движения, с которыми стоит считаться», соглашается Уильям Макнил, «это те, что быстро растут, набирая своих членов из общества, потому что они отвечают (или создают иллюзию, что они отвечают) недавно осознанным человеческим потребностям... Не случайно все эти движения возникают в странах, где демографическое давление на землю делает дальнейшее существование старых сельских стилей жизни невозможным для большинства населения и где урбанизированные средства массовой информации, проникнув в деревни, начали разрушать вековые устои сельской жизни» [28].

В более широком смысле религиозное возрождение во всем мире – это реакция на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того – утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и людской солидарности. Религиозные группы удовлетворяют социальные потребности, которые государственная бюрократия оставляет без внимания. Сюда входит предоставление медицинских и больничных услуг, сады и школы, забота о престарелых, быстрая помощь после природных и иных катастроф, социальное обеспечение и помощь во время экономических кризисов. Крушение устоев и развал гражданского общества создают вакуум, который заполняется религиозными, зачастую фундаменталистскими, группами [29].

Если традиционно доминирующие религии не удовлетворяют эмоциональные и социальные потребности беженцев, то эту задачу выполняют другие религиозные группы, численность которых в результате резко возрастает, как и значимость религии в общественной и политической жизни. Исторически Южная Корея была преимущественно буддистской страной, где число христиан в 1950 году составляло около 1–3 % населения. Когда в Южной Корее начался бурный экономический рост, сопровождающийся крупномасштабной урбанизацией и дифференциацией профессий, оказалось, что буддизма недостаточно. «Для тех миллионов, которые хлынули в города, и многих других, которые остались в изменившейся деревне, статичный буддизм Кореи аграрной эры потерял свою привлекательность. Христианство с его идеями о личном спасении и человеческой судьбе предложило более обнадеживающее и успокаивающее мировоззрение во времена перемен и смятения» [30]. К 1980-м годам христиане, в основном пресвитериане и католики, составляли не менее 30 % населения Южной Кореи.

Аналогичные сдвиги произошли в Латинской Америке. Количество протестантов там увеличилось примерно с 7 миллионов человек в 1960 году до 50 миллионов в 1990-м.

В 1989 году причину этого успеха латиноамериканские католические священники увидели в «медленном примирении с техническими аспектами городской жизни» католической церкви. В отличие от католической церкви, как заметил один бразильский проповедник, протестантские церкви отвечают «основным потребностям человека – в человеческом тепле, исцелении и глубоком духовном опыте». Распространение протестантизма среди бедноты Латинской Америки – это, по сути, не замена одной религии другой, а скорее резкий рост религиозной приверженности и участия, по мере того как номинальные и пассивные католики стали активными и ярыми *евангелистами*. Так, в Бразилии в начале девяностых 20 % населения считали себя протестантами, 73 % – католиками, но по воскресеньям в протестантских церквях было

20 миллионов человек, а в католических – около 12 миллионов [31]. Как и другие мировые религии, христианство проходит сквозь стадию возрождения, связанного с модернизацией, и в Латинской Америке оно приняло, скорее, протестантскую, чем католическую форму.

Эти изменения в Южной Корее и Латинской Америке отражают неспособность буддизма и соответственно устоявшегося католицизма отвечать психологическим, эмоциональным и социальным нуждам людей, получившим травмы от модернизации. Происходят ли дополнительные значительные изменения в религиозной приверженности где-либо еще, зависит от той меры, в которой превалирующая религия может удовлетворить эти потребности. Учитывая эмоциональную сухость конфуцианства, оно кажется особенно уязвимым. В конфуцианских странах протестантство и католицизм могут иметь привлекательность, схожую с притягательностью евангелистского протестантства для латиноамериканцев, христианства – для жителей Южной Кореи и фундаментализма – для мусульман и индусов. В конце 1980-х в Китае на пике экономического роста христианство также распространилось «главным образом среди молодежи». Возможно, около 50 миллионов китайцев – христиане. Правительство попыталось предотвратить рост их числа, сажая в тюрьмы священников, миссионеров и евангелистов, запрещая и преследуя религиозные обряды и церемонии, а в 1994 году приняло закон, который запрещает иностранцам вести деятельность по обращению в свою веру и основывать религиозные школы или другие религиозные организации, религиозным группам – участвовать в независимых или финансируемых из-за рубежа мероприятиях. В Сингапуре, как и в Китае, около 5 % населения – христиане. В конце 1980-х и в начале 1990-х годов министры из правительства предупреждали евангелистов, чтобы те не нарушали «шаткое религиозное равновесие в стране, задерживали религиозных служащих, включая официальных лиц из католических организаций, а всячески запугивали христианские группы и отдельных верующих» [32]. С окончанием холодной войны и последовавшей за ней политической открытостью западные церкви устремились также и в православные бывшие советские республики, где составили конкуренцию возрожденным православным церквям. И здесь, как и в Китае, также была предпринята попытка сдержать их миссионерскую деятельность. В 1993 году, по настоянию православной церкви, российский парламент принял закон, требующий от зарубежных религиозных групп государственной аккредитации или перехода под сень российского патриархата, если они собираются вести миссионерскую или образовательную деятельность. Президент Ельцин, однако, отказался подписать этот законопроект [33]. Вообще, как свидетельствуют факты, когда *la revanche de Dieu* вступает в конфликт с индигенизацией, он оказывается сильнее: если традиционная вера не может удовлетворить религиозные потребности модернизации, то люди обращаются к эмоционально подходящему для них импорту.

Помимо психологических, эмоциональных и социальных травм, нанесенных модернизацией, существуют и иные стимулы религиозного возрождения, включая отступление Запада и окончание холодной войны. Начиная с девятнадцатого столетия, не-западные цивилизации реагировали на влияние Запада, как правило, последовательно усваивая идеологии, импортированные с Запада. В девятнадцатом веке не-западные элиты поглощали западные либеральные ценности, и впервые их противодействие Западу выразилась в форме либерального национализма. В двадцатом веке русские, азиатские, арабские, африканские и латиноамериканские элиты импортировали социалистическую и марксистскую идеологии и соединили их с национализмом, противопоставляя это западному капитализму и западному империализму. Провал коммунизма в Советском Союзе, его серьезное реформирование в Китае, а также неспособность социалистической экономики добиться устойчивого роста создали идеологический вакуум. Западные правительства, группы и международные институты, такие как МВФ и Всемирный Банк реконструкции и развития, попытались заполнить этот вакуум доктриной неоправославной экономики и демократической политики. Степень, в которой эти доктрины окажут продолжительный эффект на не-западные культуры, остается неясной. Однако люди

тем временем рассматривают коммунизм всего лишь как последнего светского идола, который был низвергнут, и в отсутствии новых неодолимых мирских божеств обратились, со страстью и облегчением, к реальности. Религия принимает эстафету у идеологии, и религиозный национализм приходит на смену национализму светскому [34].

Движения за религиозное возрождение являются антисветскими, антиуниверсальными и, за исключением его христианского проявления, антизападными. Они также направлены против релятивизма, эгоизма и потребительства, которые ассоциируются с тем, что Брюс Лоуренс назвал термином «модернизм», отличая его от современности. В общем и целом, они не отвергают урбанизацию, индустриализацию, развитие, капитализм, науку и технологию, а также все, что эти вещи означают для организации общества. В этом смысле они не являются антисовременными. Они принимают модернизацию и, по выражению Ли Кван Ю, «неотвратимость развития науки и технологии, а также тех изменений в стиле жизни, которые они несут с собой», но они «не приемлют идею о своей вестернизации». Ни национализм, ни социализм, как утверждает аль-Тураби, не вызвали изменений в исламском мире. «Религия – это двигатель развития», и очищенный ислам будет играть в современную эру роль, сопоставимую с ролью протестантской этики в истории Запада. Нельзя сказать, что религия несопоставима с развитием современного государства [35]. Исламские фундаменталистские движения наиболее сильны в самых развитых и на вид самых светских мусульманских странах, таких как Алжир, Иран, Египет, Ливан и Тунис [36]. Религиозные движения, особенно фундаментального толка, профессионально используют современные средства массовой информации и организационные технологии. Наиболее ярким примером этого стал успех протестантского телеевангелизма в Центральной Америке.

Участники религиозного возрождения приходят из всех сфер деятельности, но в подавляющем большинстве – из двух групп, обе из которых мобильны и урбанизированы. Новоприбывшие в города мигранты, как правило, нуждаются в эмоциональной, социальной и материальной помощи и наставлении, а это религиозные группы могут предоставить как никто другой. Религия для них, как сформулировал Режис Дебрей, это не «опиум для народа, а витамин для слабых» [37]. Второй важной группой является новый средний класс, который воплощает собой «феномен индигенизации второго поколения» Дора. Активисты исламских фундаменталистских групп, как заметил Кепель, это не «престарелые консерваторы или безграмотные крестьяне». В случае с мусульманами, как и с другими группами, религиозное возрождение – это урбанистический феномен, который привлекает к себе людей современно ориентированных, хорошо образованных и делающих карьеру в профессиях, правительстве и коммерции [38].

Среди мусульман зачастую молодежь религиозна, а их родители – атеисты. С индуизмом ситуация во многом схожа, здесь лидеры движений возрождения также являются выходцами из индигенизированного второго поколения и часто они – «удачливые предприниматели и администраторы». Индийская пресса окрестила их «скаппи» – одетые в шафрановое яппи. Их поборники в начале 1990-х все чаще принадлежали к «значительному среднему классу индийских индусов – торговцам, бухгалтерам, адвокатам и инженерам», а также к «высшим государственным служащим, интеллигенции и журналистам» [39]. В Южной Корее тот же самый тип людей заполнил католические и пресвитерианские церкви в 1960-е и 1970-е годы.

Религия, местная или импортированная, дает смысл и направление для зарождающихся элит в обществах, где происходит модернизация. «Придание ценности традиционной религии, – заметил Рональд Дор, – это призыв к взаимному уважению, в противовес «господствующей другой» нации, и чаще, одновременно с этим и более непосредственно, против местного правящего класса, который принял ценности и образ жизни тех других господствующих наций».

«Чаще всего, – замечает Уильям Макнил, – повторное утверждение ислама, в какой бы конкретной сектантской форме оно ни проявлялось, означает отрицание европейского и американского влияния на местное общество, политику и мораль» [40]. В этом смысле не-западные религии являются наиболее мощным проявлением антизападничества в не-западных обществах. Подобное возрождение – это не отвержение современности, а отторжение Запада и светской, релятивистской, вырождающейся культуры, которая ассоциируется с Западом. Это – отторжение того, что было названо термином «вестоксификация» не-западных обществ. Это – декларация о культурной независимости от Запада, гордое заявление: «Мы будем современными, но мы не станем вами».

Глава 5

Экономика, демография и цивилизации, бросающие вызов

Индигенизация и возрождение религии – феномены глобальные. Однако наиболее ярко они проявились в культурном утверждении Азии и ислама, а также тех вызовах, которые они бросают Западу. Это самые динамичные цивилизации последней четверти двадцатого века. Исламский вызов выражается во всеобъемлющей культурной, социальной и политическим Исламское возрождение в мусульманском мире и сопровождающем этот процесс отвержении западных ценностей и институтов. Азиатский вызов присущ всем восточно-азиатским цивилизациям – синской, японской, буддистской и мусульманской – и делает акцент на их культурные отличия от Запада и, время от времени, на их общность, которая часто отождествляется с конфуцианством. Как азиаты, так и мусульмане подчеркивают превосходство своих культур над западной. Люди из других не-западных цивилизаций – индусской, православной, латиноамериканской, африканской, – напротив, могут говорить о самобытности своих культур, но в середине девяностых они не решались провозглашать свое превосходство над западной культурой. Азия и ислам стоят особняком, а иногда вместе из-за своей все растущей самонадеянной самоуверенности в отношениях с Западом.

За этими вызовами стоят взаимосвязанные, но различные причины. Азиатская самоуверенность основана на экономическом росте; уверенность в себе мусульман в значительной мере является результатом социальной мобилизации и роста населения. Каждый из этих вызовов имеет в высшей степени дестабилизирующий эффект на глобальную политику и будет продолжать оказывать его и в двадцать первом веке. Однако природа этих вызовов значительно различается. Экономическое развитие Китая и других азиатских стран дает их правительствам стимул и средства для того, чтобы быть более требовательными во взаимоотношениях с другими государствами. Рост населения в мусульманских странах, особенно увеличение возрастной группы от 15 до 24 лет, обеспечивает людьми ряды фундаменталистов, террористов, повстанцев и мигрантов. Экономический рост прибавляет сил азиатским правительствам; демографический рост представляет собой угрозу как мусульманских правительств, так и немусульманских стран.

Азиатское самоутверждение

Экономическое развитие Восточной Азии было одним из наиболее важных событий в мире во второй половине двадцатого века. Этот процесс начался в Японии в 1950-х годах, и на протяжении некоторого времени Япония воспринималась как большое исключение: не-западная страна, которая была успешно модернизирована и стала экономически развитой. Тем не менее процесс экономического развития распространился и на «Четырех Тигров» (Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Сингапур), а затем и на Китай, Малайзию, Таиланд и Индонезию; сейчас он приходит в Индию, Филиппины и Вьетнам. В этих странах на протяжении десятилетия, а то и больше средний экономический рост составлял не менее 8–10 %. Этот экономический рост в Азии резко контрастирует с умеренным развитием экономики в Европе и Америке, а также застоя, охватившего большую часть мира.

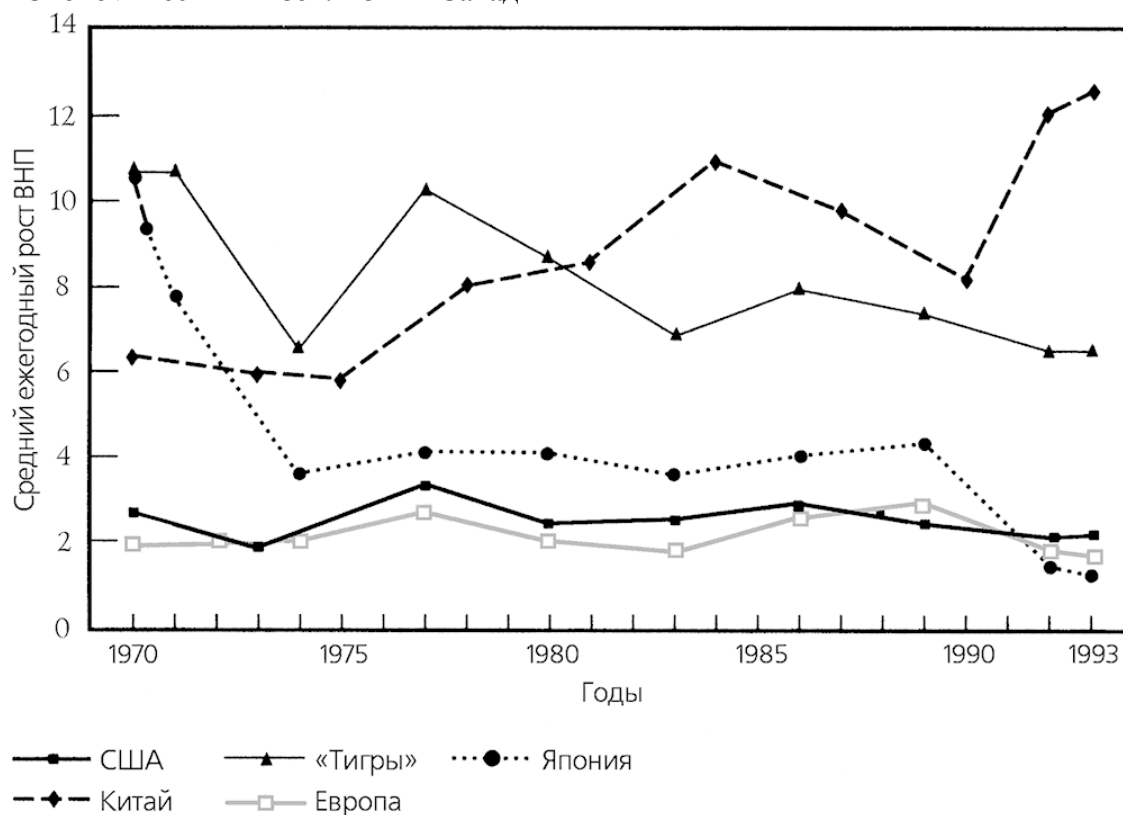
Таким образом, исключением стала не только Япония, а почти вся Азия. Отождествление благополучия с Западом, а недоразвитости – с не-Западом не переживет двадцатое столетие. Скорость этой трансформации поражает. Как заметил Кишор Мабубани, для того чтобы удвоить доход на душу населения, Британии и Соединенным Штатам понадобилось соответственно сорок восемь и сорок семь лет, в то время как Япония сделала это за тридцать три года, Индонезия – за семнадцать, Корея – за одиннадцать, Китай – за десять. Китайская экономика росла

в среднем на 8 % в восьмидесятых годах и первой половине девяностых, а «Тигры» недалеко от него отстали (см. рис. 5.1). «Китайский экономический регион, – как объявил в 1993 году Всемирный банк реконструкции и развития, – стал четвертым полюсом роста в мире», наряду с Соединенными Штатами, Японией и Германией. Согласно большинству прогнозов, китайская экономика станет крупнейшей в мире в самом начале двадцать первого века. Имея у себя вторую и третью в мире по величине экономики в 1990-х годах, к 2020 году Азия будет иметь четыре из пяти и семь из десяти крупнейших экономик. К этому времени на долю азиатских стран будет приходиться 40 % всемирного экономического продукта. Большая часть конкурентоспособных экономик также, скорее всего, будут азиатскими [1]. Даже если экономический рост Азии замедлится быстрее, чем это ожидается, последствия этого роста для Азии и всего мира будут поистине потрясающими.

Экономическое развитие Восточной Азии изменит баланс сил между Азией и Западом, особенно Соединенными Штатами. Удачный экономический рост порождает уверенность в себе и агрессивность со стороны тех стран, в которых он существует и приносит выгоду. Богатство, как и власть, считается доказательством добродетели, демонстрацией морального и культурного превосходства. По мере того как страны Восточной Азии добиваются экономических успехов, их жители не упускают случая сделать акцент на отличиях своей культуры и воспеть превосходство этих ценностей над устоями Запада и других стран. Азиатские государства все меньше прислушиваются к требованиям и интересам США и все больше сопротивляются давлению Соединенных Штатов и западных стран.

Рис. 5.1

Экономический вызов: Азия и Запад

Примечание: на графике точками представлены усредненные за 3 года показатели.

«Культурное возрождение, – как выразился в 1993 году посол Томми Ко, – пронеслось по Азии». Оно принесло с собой «растущую самоуверенность», которая призывает азиатов

«не рассматривать все западное и американское как обязательно лучшее» [2]. Это возрождение проявляется во все большем акценте, который делается как на отличие культурных особенностей различных азиатских стран, а также общих местах в азиатских культурах, которых отличают их от западных культур. Значимость этого культурного возрождения иллюстрируется изменившимися взаимоотношениями двух главных стран Восточной Азии с западной культурой.

Когда Западу удалось насадить свои ценности в Китае и Японии в середине девятнадцатого века, доминирующие элиты (после мимолетного увлечения тем, что позже назвали кемализмом) ратовали за реформистскую стратегию. С началом реставрации Мейдзи к власти в Японии пришли динамичные группы, которые изучили и переняли западные технологии, практику и институты, после чего начали процесс японской модернизации. Однако они провели ее таким образом, что сохранили основные черты традиционной японской культуры, которая во многих отношениях помогла модернизации и которая позволила Японии вспомнить, переформулировать и дополнить элементы этой культуры, чтобы поддержать и оправдать свой империализм в тридцатые-сороковые годы двадцатого века. В Китае, напротив, переживающая упадок династия Цин была неспособна успешно приспособиться к влиянию Запада. Китай был разгромлен, унижен и поработен Японией и европейскими державами. За падением династии в 1910 году последовали раскол, гражданская война и обращение к конкурирующим западным концепциям со стороны соперничающих китайских интеллигентов и политических лидеров: три принципа Сунь Ятсена – «Национализм, демократия и благополучие народа»; либерализм Лян Цичао; марксизм-ленинизм Мао Цзэдуна. В конце 1940-х годов импортированные из Советского Союза идеи победили западные – национализм, либерализм, демократию, христианство, – и так Китай стал социалистической страной.

В Японии сокрушительное поражение во Второй мировой войне привело к полному культурному поражению и краху. «Сейчас нам очень трудно, – заметил в 1994 году один житель Запада, глубоко сведущий в делах Японии, – представить себе ту степень, в которой буквально все – религия, культура, каждый аспект духовного бытия страны – было поставлено на службу этой войне. Поражение в войне обернулось глубоким шоком системы. Все, что было в их умах, потеряло свою ценность и было отвергнуто» [3]. Все связанное с Западом и особенно с победившими Соединенными Штатами стало выглядеть хорошим и желанным. Таким образом, Япония пыталась подражать Соединенным Штатам, как Китай подражал Советскому Союзу.

К концу 1970-х неспособность коммунизма привести к экономическому росту и успех капитализма в Японии, а также все в новых азиатских странах, заставило новое китайское руководство отказаться от советской модели. Развал Советского Союза, произошедший десять лет спустя, еще больше подчеркнул провал подобного импорта. Таким образом, китайцы стали перед выбором: обратиться ли им к Западу или обратиться к внутренним традициям. Многие представители интеллигенции, а также других кругов ратовали за полное принятие демократии – тенденция эта достигла своей культурной и популярной кульминации в телесериале «Речная элегия» и статуе Демократии, воздвигнутой на площади Тяньаньмынь. Эта западная ориентация, однако, не заручилась поддержкой ни нескольких сот человек из пекинского руководства, ни 800 миллионов крестьян, проживающих в сельской местности. Тотальная вестернизация в конце двадцатого века была не более практична, чем в конце девятнадцатого. Вместо этого руководство избрало новую версию: капитализм и интеграция в мировую экономику, с одной стороны, в сочетании с политическим авторитаризмом и возвращением к корням традиционной китайской культуры – с другой. Революционные порядки марксизма-ленинизма были заменены на более функциональные, поддерживаемые зарождающимся экономическим ростом и национальными устоями, а также осознанием отличительных характеристик китайской культуры. «Посттяньаньмыньский режим, – заметил один комментатор, – с радостью принял китайский национализм как новый источник законности» и умышленно поднял антиамер-

риканскую волну, чтобы подтвердить свое могущество и оправдать свое поведение [4]. Так возникает китайский культурный национализм. Как охарактеризовал его один из лидеров Гонконга в 1994 году: «Мы, китайцы, ощущаем патриотизм, который мы никогда не чувствовали. Мы – китайцы, и мы можем этим гордиться». В самом Китае в начале 1990-х возникло «всеобщее стремление вернуться к исконным китайским устоям, которые зачастую патриархальны, весьма самобытны и авторитарны. Демократия, в ее историческом повторном появлении, была отвергнута, как и ленинизм, как еще одно течение, навязанное из-за рубежа» [5].

В начале двадцатого века китайские интеллектуалы, независимо повторив Вебера, идентифицировали конфуцианство как источник отсталости Китая. В конце двадцатого столетия китайские политические лидеры, параллельно с западными специалистами в области общественных наук, превозносили конфуцианство как источник прогресса Китая. В 1980-х китайское правительство принялось поддерживать интересы конфуцианства, а партийные руководители объявили его «основой» китайской культуры [6]. Конечно же, конфуцианство также с воодушевлением было воспринято Ли Кван Ю, который видел в нем источник успеха Сингапура и стал проповедником конфуцианских ценностей для всего остального мира. В 1990-х годах правительство Тайваня заявило, что является «наследником конфуцианской мысли», а президент Ли Дэнхуэй видел корни демократизации Тайваня в его китайском «культурном наследстве», которое простирается до Као Яо (двадцать первый век до нашей эры), Конфуция (пятый век до нашей эры) и Мэн-цзы (третий век до нашей эры) [7]. Независимо от того, что хотят утвердить китайские лидеры – авторитаризм или демократию, – они хотят узаконить это при помощи своей общей китайской культуры, а не импортированных китайских концепций.

Национализм, который поддерживается режимом, – это ханьский национализм, который помогает сглаживать лингвистические, региональные и экономические различия между 90 % населения Китая. В то же самое время он подчеркивает отличия не-китайских этнических меньшинств, которые составляют менее 10 % от населения Китая, но занимают 60 % его территории. Но он также обеспечивает базу для неприятия христианства, христианских организаций и христианских проповедников, которые предлагают альтернативную западную веру, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся после крушения марксизма-ленинизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.